

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

На правах рукописи

Сычев Николай Федорович
Деятельность А.А. Макарова на посту министра внутренних дел
Российской империи (сентябрь 1911 года – декабрь 1912 года)
Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д. и. н. Ф.А. Гайда

Москва — 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Назначение А.А. Макарова на пост министра внутренних дел	36
§1. Смерть П.А. Столыпина и назначение В.Н. Коковцова новым премьер-министром.	36
§2. Поиск преемника П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел.	45
§3. Биография А.А. Макарова	55
§4. Реакция общественности на назначение А.А. Макарова министром внутренних дел.	64
Глава 2. А.А. Макаров и вопрос о выделении Холмской губернии.	77
§1. История холмского вопроса	78
§2. Обсуждение законопроекта в Государственной думе. Речь А.А. Макарова.	80
§3. Реакция на выступление А.А. Макарова	89
Глава 3. Действия А.А. Макарова по прекращению газетной кампании против Григория Распутина	97
§1. Начало кампании в газете «Голос Москвы»	97
§2. Противодействие А.А. Макарова кампании против Распутина	103
§3. Появление слухов об отставке А.А. Макарова	110
Глава 4. А.А. Макаров и ленские события.	114
§1. Забастовка рабочих на Ленских золотопромышленных приисках.	114
§2. Запросы думских фракций по поводу ленских событий.	130
§3. Ответ правительства на запросы думских фракций. Выступление А.А. Макарова.	136
§4. Реакция общественно-политических кругов на разъяснения А.А. Макарова.	141
Глава 5. Выборы в IV Государственную думу и отставка А.А. Макарова с поста министра внутренних дел.	158
§1. Предвыборная кампания.	158
§2. Результаты выборов. Открытие IV Государственной думы.	175
§3. Отставка А.А. Макарова с поста министра внутренних дел.	185
Заключение	199
Список использованных источников и литературы.	204

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования. В современной историографии пересматривается и уточняется вопрос о продолжении столыпинского правительственного после осени 1911 г. Его актуализации способствовало, как минимум, два фактора. Во-первых, отсутствие в настоящее время идеологических рамок, которые предписывали изучать данный период в советской исторической науке лишь в контексте кризиса третьеиюньской системы и ее неизбежного краха. Во-вторых, введение в научный оборот ранее не использовавшихся комплексов архивных материалов, которые позволяют по-новому взглянуть на причины кризиса третьеиюньской системы и оценить возможность ее альтернативного развития.

В тесной связи с вопросом о продолжении столыпинского правительственного курса после гибели его инициатора следует рассматривать деятельность преемников покойного премьер-министра, в частности, Александра Александровича Макарова, возглавившего МВД в конце сентября 1911 г., и остававшегося на этом посту до декабря 1912 г. Вступление в должность для нового министра было сопряжено с большим количеством трудностей. В частности, его предшественник – П.А. Столыпин – совмещал пост главы МВД с должностью премьер-министра, вследствие чего к 1911 г. так и не было проведено четкого разделения функций главы правительства и министра внутренних дел. Фактически А.А. Макаров стал первым полноценным министром внутренних дел периода третьеиюньской системы. Кроме того, эта новая система государственного управления, в которой МВД оставалось одним из ключевых министерств, требовала от его главы активного участия во взаимодействии правительства с народным представительством. То есть министром внутренних дел в условиях третьеиюньской системы мог быть лишь профессиональный политик, тонко чувствовавший направление текущего политического процесса. Столыпин, помимо богатого опыта общественно-политической деятельности, обладал талантом оратора и был способен наладить взаимодействие правительства с представителями ряда

думских фракций. В этой ситуации особое значение имел образ нового министра внутренних дел в общественном мнении, ведь Макаров представлял собой совершенно иной тип государственного деятеля, отличный от Столыпина, поэтому и ожидания, связанные с новым главой МВД, отличались от ожиданий, связанных с его предшественниками. Однако на протяжении всего периода нахождения Макарова на этой должности его деятельность сопровождалась перманентным внутривластным кризисом. Некоторые аспекты этого кризиса достались ему от предшественников (проблема Распутина, холмский вопрос), другие же возникли уже в период 1911–1912 гг. (ленские события, предвыборная кампания в Государственную думу IV созыва). Всё это требовало от Макарова не только твердой воли и последовательных действий, но и определенной политической ловкости. Поэтому анализ его деятельности на посту главы МВД важен прежде всего для понимания тех трансформаций, которые стали происходить с третьеиюньской системой после смерти Столыпина и которые в перспективе привели ее к краху.

Степень разработанности темы. В исследовании данной темы можно выделить несколько этапов.

Первый этап относится к 1920 – 1930 гг. Однако следует отметить, что интерес к рассматриваемой теме возник еще у современников, тем или иным образом принимавших участие в событиях 1911 – 1912 гг. Все это нашло отражение на страницах периодической печати и в мемуаристике. Что касается выработки концепций и четкого взгляда на внутривластное развитие империи в 1911 – 1912 гг., то первые попытки в этом направлении были предприняты исследователями-эмигрантами. Среди них особое место занимает С.С. Ольденбург, опубликовавший в 1939 году фундаментальный труд под названием «Царствование императора Николая II»¹. Он имел доступ к документам, хранившимся в русском посольстве в Париже, которые

¹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 2016.

представляли собой копии подлинных исторических документов. На их основе С.С. Ольденбург, придерживавшийся правых взглядов, сформулировал образ Российской империи предреволюционной эпохи – страны с поступательным экономическим развитием и с невиданным доселе уровнем благосостояния. Однако Первая мировая война и Февральская революция прервали естественный ход развития Российской империи. Что касается интересующего нас времени, то Ольденбург утверждал, что после кончины П.А. Столыпина правительственный курс не изменился, поскольку его направление определялось самим императором. Да и В.Н. Коковцов, по мнению историка, относился к предшественнику с глубоким уважением и стремился продолжить его дело. А.А. Макаров предстал в данной монографии образцом старого проверенного чиновника, потерпевшего неудачу в проведении думских выборов осенью 1912 г. Так или иначе, С.С. Ольденбург считал внутривластическое развитие страны в 1911 – 1912 гг. логичным продолжением правительственного курса предыдущих лет. Эта концепция получила свое развитие в эмигрантских кругах, впоследствии эволюционировав в сторону конспирологии, что прослеживается, в частности, в работе В. Кобылина.² Работы эмигрантских историков отличались публицистическим характером и были сосредоточены на объяснении причин революции.

Второй этап изучения темы пришелся на 1960 – 1980-е гг. Наиболее последовательно тема рассмотрена в работах В.С. Дякина: «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1911 – 1914 гг. Разложение третьеиюньской системы», и «Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг.»³. Третьеиюньскую систему Дякин рассматривал как очередную фазу эволюционного развития российского самодержавия – компромисс между

² Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998.

³ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л., 1978; *его же*. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

помещиками и верхами буржуазии. Под влиянием ленинских взглядов, он определил данную систему как российскую форму бонапартизма. Однако, Дякин, развивая этот взгляд, пришел к выводу, что компромисс между помещиками и буржуазией был явлением временным и должен был неизбежно рухнуть. В отличие от С.С. Ольденбурга, советский историк отрицал наличие у преемников Столыпина какой-либо программы, а также не признавал их право на формулирование правительственного курса.

Несогласие с концепцией В.С. Дякина высказал А.Я. Аврех, в 1960-х – 1970-х гг. написавший ряд работ, посвященных изучению третьеиюньской системы, также с привлечением большого массива источников. Его концепция представляла собой полную преемственность взглядам Ленина, что отразилось в характеристике третьеиюньской системы. Аврех соглашался с Дякиным в том, что она имела бонапартистский характер, но совершенно по-другому определял ее суть. Аврех утверждал, что третьеиюньская система была ничем иным, как постоянным лавированием слабого правительства между двумя большинствами в Думе (октябристско-кадетским и правооктябристским – прим. Авт.)⁴. Концепция А.Я. Авреха нашла выражение в нескольких его работах, посвященных интересующему нас времени⁵. Их главный недостаток заключается в том, что деятельность правительства и, в частности, министерства внутренних дел рассматривалась в них крайне избирательно. Кроме того, определенные вопросы вызывает стиль автора, более близкий к публицистическому, нежели к научному.

К этому же этапу относятся и немногочисленные труды зарубежных историков. В западной русистике практически не занимались проблематикой взаимоотношений власти и общественности после гибели Столыпина. Основное внимание в их работах уделялось изучению высшей бюрократии

⁴ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 21.

⁵ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; *его же*, Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991; *его же*, Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; *его же*, Царизм и IV Дума. М., 1981.

России XIX – начала XX века. Тем самым, их работы носят общий характер и внутриполитическое развитие империи в 1911 – 1912 гг. исследователи (Д. Ливен, Р. Мак-Кин, Л. Мак-Рейнольдс) рассматривают в контексте более обширного временного отрезка⁶. Авторы отмечают прагматизм в качестве важнейшей черты российских чиновников того времени, а бюрократию определяют, как самую прогрессивную силу в империи на тот момент. Отсутствие единства в кабинете министров было, по мнению западных историков, главной причиной конфликтов в политических верхах. В целом, западная историография в то время делала первые попытки подвести под конкретные исследования не идеологическую или публицистическую базу, а научное теоретическое обоснование.

Ко второму этапу (в целом, с некоторым отодвиганием его нижней границы) относятся публикации, в которых рассматривались события на Ленских приисках в апреле 1912 г. Среди первых работ по данной теме следует выделить диссертацию А.М. Кудрявцевой⁷, в которой был поставлен вопрос о необходимости монографической разработки событий, связанных с ленской стачкой. В последующие годы по данной теме было опубликовано несколько работ, в которых предпринимались попытки всестороннего изучения ленских событий. Среди них стоит выделить труд Ю.С. Аксенова⁸, в котором использовались доступные архивные и опубликованные источники. Вместе с тем работа была оснащена научным аппаратом, что позволяет ей претендовать на монографический подход к теме и на определенную новизну в постановке темы и ее освещении. Также концептуальное развитие тема ленских событий

⁶ *Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. – N. Haven&London, 1989; McKean R.B. Between the revolutions: Russia 1905 to 1917. L., 1990; McReynolds L. The news under Russia's Old Regime. The Development of a Masscirculation press. Princeton, 1991.*

⁷ *Кудрявцева А.М. Ленский расстрел и его значение в подъеме рабочего движения в России. М., 1949.*

⁸ *Аксенов Ю.С. Ленские события 1912 года. М., 1960.*

получила в работах К.Ф. Шацилло⁹, А.Я. Авреха¹⁰ и других авторов. Основное внимание в них уделялось тяжелому материальному положению рабочих на приисках, а также действиям местной власти. Ответственность за расстрел «мирной» забастовки рабочих возлагалась на местную власть, а министр внутренних дел был представлен косным и циничным чиновником, во многом из-за своей речи в Государственной думе, посвященной данным событиям. В целом, несмотря на обилие работ, тему нельзя признать достаточно изученной в силу того, что основная концепция основывалась на идеологической базе и многие работы повторяли предыдущие.

Третий этап – это современная российская историография, в которой разрабатываются новые подходы к изучению темы. Особое внимание было сосредоточено на рассмотрении деятельности высших административных органов в интересующий нас период. Основные аспекты функционирования Совета министров после смерти Столыпина обозначены и развиты в работах С.В. Макарова, М.Ф. Флоринского и Г.С. Варнаковой¹¹. Положение и значение Государственного совета Российской империи в интересующий нас период подробно разбирают в своих монографиях В.А. Демин и А.П. Бородин¹². Не менее важным элементом третьей юнкерской системы была Государственная Дума. Вопросы, связанные с порядком выбора депутатов, ее деятельностью и

⁹ *Шацилло К.Ф.* Ленский расстрел и царское правительство (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // *Большевистская печать и рабочий класс в России в годы революционного подъема (1910 – 1914)*. М., 1965.

¹⁰ *Аврех А.Я.* Ленский расстрел и кризис третьей юнкерской системы. М., 1962.

¹¹ *Макаров С.В.* Совет министров Российской империи. 1857 – 1917 гг. Государственно-правовые проблемы. СПб., 2000; *Флоринский М.Ф.* Верховная власть и правительство России (1907 – 1914) // *Старцевские чтения – 2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сборник воспоминаний и научных статей.* СПб., 2007. С.95 – 107; *его же*, *Институт всеподданнейших докладов членов Российского правительства (1905 – 1914 гг.)* // *Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев.* СПб., 2011. С. 80 – 92; *Варнакова Г.С.* Состав Совета министров Российской империи 1905 – 1914 гг. (опыт индивидуальной и коллективной характеристики на основе документов личного происхождения). Дис. ... к.и.н. М., 2004.

¹² *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. 1906 – 1917. М., 2006; *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906 – 1917). Киров, 1999.

взаимоотношениями с властью, также подробно рассматриваются в современной историографии. Среди работ, посвященных III Государственной Думе следует выделить монографию А.Ф. Смирнова, опубликованную в 1998 году.¹³ Автор строит свое исследование на основе изучения стенографических отчетов заседаний Думы, архивных материалов, переписки и мемуаров видных политических деятелей той эпохи. Кроме того, автор отмечает расхождения министра внутренних дел А.А. Макарова с премьер-министром В.Н. Коковцовым во взглядах на преодоление последствий ленских событий, а также в подходах к проведению выборов в IV Думу.

Особое внимание в современной историографии внутривластного развития России в 1911 – 1912 гг. уделяется вопросу о взаимоотношениях власти с представительными институтами. Данной проблеме посвящены работы К.А. Соловьева¹⁴. Работа строится по тематическому принципу, что позволяет рассмотреть интересующий вопрос отдельно от других, но не способствует пониманию того, как хронологически развивались взаимоотношения власти и представительных учреждений. Автор подчеркивает отсутствие единства внутри политических институтов третьеиюньской монархии, что снижало эффективность их работы и накапливало противоречия между ними. Особое внимание Соловьев уделяет деятельности политических партий, анализируя их идеологические установки. Так, он отмечает, что октябристы зачастую действовали, исходя из сложившейся ситуации, а кадеты, напротив, неохотно отходили от своих идеологических постулатов, даже если это наносило ущерб их деятельности. В конце концов, автор приходит к выводу, что эффективное взаимодействие

¹³ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906 – 1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.

¹⁴ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906 – 1914). М., 2011; *его же*, Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. II. Власть. Общество. Культура. М., 2011; *его же*, Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную Думу // К 80-летию Роальда Федоровича Матвеева. Сб. научн. Статей. М. РГГУ, 2008. С. 295 – 301.

власти и представительных учреждений так и не было налажено, но из работы не вполне ясно, по каким причинам этого не произошло.

О состоянии консервативных сил в интересующее нас время писал в своей работе М.Н. Лукьянов¹⁵. Автор исследовал взгляды консерваторов на проблемы, с которыми столкнулась Россия перед Первой мировой войной. Исследователь рассматривает консерватизм как интернациональное идеологическое явление, которое характеризуется определенным набором взаимосвязанных мировоззренческих установок. В ходе исследования автор приходит к выводу, что представления консерваторов об идеальном с их точки зрения государственном устройстве совершенно расходятся с действительностью. Лукьянов опровергает устойчивое мнение о том, что между консерваторами и властью в эпоху третьеиюньской монархии наблюдалось полное согласие. Для этого автор пытается раскрыть всю сложность и противоречивость этих взаимоотношений, обозначить их болевые точки.

Положению либеральной оппозиции в интересующее нас время посвящено исследование И.В. Ледневой¹⁶. Автор определяет ее левое крыло – кадетов – как «неудавшуюся альтернативу развития России». Кроме того, законодательная деятельность фракции конституционалистов-демократов способствовала зарождению конституционной идеи выхода России из кризиса, который был результатом разрыва между властью и обществом. И.В. Леднева отмечает, что в отличие от октябристов, до поры до времени сотрудничавших с властью, кадеты до конца отстаивали эту идею. Подобный тон работы может быть обусловлен ярко выраженной опорой на источники кадетского происхождения.

¹⁵ Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907 – 1914. Пермь, 2001.

¹⁶ Леднева И.В. Либеральная оппозиция в III Государственной думе: 1907 – 1912 гг. Дис. ... к.и.н. СПб., 2002.

Полемика о настоящем и будущем России и третьеиюньской системы в 1910 – 1917 гг. посвящена монография Ф.А. Гайды¹⁷. В ней автор дает характеристику третьеиюньской системы, утверждая, что она была, безусловно, реакционной, но ни в коем случае не отсталой. Автор приходит к выводу, что после революции 1905 – 1907 гг. империя оказалась на «среднеевропейском» уровне по формальному распространению политических прав. Однако, кризис «обновленного строя» был, по мнению Гайды, неизбежен, поскольку третьеиюньская система основывалась на неустойчивой социально-экономической базе, к тому же в России не были достаточно развиты традиции самоуправления, политическая культура находилась в стадии зарождения, а уровень грамотности населения был достаточно низким. В монографии отмечено, что кризис «обновленного строя» проявился еще при жизни Столыпина, а при его предшественниках, противоречия внутри системы стали неуклонно усиливаться. Что касается положения политических группировок, то автор четко определяет место каждой из них в третьеиюньской системе. Самому подробному разбору автор подвергает проведение выборов в IV Государственную думу, оценивая степень влияния на него правительственного аппарата. Упоминая о деятельности А.А. Макарова, Ф.А. Гайда приходит к выводу, что министр внутренних дел не справился с рядом своих прямых обязанностей, а также не смог сохранить хорошие отношения с В.Н. Коковцовым. Среди особенностей работы необходимо отметить использование в качестве источников широкого спектра российских периодических изданий начала XX века.

Таким образом, тема настоящей диссертации ранее рассматривалась лишь в контексте других сюжетов. При этом абсолютно не затрагивалось восприятие министра внутренних дел Макарова различными общественно-политическими силами, не делалось выводов об оценках современниками его

¹⁷ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016.

деятельности, мало изучены возможные причины его назначения на столь ответственный пост и последующей отставки. Не получил достаточного освещения вопрос влияния газетной кампании против Распутина на карьеру Макарова. Также отсутствуют работы, посвященные участию министра внутренних дел в обсуждении, рассмотрении и принятии холмского законопроекта. Без заполнения этих пробелов невозможно объяснить, насколько правительство после гибели Столыпина следовало курсу покойного премьера и в какой степени Макарову удалось реализовать стоявшие перед ним задачи в рамках данного курса.

Цель и задачи исследования. Целью работы является реконструкция деятельности А.А. Макарова на посту министра внутренних дел на фоне внутривластных событий 1911–1912 гг., вызвавших наибольший общественный резонанс. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- восстановить процесс поиска преемника Столыпина на посту премьер-министра и министра внутренних дел (сравнив все представленные кандидатуры), а также обстоятельства назначения А.А. Макарова на эту должность;
- определить вклад А.А. Макарова в обсуждение, рассмотрение и принятие законопроекта о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского;
- установить степень влияния газетной кампании против Г.Е. Распутина на карьеру А.А. Макарова;
- указать действия А.А. Макарова в ответ на левые события и их отражение в общественном мнении;
- охарактеризовать восприятие в общественном мнении роли А.А. Макарова в подготовке выборов в IV Думу;
- выявить обстоятельства отставки А.А. Макарова с поста министра внутренних дел и оценить отношение к этому событию в общественном мнении.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает обновленный после реформ 1905–1906 гг. государственный строй Российской империи, предмет исследования – деятельность А.А. Макарова на посту главы МВД на начальном этапе существования третьеиюньской системы после смерти П.А. Столыпина, явившегося одним из ее главных создателей и одной из ключевых фигур, определявших ее функционирование.

Хронологические рамки исследования охватывают период с сентября 1911 г. по декабрь 1912 г. Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что на указанный месяц пришлось гибель П.А. Столыпина и, как следствие, поиск и утверждение его преемника на посту министра внутренних дел. Верхняя хронологическая граница связана с отставкой А.А. Макарова, которую император утвердил в конце 1912 г.

Территориальные рамки исследования связаны с объектом и предметом исследования и ограничены, во-первых, Санкт-Петербургом, где располагались места пребывания императора и правительственные учреждения, а также основные центры ключевых общественно-политических сил. Во-вторых, эти границы включают в себя Москву и Киев, где, как и в столице, выходили наиболее популярные периодические издания разной политической ориентации.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексно рассматривается ряд проблем, прежде не получавших самостоятельного освещения в историографии. Во-первых, оценивается этап развития третьеиюньской системы, связанный с разделением постов премьер-министра и министра внутренних дел и начальным опытом отдельного функционирования должности главы МВД в период министерства А.А. Макарова. Во-вторых, определяется степень участия министра внутренних дел в процессе принятия законопроекта о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского. В-третьих, характеризуется влияние газетной кампании против Г.Е. Распутина на деятельность А.А. Макарова во главе МВД. В-четвертых, систематизируются как непосредственно сами решения,

принятые А.А. Макаровым в ответ на ленские события, так и их восприятие в обществе, и оценивается значение возникшего интерпретационного зазора для разных аспектов дальнейшего существования третьеиюньской системы. В-пятых, показываются роль министра внутренних дел в организации и проведении выборов в IV Государственную думу и диапазон общественных мнений по этому поводу. В-шестых, предлагается комплексное объяснение причин отставки А.А. Макарова и делается вывод о значении его деятельности на должности руководителя МВД для последующего восприятия в обществе преемников этого министра.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом, который данная работа вносит в изучение истории России эпохи третьеиюньской системы, в понимание закономерностей развития этой системы в период между смертью П.А. Столыпина и началом Первой мировой войны, в объяснение внутривластной ситуации в стране в 1911–1912 гг., когда завершилась легислатура III Думы, состоялись выборы в IV Думу и началась ее работа.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по отечественной истории XIX – начала XX в., в частности, по политической истории России периода третьеиюньской системы, истории высшей бюрократии в Российской империи.

Методологическая основа исследования. В настоящей работе автор исходит из фундаментальных принципов исторического исследования – историзма, системности и объективности. Они позволяют рассмотреть деятельность А.А. Макарова на посту министра внутренних дел не только в качестве комплексного явления, но и в контексте внутривластной ситуации в Российской империи после гибели П.А. Столыпина. В данном случае принцип историзма раскрывается в рассмотрении деятельности Макарова как неотъемлемой части правительственного курса в 1911–1912 гг. Соблюдение принципа объективности обеспечивается путем изучения

обширной и репрезентативной источниковой базы, а также введением в научный оборот ряда ранее не опубликованных архивных документов. Деятельность министра внутренних дел была тесно связана с различными элементами системы государственного управления, в частности, с высшими органами исполнительной власти, а также с парламентом, что предполагает использование принципа системности в ходе ее рассмотрения. Следует отметить, что данный принцип позволяет также определить возможные функции министра внутренних дел после гибели П.А. Столыпина.

Кроме основных принципов, методология исследования включает в себя использование специальных исторических методов. По причине того, что деятельность министра внутренних дел представляла собой сложный процесс, имевший как политическую, так и социальную составляющие, в работе применялись методы социальной истории, в частности, метод социологического понимания, подробно описанный в работах М. Вебера¹⁸. В данном исследовании при помощи указанного метода используется принцип сопереживающего понимания мотивов поведения, который применяется для объяснения возможных причин решений, принимавшихся А.А. Макаровым в условиях кризисных ситуаций на основе информации из источников личного происхождения. При рассмотрении взаимоотношений министра внутренних дел с представителями высшей бюрократии применяется историко-биографический метод, главной задачей которого является реконструкция персональных историй политиков, что позволяет сформировать образ исторического деятеля на фоне эпохи¹⁹. В данной работе он позволяет оценить влияние того или иного чиновника на карьеру министра внутренних дел А.А. Макарова. Также в настоящем исследовании нашел свое применение метод историографической традиции, который реализуется в анализе всей

¹⁸ Вебер М. Исследования по методологии наук. М., 1980.

¹⁹ Селунская Н.Б. Возрождение биографического метода в практиках историописания XXI в.: «история в биографиях» и «история через личность» // [Биографический метод и его источники в исследованиях российской истории XVIII – начала XX в.](#) СПб., 2021. С. 8–20.

предшествующей научной литературы, посвященной изучению указанной темы.

Источниковую базу исследования составил комплекс документальных материалов, который включает как введенные в научный оборот источники, так и неопубликованные до настоящего времени. Все источники, использованные при подготовке диссертации, можно разделить на четыре группы: законодательные материалы; делопроизводственная документация; периодическая печать; источники личного происхождения.

Законодательные акты представлены Основными государственными законами Российской империи, принятыми 23 апреля 1906 г.²⁰, Полным собранием законов Российской империи²¹ и Высочайших постановлениях за 1911 – 1914 гг.²² Они позволяют составить представление о законотворческой деятельности министерства внутренних дел во время нахождения А.А. Макарова во главе ведомства.

Делопроизводственные документы включают в себя Особые журналы Совета министров²³, стенографические отчеты Государственной думы Российской империи²⁴, а также ряд делопроизводственных материалов Совета министров²⁵ и Министерства внутренних дел²⁶. Из числа неопубликованных материалов были использованы донесения чиновника особых поручений при председателе Совета министров, заведующего министерским павильоном Л.К. Куманина о деятельности отдельных комиссий, фракций и членов Государственной думы²⁷, а также делопроизводственные материалы Главного

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. СПб., 1905. Отделение I. № 27805.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXXI. Отделение 2. СПб, 1911; ПСЗРИ. Собрание третье. Том XXXII. Отделение 1. СПб, 1912; ПСЗРИ. Собрание третье. Том XXXII. Отделение 2. СПб, 1912.

²² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1161. Оп.1. Д.147.

²³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 – 1917 гг. М., 2002.

²⁴ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. СПб., 1911 – 1912.

²⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 643, 644; Оп. 8. Д. 1, 3, 8.

²⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 10. 1911. Д. 5, 6, 7, 8; 1912. Д. 1, 2, 3, 4, 5; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 730, 731, 1197;

²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 9.

управления по делам печати²⁸. Данные материалы позволяют определить вопросы, в обсуждении которых принимал участие А.А. Макаров как член кабинета В.Н. Коковцова и раскрывают повседневную сторону его деятельности на посту главы МВД. Кроме того, они позволяют отследить участие А.А. Макарова в заседаниях народного представительства, поскольку содержат в себе как тексты выступлений министра внутренних дел, так и реакцию на них со стороны депутатов. Необходимо отметить, что данный тип источников, в силу своего официального характера, позволяет подтвердить или опровергнуть данные других источников, использованных в данном исследовании.

Материалы периодической печати охватывают период с сентября 1911 года по январь 1913 года. Все используемые издания носят политический характер и в большинстве случаев отражают точку зрения той или иной политической группы на события в стране и мире. Для настоящего исследования были отобраны периодические издания, ориентировавшиеся на основные политические течения в Российской империи в начале XX века – консервативное, умеренно-либеральное и радикально-либеральное. Социалисты не вошли в их число, поскольку имели весьма незначительное представительство депутатов в Государственной думе – одном из главных элементов третьеиюньской системы. Отобранная периодическая печать делится на ежемесячные литературно-политические журналы и на газеты, выходившие ежедневно за исключением постпраздничных дней.

Во второй половине XIX—начале XX в. в России резко выросло количество возникавших и одновременно выходивших периодических изданий. Периодика стала мощным инструментом формирования общественного мнения, что в начале XX века, в период зарождения и становления современной политической культуры в Российской империи имело особое значение. Периодическая печать была ареной противоборства

²⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 2551; Оп. 10. Д. 630, 637; Оп. 17. 1912. Д. 71.

различных политических группировок, с ее помощью обществу передавались новые политические идеи.

К началу XX века в Российской империи окончательно сложился тип толстого журнала — солидного ежемесячного общественно-политического и литературно-художественного издания. Отличительными его чертами были: большой объем публикуемых материалов (300 – 400 страниц текста); объединение в каждом номере литературно-художественного сборника, научной энциклопедии и политической газеты. В структуре журнала обязательно присутствовали разделы, посвященные внутренним проблемам в стране и внешнеполитическим событиям. В настоящей работе в качестве источников были использованы два таких журнала.

Во-первых, это «Вестник Европы»²⁹, издававшийся с 1866 по 1918 гг. в Петербурге. Поначалу он задумывался как трехмесячник, но впоследствии, за счет создания разделов по внешней и внутренней политике, стал выходить ежемесячно. По структуре журнал был разделен на две части. В первой публиковались научные статьи, беллетристика и очерки. Вторую часть составляли разделы «Внутреннее обозрение», «Иностранная политика», «Литературное обозрение». Именно здесь, в разделе «Внутреннее обозрение» публиковались материалы, формировавшие политическую направленность журнала. В 1909 – 1916 гг. редактором журнала был общественный деятель либерального направления М.М. Ковалевский³⁰, известный своими трудами по истории, экономике и праву, а также стоявший у истоков социологического образования в России. В начале XX века «Вестник Европы» окончательно утвердился в статусе либерального издания. В период революции 1905—1907 публицисты журнала приветствовали манифест 17 октября, считая его достойным завершением революции и важным шагом на пути превращения

²⁹ Вестник Европы. 1911. №9 – 12; 1912. №1 – 12; 1913. №1.

³⁰ Ковалевский Максим Максимович (1851 – 1916) – российский юрист, историк, социолог и этнограф. Член Государственного совета в 1906 – 1916 гг., депутат Государственной думы I-го созыва. В 1909 – 1916 гг. – редактор-издатель журнала «Вестник Европы».

России в конституционную монархию. Объявляя журнал «внепартийным» органом, его редакция сочувствовала политической программе октябристов и кадетов.³¹ Ведущими публицистами «Вестника Европы» в третьеиюньский период, кроме его главного редактора, были политические деятели либерального направления, такие как Л.З. Слонимский³² и В.Д. Кузьмин-Караваев³³. Их объединяла принадлежность к т.н. «партии демократических реформ». Будучи членами конституционно-демократической партии, они посчитали ее программу слишком «левой» и сформировали свою партию. Однако, в целом, они шли в фарватере кадетской идеологии, поддерживая «мирное обновление» России и установление конституционной монархии. Это позволяет считать «Вестник Европы» печатным органом, сочувствующим кадетской партии, и подходящим для данного исследования.

Во-вторых, «Русская мысль»³⁴ – журнал, выходивший с 1880 по 1918 гг. в Москве. Поначалу это издание носило славянофильский характер, но к началу XX века оно прочно закрепило за собой репутацию наиболее влиятельного печатного органа буржуазного либерализма с достаточно большим тиражом (13 тыс. экз.)³⁵. В интересующий нас период «Русская мысль» стала органом правого крыла кадетской партии, рупором контрреволюционной буржуазии. По структуре журнал во многом схож с «Вестником Европы» – то же деление на две части: в первой публиковались литературные произведения и научные статьи, во второй – статьи на политические темы и традиционные разделы – «Внутреннее обозрение» и «Из общественной хроники». Кроме того, разделы также содержат в себе несколько

³¹ Русская периодическая печать (1895 – 1917). Справочник. М., 1957. [URL: http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/2.htm](http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/2.htm) (дата обращения: 8.02.2023).

³² Слонимский Леонид Зиновьевич (1850 – 1918) – российский публицист. С 1882 года – постоянный сотрудник журнала «Вестник Европы».

³³ Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859 – 1927) – российский юрист, публицист, общественно-политический деятель, генерал-майор. В 1905 – 1918 гг. – ведущий раздела общественно-политической хроники в журнале «Вестник Европы».

³⁴ Русская мысль. 1911. №9 – 12; 1912. №1 – 12; 1913. №1.

³⁵ Русская периодическая печать (1895 – 1917). Справочник. М., 1957. <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-6161.htm> (дата обращения: 3.02.2023).

частей, посвященных той или иной проблеме, что существенно упрощает работу с данным источником. В 1911 – 1918 гг. журнал возглавлял один из наиболее известных либеральных общественных деятелей своего времени – П.Б. Струве³⁶. Свои статьи по различным политическим вопросам в «Русской мысли» публиковали философ Н.А. Бердяев³⁷, публицист М.О. Гершензон³⁸, а также члены кадетской партии юрист А.С. Изгоев³⁹ и профессор Московского университета историк А.А. Кизеветтер⁴⁰. Большинство публицистов журнала были представителями интеллигенции и состояли в конституционно-демократической партии, что позволяет признать использование журнала необходимым для данного исследования, поскольку он транслирует точку зрения кадетов на различные внутривнутриполитические вопросы.

В настоящем исследовании в ходе анализа периодической печати было использовано значительное количество газет. Во 2-й половине XIX – начале XX века они образовали группу периодических изданий, основной функцией которых становится предоставление читателю оперативной, полной и точной информации. Вместе с этим происходит разделение газет по политической направленности – складывается тип большой общественно-политической газеты. Обычно такие издания имели большой формат, объем от четырех до восьми страниц и уделяли особое внимание вопросам политики, экономики и литературы. Важнейшее значение в газете имела передовая статья, обычно публиковавшаяся на видном месте на первой странице с указанием даты. Ее автор не указывался, но в подавляющем большинстве случаев это был главный

³⁶ Струве Петр Бернгардович (1870 – 1944) – российский общественно-политический деятель, экономист, философ, публицист. В 1906 – 1918 гг. – редактор журнала «Русская мысль».

³⁷ Бердяев Николай Александрович (1874 – 1948) – русский религиозный философ. В период третьеиюньской монархии по приглашению П.Б. Струве сотрудничал с журналом «Русская мысль».

³⁸ Гершензон Михаил Осипович (1869 – 1925) – российский историк литературы и общественной мысли, публицист.

³⁹ Изгоев Александр Соломонович (1872 – 1935) – российский политический деятель, публицист. В 1906 – 1918 гг. был одним из публицистов в журнале «Русская мысль».

⁴⁰ Кизеветтер Александр Александрович (1866 – 1933) – российский историк, политический деятель. С начала 1900-х гг. сотрудничал в журнале «Русская мысль»

редактор издания. По содержанию передовой статьи можно было определить политическую ориентацию газеты. Необходимо отметить, что именно в передовых статьях содержалось наибольшее количество интересующей нас информации, которая впоследствии была использована в данной работе.

Старейшей и одной из наиболее влиятельных газет консервативного направления были «Московские ведомости»⁴¹, издававшиеся с 1756 по 1917 гг. В ней публиковались указы, придворные известия, сообщения с театров войны, иностранные известия, внутренняя хроника и объявления. Наибольшее влияние газета имела при главном редакторе М.Н. Каткове, который окончательно превратил ее в печатный орган консервативных сил. В начале XX века газета сохранила свой «крайне правый» характер. Редактором «Московских ведомостей» в 1909 – 1913 гг. был известный русский общественный деятель монархического толка Л.А. Тихомиров. В начале XX века в газете публиковали свои статьи и заметки известные общественные и политические деятели консервативного направления, такие как В.М. Пуришкевич⁴², протоиерей Иоанн Восторгов⁴³, М.О. Меньшиков⁴⁴. Их публикации позволяют проследить то, как воспринималась личность министра внутренних дел А.А. Макарова и его деятельность в глазах представителей монархических кругов.

Не менее влиятельным и солидным изданием консервативного толка была газета «Новое время»⁴⁵, выходившая в Петербурге с 1868 по 1917 гг. Это издание было внепартийным печатным органом, хотя и придерживалось

⁴¹ Московские ведомости. 1911, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁴² Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870 – 1920) – российский общественный и политический деятель, литератор, действительный статский советник. Основатель Русского народного союза имени Михаила Архангела, депутат Государственной думы II – IV созыва.

⁴³ Иоанн Восторгов (1864 – 1918) – священномученик, митрофорный протоиерей, миссионер, церковный и политический деятель, председатель Русского монархического союза.

⁴⁴ Меньшиков Михаил Осипович (1859 – 1918) – российский публицист. В начале XX века считался одним из наиболее влиятельных консервативных публицистов.

⁴⁵ Новое время. 1912, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

консервативной линии. Редактором газеты в 1908 – 1917 гг. был известный общественный деятель консервативного направления М.А. Суворин. Его отец А.С. Суворин еще в 1870-х гг. приобрел «Новое время», бывшее на тот момент бесцветной и малоизвестной газетой. К началу XX века она превратилась в одно из самых крупных по финансовым оборотам ежедневных изданий в России, ее тираж достигал 60 тыс. экземпляров.⁴⁶ «Новое время» было самой дорогой из респектабельных газет, что, однако, не сказывалось на количестве ее читателей. Революционные события 1905 – 1907 гг. издание встретило в штыки, что вкупе с увеличением числа либеральных газет способствовало снижению ее популярности в обществе. Газета имела тесную связь с правящими кругами и была одной из немногих изданий, которое читал император и его ближайшее окружение. По мнению А.Н. Боханова, газета имела такое влияние на правящие круги, что похвала в «Новом времени» позволяла высшим чинам продвигаться дальше по карьерной лестнице.⁴⁷ «Новое время» имело разветвленную сеть корреспондентов в России и за ее пределами – в ней публиковались в большом количестве зарубежные новости, а также подробная хроника событий внутри России. Ведущими публицистами газеты были уже упоминавшийся ранее М.О. Меньшиков, а также литературный критик В.П. Буренин⁴⁸, религиозный философ В.В. Розанов⁴⁹ и А.А. Столыпин⁵⁰.

Другим влиятельным петербургским изданием была газета-журнал «Гражданин»⁵¹, издававшийся в 1872 – 1879 гг. и 1882 – 1914 гг. По своему страничному объему он был значительно меньше т.н. «больших» журналов, но

⁴⁶ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 43.

⁴⁷ Там же. С. 46.

⁴⁸ Буренин Виктор Петрович (1841 – 1926) – русский писатель и литературный критик, переводчик. С 1870-х гг. – один из ведущих публицистов газеты «Новое время».

⁴⁹ Розанов Василий Васильевич (1856 – 1919) – русский мыслитель, писатель, публицист. В начале XX века – постоянный сотрудник газеты «Новое время».

⁵⁰ Столыпин Александр Аркадьевич (1863 – 1925) – русский журналист, поэт и политический деятель. С 1904 года – постоянный сотрудник газеты «Новое время».

⁵¹ Гражданин. 1911. №36 – 52; 1912. №1 – 52.

превосходил по нему газеты. Основателем и бессменным редактором был князь В.П. Мещерский⁵². Издание было органом реакционных слоев русского дворянства. Круг читателей ограничивался духовенством и представителями «высшего общества»⁵³. Журнал вел борьбу за ликвидацию реформ, проведенных правительством Александра II. В начале XX века «Гражданин» активно защищал монархический строй, подвергая нападкам все прогрессивное в России и на Западе. В советской историографии «Гражданин» считался рупором оголтелого шовинизма, разжигавшим национальную рознь. В.П. Мещерский был в тоже время и ведущим публицистом издания, вел авторскую рубрику «Дневники», где высказывался по поводу текущих событий внутри империи и за ее пределами. Не ускользнула от внимания князя и личность министра внутренних дел А.А. Макарова, что представляется особенно важным для данного исследования.

Еще одним влиятельным печатным органом консервативного направления был «Киевлянин»⁵⁴, издававшийся в Киеве с 1864 по 1917 гг. Основателем газеты был профессор Киевского университета В.Я. Шульгин (отец участника февральских событий 1917 года В.В. Шульгина). Поначалу газета носила умеренно-либеральный характер, затем эволюционировала к консервативному направлению. «Киевлянин» был одной из самых крупных и влиятельных провинциальных газет – в лучшие годы тираж достигал 5 тыс. экземпляров. В советской историографии «Киевлянин» считали органом русским помещиков на Украине, который способствовал проведению русификаторской политики правительства.⁵⁵ В период революции 1905 – 1907 гг. газета группировала вокруг себя членов киевского отделения «Союза

⁵² Мещерский Владимир Петрович (1839 – 1914) – князь, российский публицист, писатель, действительный статский советник, камергер. С 1870-х гг. – издатель и редактор консервативного журнала-газеты «Гражданин».

⁵³ Русская периодическая печать (1895 – 1917). Справочник. М., 1957. <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-6161.htm> (дата обращения: 3.02.2023).

⁵⁴ Киевлянин. 1911, сентябрь-декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁵⁵ Русская периодическая печать (1895 – 1917). Справочник. М., 1957. <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-4521.htm> (дата обращения: 30.04.2023).

русского народа». При этом «Киевлянин» нельзя назвать радикальной газетой – антисемитские и националистические публикации не появлялись на первой полосе газеты. Большое внимание уделялось политическим вопросам, в которых нашлось место и оценке деятельности министра внутренних дел А.А. Макарова. Большинство публикаций по данным вопросам выходили из-под пера А.И. Савенко⁵⁶ – одного из главных деятелей консервативного направления в Юго-Западном крае. Также в газете публиковались статьи и заметки юриста В.В. Шульгина⁵⁷, который в феврале 1917 года стал непосредственным участником событий, связанных с отречением Николая II.

Последним изданием консервативного направления, привлеченным в качестве источника для настоящего исследования, является газета «Земщина»⁵⁸. Она издавалась с июня 1909 г. по февраль 1917 г. в Петербурге. Издателем газеты был известный политический деятель монархического толка, член Государственной думы С.А. Володимеров⁵⁹, главным редактором газеты был общественный деятель С.К. Глинка-Янчевский⁶⁰. «Земщина» носила крайне правый, а местами даже националистический характер и получала от правительства значительные субсидии. В либеральных кругах считалась одиозной черносотенной газетой. Публицисты «Земщины» выступали за неограниченную власть императора, и высказывали монарху полную поддержку. Деятельность министра внутренних дел А.А. Макарова также довольно подробно освещалась в газете, что делает ее весьма полезной для настоящего исследования.

⁵⁶ Савенко Анатолий Иванович (1874 – 1922) – русский общественный и политический деятель, юрист, публицист и журналист. Депутат Государственной думы IV созыва в составе фракции националистов. Один из ведущих публицистов газеты «Киевлянин».

⁵⁷ Шульгин Василий Витальевич (1878 – 1976) – российский политический деятель, публицист, писатель, мемуарист, деятель эмиграции. Депутат Государственной думы II – IV созыва, один из лидеров фракции русских националистов.

⁵⁸ Земщина. 1911, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁵⁹ Володимеров Святослав Александрович (1868 – 1917) – русский политический деятель. Депутат Государственной думы III созыва.

⁶⁰ Глинка-Янчевский Станислав Казимирович (1844 – 1921) – инженер-капитан Русской императорской армии, писатель, публицист. В 1909 – 1917 гг. – редактор газеты «Земщина».

Привлечение вышеперечисленных газет консервативного направления в качестве источников данного исследования позволяет в полной мере выявить отношение правых политических сил к личности А.А. Макарова и его деятельности на посту министра внутренних дел.

Следует также обратиться к изданиям либерального направления. Умеренно-либеральный характер носил печатный орган «Союза 17 октября», который издавался с декабря 1906 по 1915 гг. в Москве и имел название «Голос Москвы»⁶¹. Газета с первых дней финансировалась крупными промышленниками и имела репутацию рупора московской буржуазии.⁶² Ее максимальный тираж в лучшие годы доходил до 30 тыс. экземпляров. Бессменным издателем и редактором был лидер октябристов А.И. Гучков⁶³. Поначалу «Голос Москвы» распространялся в основном среди членов Союза, но впоследствии через местные организации стал доходить и до массового читателя, однако такой популярности, как, например, «Новое время», не достиг. Постоянными публицистами газеты были профессор Московского университета В.И. Герье⁶⁴, юрист А.В. Бобрищев-Пушкин⁶⁵, землевладелец М. С. Сухотин⁶⁶ и будущий обер-прокурор Синода В.Н. Львов⁶⁷. «Голос Москвы» был единственным крупным печатным органом октябристов, и,

⁶¹ Голос Москвы. 1911, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁶² *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. С. 71.

⁶³ Гучков Александр Иванович (1862 – 1936) – российский политический деятель, предприниматель, действительный статский советник. Член Государственного совета, депутат Государственной думы III созыва, председатель (1910 – 1911 гг.). Основатель и лидер партии «Союз 17 октября».

⁶⁴ Герье Владимир Иванович (1837 – 1919) – российский историк, общественный деятель, тайный советник. Член Государственного совета в 1907 – 1917 гг.

⁶⁵ Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (псевд. – Громобой) (1875 – 1937) – российский политический деятель, юрист. Принадлежал к левому крылу партии «Союз 17 октября».

⁶⁶ Сухотин Михаил Сергеевич (1850 – 1914) – действительный статский советник, депутат Государственной думы I созыва в составе фракции «Союз 17 октября».

⁶⁷ Львов Владимир Николаевич (1872 – 1930) – российский политический и государственный деятель. Депутат Государственной думы III и IV созывов в составе фракции «Союз 17 октября».

соответственно, по его публикациям можно судить об отношении октябристов к третьеиюньскому перевороту и «обновленному строю» в целом.

Еще одним печатным органом промышленников и финансистов были «Биржевые ведомости»⁶⁸. Газета издавалась в Петербурге в 1880 – 1917 гг. и носила умеренно-либеральный характер, будучи близкой по своей политической ориентации к октябристам и кадетам. Главной статьей дохода газеты являлись банковские, торговые и другие объявления. В советской историографии «Биржевые ведомости» определялись как буржуазное издание, отличающееся беспринципностью, продажностью, бульварным характером. Кроме биржевой информации в газете публиковались сенсационные материалы, рассчитанные на мещан и чиновничество. В издании также публиковались различные сообщения и слухи, связанные с деятельностью министра внутренних дел А.А. Макарова.

Радикальное направление либеральной прессы в данной работе представлено кадетскими периодическими изданиями. Центральным печатным органом конституционно-демократической партии была петербургская газета «Речь»⁶⁹, выходившая с февраля 1906 по 1918 гг. (с перерывом на июль – август 1906 г.). Ее основателем и издателем был железнодорожный подрядчик Ю.Б. Бак, однако фактическим руководителем газеты был лидер кадетской партии П.Н. Милюков. В работе А.Н. Боханова на основе статистических данных сделан вывод, что «Речь» была убыточной газетой, нередко ее тираж завышался редакцией, хотя на деле не превышал 20 тыс. экземпляров.⁷⁰ Кадетская партия не была столь тесно связана с финансово-промышленными кругами, как «Союз 17 октября», поэтому руководству газеты постоянно приходилось изыскивать средства на издательскую деятельность. В «Речи» публиковалась подробная хроника столичной, провинциальной жизни, иностранные новости и политическая аналитика. В

⁶⁸ Биржевые ведомости. 1911, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁶⁹ Речь. 1911, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁷⁰ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. С. 65.

интересующее нас время в газете активно публиковались такие деятели конституционного движения, как П.Б. Струве, А.С. Изгоев, экономист Л.Н. Яснопольский⁷¹, юрист Ф.Ф. Кокошкин⁷².

В Москве издавался другой печатный орган кадетов – «Русские ведомости»⁷³. Газета была основана еще в 1863 году как проправительственное издание. С 1868 года она стала выходить ежедневно и постепенно приобрела умеренно-либеральный характер. В 1890-х гг. газета была одним из самых прибыльных предприятий в издательской сфере. Во время революции 1905 – 1907 гг. «Русские ведомости» попадают под влияние конституционно-демократической партии и становятся печатным органом правого крыла кадетов. В то время в ней печатались многие деятели кадетской партии, такие как М.М. Винавер⁷⁴, С.П. Мельгунов⁷⁵, Н.Ф. Езерский⁷⁶. В 1907 г. началось снижение доходности газеты. Как отмечает А.Н. Боханов, «Русские ведомости» не стремились к изменениям в изложении материала, вели работу по старинке и, в результате, газета превратилась в скучное академическое издание с обилием пространных статей.⁷⁷ Такой характер газеты затрудняет работу с ней как с историческим источником, но вместе с тем дает большой объем материала по теме данного исследования.

⁷¹ Яснопольский Леонид Николаевич (1873 – 1957) – российский и советский экономист, депутат Государственной думы I созыва.

⁷² Кокошкин Федор Федорович (1871 – 1918) – российский политический деятель, юрист. Один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии. Депутат Государственной думы I созыва. С 1907 г. – постоянный сотрудник газеты «Русские ведомости», неоднократно публиковал статьи в газете «Речь».

⁷³ Русские ведомости. 1911, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁷⁴ Винавер Максим Моисеевич (1863 – 1926) – российский политический и общественный деятель, юрист. Один из руководителей фракции кадетов в I Государственной думе.

⁷⁵ Мельгунов Сергей Петрович (1880 – 1956) – российский историк, публицист, издатель, общественный и политический деятель. В 1906 – 1916 гг. – автор многочисленных публикаций в газете «Русские ведомости».

⁷⁶ Езерский Николай Федорович (1870 – 1938) – российский общественно-политический деятель, присяжный поверенный. Депутат Государственной думы I созыва.

⁷⁷ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. С. 70.

Следует отдельно назвать московскую газету «Русское слово»⁷⁸, издававшейся с 1895 г. по 1918 г. Ее издателем был известный русский предприниматель И.Д. Сытин⁷⁹, а главным редактором – журналист и фельетонист В.М. Дорошевич⁸⁰. По форме и направлению газета представляла собой синтез, с одной стороны, бульварной прессы, а с другой – респектабельного издания⁸¹. «Русское слово» было беспартийной газетой, выбирая свое направление в зависимости от внутривластного момента. Отличалась отменной организацией информационного отдела и имела широкую сеть корреспондентов, что обеспечивало газете особую оперативность. Безусловно, в интересующее нас время «Русское слово» подробно освещало внутривластную ситуацию в империи.

Представленные в качестве источников для настоящего исследования периодические издания содержат значительные ресурсы информации по интересующей нас проблеме. В условиях отсутствия цензуры печать стала поистине значимым и опасным политическим оружием в начале XX века. В связи с этим, по публикациям данных изданий можно в полной мере реконструировать отношение различных общественно-политических сил к личности А.А. Макарова и к его деятельности на посту министра внутренних дел.

Источники личного происхождения включают в себя дневники императора Николая II и других лиц, осведомленных о настроениях двора и высших органов государственной власти, а также воспоминания государственных деятелей и видных политиков эпохи. Кроме того, в эту группу входит личные переписки императора и представителей высшей бюрократии, отложившиеся в фондах федеральных архивохранилищ.

⁷⁸ Русское слово. 1911, сентябрь – декабрь; 1912, январь – декабрь.

⁷⁹ Сытин Иван Дмитриевич (1851 – 1934) – один из крупнейших российских издателей и книготорговцев кон. XIX – начала XX века.

⁸⁰ Дорошевич Влас Михайлович (1865 – 1922) – русский писатель, публицист, театральные критик. В 1902 – 1917 гг. – редактор газеты «Русское слово».

⁸¹ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. С. 58.

В источниках личного происхождения зачастую содержится та информация, которая не попадала в периодическую печать, не фигурировала в официальных документах. Эта информация, в первую очередь, носила личный характер и не предназначалась для широкого круга лиц. Особенно это характерно для дневников, которые служили своим авторам не только инструментом самоорганизации, но и единственно возможным способом высказать свои личные впечатления от увиденного или услышанного за день. Для настоящего исследования данная группа источников представляет ценность тем, что позволяет, например, с точностью до дня и часа определить время того или иного события. Однако более значимой представляется возможность изучить личное отношение автора к конкретному человеку, в нашем случае, к министру внутренних дел А.А. Макарову и его деятельности.

В настоящем исследовании были использованы дневники императора Николая II⁸². Они достаточно сдержанны и лаконичны, и больше напоминают записи для того, чтобы император не забывал о том или ином событии. Государь также уделял значительное место в своем дневнике описанию встреч с министрами внутренних дел и другими государственными деятелями. С ними он рассматривал множество вопросов, связанных с внутренним положением в стране. Записи лаконичны и скудны на обилие информации, но вместе с тем достаточно точны в определении времени и обстоятельств, сопутствовавших встречам и приемам. Это позволяет считать данный источник необходимым для использования в данной работе.

Исключительно значим для настоящего исследования дневник генеральши А.В. Богданович⁸³. Будучи супругой генерала от инфантерии Е.В. Богдановича, она в течение 33 лет жила в доме на Исаакиевской площади, который был открыт для многочисленных гостей. Аристократический салон А.В. Богданович был одним из самых известных и популярных в Петербурге.

⁸² Дневники императора Николая II (1894 – 1918): в 2 т. М., 2013.

⁸³ РГИА. Ф.1620. Оп. 1. Д. 453, 454, 455, 456, 457.

В нем обсуждались текущие события в стране и за ее пределами, в том числе и политического характера, а именно – перестановки в правящих кругах, возможные отставки и назначения и т.д. Значительное место в салоне находилась и слухам. Таким образом, данный источник также представляется необходимым для рассмотрения проблемы, заявленной в исследовании.

Для настоящего исследования были привлечены воспоминания трех государственных деятелей третьеиюньской эпохи.

Первым из них является В.Н. Коковцов – преемник П.А. Столыпина на посту главы правительства. Он оставил достаточно подробные воспоминания⁸⁴, содержащие весьма значимые для данного исследования сведения. Во-первых, Коковцов предлагает исчерпывающий рассказ об обстоятельствах назначения А.А. Макарова министром внутренних дел, во-вторых, он описывает свои взаимоотношения с Макаровым, пусть и весьма туманно и неопределенно, в-третьих, Коковцов подробно раскрывает свою роль в разрешении последствий ленских событий и проведения выборов в IV Государственную думу. Разумеется, необходимо учитывать стремление В.Н. Коковцова представить свою деятельность в наиболее выгодном свете.

В диссертации использованы воспоминания В.И. Гурко – товарища министра внутренних дел при П.А. Столыпине и члена Государственного совета. Его мемуары⁸⁵ имеют больший объем, нежели воспоминания В.Н. Коковцова, и самым подробным образом останавливаются на личностных характеристиках основных государственных деятелей интересующей нас эпохи. Автор приводит яркое и живое описание личности А.А. Макарова, рассказывая о его внешности, личных качествах и привычках. Кроме того, В.И. Гурко упоминает об отношении общественности к министру внутренних дел, об оценках его деятельности. Таким образом, данные мемуары имеют большое значение для настоящего исследования.

⁸⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903 – 1919 гг.). В 2 кн. М., 1992.

⁸⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

Мемуары начальника канцелярии Государственной думы Я.В. Глинка⁸⁶. Для настоящего исследования ценны тем, что их автор в силу своих служебных обязанностей был свидетелем выступлений А.А. Макарова в Государственной думе. Соответственно, в своих воспоминаниях он дает оценку министру внутренних дел как оратору. Именно это позволяет считать их необходимыми для нашего исследования.

В работе также были использованы опубликованные материалы перлюстрации из фонда Департамента полиции ГА РФ. Этот комплекс представляет собой выдержки из писем государственных и общественных деятелей⁸⁷.

Важным для диссертации источником стала переписка императора Николая II с тогдашним председателем Совета министров В.Н. Коковцовым⁸⁸. В ней проливается свет на процесс назначения А.А. Макарова на пост министра внутренних дел, содержат личную оценку нового главы МВД со стороны императора. Особый интерес представляют также письма генерала Е.В. Богдановича к Николаю II, где автор дает характеристику ряду представителей высшей бюрократии, в том числе и А.А. Макарову⁸⁹. Помимо писем государя, в исследовании использованы материалы фонда Департамента полиции Государственного архива РФ, который сформирован из писем наиболее видных членов Государственного совета и депутатов Государственной думы⁹⁰.

⁸⁶ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906 – 1911: Дневник и воспоминания / Вступ. Статья, подгот. текста, биограф. словарь и коммент. Б.М. Виттенберга. М., 2001.

⁸⁷ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014.

⁸⁸ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 5, 11.

⁸⁹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 50, 51.

⁹⁰ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014.

К этой же группе относятся личные записи самого А.А. Макарова⁹¹. Основной массив документов фонда относится к ранним годам службы Макарова в министерстве юстиции на должности прокурора окружного суда в Ревеле, а также значительное количество материалов датируются 1913 – 1916 гг., когда Макаров был членом Государственного совета и занимал пост министра юстиции, однако, это позволяет сформировать представление о его личных качествах. К интересующему нас периоду относится письмо министра иностранных дел С.Д. Сазонова, в котором он обращается к А.А. Макарову с вопросом о необходимости издания и распространения за границей брошюр по еврейскому вопросу⁹².

Таким образом, перечисленные источники в полной мере обеспечивают цель и задачи, поставленные автором. Их полнота и разнообразие помогают создать достаточно полную картину деятельности министра внутренних дел А.А. Макарова.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. После гибели П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. встал вопрос о возможности изменения императором правительственного курса. В связи с этим особое значение приобрел поиск преемника Столыпина, в том числе на посту министра внутренних дел. Назначение А.А. Макарова, бывшего товарищем П.А. Столыпина в МВД в начальный период его пребывания на этой должности, свидетельствует о стремлении Николая II продолжить проводившийся с 1907 г. правительственный курс. Вместе с тем Макаров стал первым в третьеиюньскую эпоху отдельным министром внутренних дел, не совмещавшим свою должность с другими постами, что предполагало изменения в системе государственного управления, выразившиеся в новом распределении функций министерств.

⁹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 570. Оп. 1. Д. 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20.

⁹² ГА РФ. Ф. 570. Оп. 1. Д. 18.

2. Продолжение после убийства П.А. Столыпина прежнего правительственного курса состояло в принятии в 1911 г. закона о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского. Предполагалось, что новая административная единица с преобладавшим этнически русским населением будет подчинена непосредственно министру внутренних дел. А.А. Макаров принял в этом деле активное участие, что свидетельствовало о его готовности работать в наличной внутривластной ситуации и следовать направлению, заданному его предшественником. При этом нельзя сказать, что выступление министра в пользу принятия холмского законопроекта стало решающим в конечном успехе данного преобразования, однако показало характер и основные приемы взаимодействия Макарова с народным представительством.

3. Газетная кампания против Г.Е. Распутина стала отправной точкой в процессе неуклонного движения А.А. Макарова к отставке. Министр обладал определенными средствами воздействия на периодическую печать, однако они оказались весьма неэффективными. Кроме того, Макаров явно недооценил степень связи обострения распутинской темы с предвыборной кампанией октябристов в IV Государственную думу. Дальнейшее неосторожное поведение министра и его неспособность остановить публикации, задевавшие честь императорской фамилии, подорвали его репутацию в глазах императора и общественных сил разной политической ориентации.

4. Ленские события стали очередным вызовом для А.А. Макарова, который последовательно отстаивал позицию правительства по тщательному расследованию всех обстоятельств беспорядков в соответствии с законом. Однако большинство обстоятельств трагедии так и остались без официального ответа со стороны министра внутренних дел. Несмотря на внешнюю решительность Макарова выяснить все причины данных событий, общество интерпретировало его слова иначе, обозначив их как призыв к репрессивным мерам со стороны государства.

5. Проведение выборов в IV Государственную думу стало для А.А. Макарова последним серьезным испытанием на посту министра внутренних дел. С точки зрения организации и используемых механизмов проведения выборов он сумел справиться с этим вызовом. Тем не менее результаты выборов не были удовлетворительными для правительства. Гибель П.А. Столыпина и переход октябристов в оппозицию верховной власти изменили расстановку сил в Думе нового созыва. Теперь правительство не имело устойчивого большинства в народном представительстве для проведения необходимых законопроектов. В.Н. Коковцов и А.А. Макаров, в отличие от своего предшественника, не получили инструментов влияния на новую Думу.

6. На протяжении всего 1912 г. нахождение А.А. Макарова на посту министра внутренних дел сопровождалось событиями, вызывавшими существенный общественный резонанс. Это обстоятельство требовало от главы МВД не только добросовестного исполнения своих обязанностей, но и прямой вовлеченности в политическую деятельность. Однако А.А. Макаров был профессиональным чиновником, но не профессиональным политиком, что во многом предопределило его неудачу на посту министра внутренних дел. Кроме того, серьезно причиной отставки Макарова стали его проблемы со здоровьем и появление в качестве возможного кандидата на должность главы МВД черниговского губернатора Н.А. Маклакова. Отставка была вполне вероятна еще летом 1912 г., однако нежелание императора производить перестановки в одном из ключевых министерств в период подготовки к выборам в Думу и отсутствие реальных кандидатов в преемники А.А. Макарова отложили ее до конца года.

Достоверность исследования обеспечивается за счет привлечения обширной источниковой базы, прежде всего материалов периодической печати и источников личного происхождения, напрямую связанных с императором и представителями высшей бюрократии, а также делопроизводственными документами государственных учреждений Российской империи.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные результаты диссертации были представлены на международной и всероссийской научных конференциях, а также опубликованы в 5 научных работах общим объемом 3,7 п.л., в том числе в 4 статьях общим объемом 3,1 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Глава 1. Назначение А.А. Макарова на пост министра внутренних дел

§1. Смерть П.А. Столыпина и назначение В.Н. Коковцова новым премьер-министром.

Министерство внутренних дел в рамках «обновленного государственного строя» занимало одно из ключевых положений. Со времени своего учреждения в начале XIX века МВД традиционно обладало весьма широкой компетенцией. В условиях третьей ионьской системы это положение сохранилось, о чем свидетельствовали современники, говоря о задачах министерства: «Вообще оно может быть названо министерством полицейским, в обширном смысле этого слова; вверенные ему задачи касаются как области полиции благосостояния, так и полиции безопасности; но оно имеет своим предметом и другие задачи администрации»⁹³. В 1906 году значение МВД в системе государственного управления было подчеркнуто назначением тогдашнего министра внутренних дел П.А. Столыпина на пост председателя Совета министров. Следует отметить, что он стал первым главой МВД в период третьей ионьской монархии.

На протяжении чуть более пяти лет Столыпин совмещал два ключевых поста в текущей системе государственного управления. 1 сентября 1911 года в Киевском городском театре на него было совершено очередное покушение, в ходе которого премьер-министр получил два ранения⁹⁴. В тот день давали парадный спектакль «Сказка о царе Салтане». Во время второго антракта. Столыпин подошел к барьеру оркестровой ямы и слегка облокотился на него. В то же время по направлению к нему по свободному проходу двигался молодой человек в черном фраке⁹⁵. Затем прозвучали два выстрела, после чего все увидели огромное красное пятно на белом сюртуке главы правительства⁹⁶.

⁹³ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: о государственном устройстве. Т.2. М., 2006. С. 542.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 730. Л. 2.

⁹⁵ Богров Дмитрий Григорьевич [Мордехай Гершкович] (1887 – 1911 гг.) – агент Киевского охранного отделения. 1.09.1911 г. стрелял в П.А. Столыпина в Киевском театре. 12 сентября повешен по приговору Киевского военно-окружного суда.

⁹⁶ Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С. 15.

Покушение на Столыпина в целом было воспринято как трагическая случайность. Правые были возмущены⁹⁷. «Мы понесли огромную потерю в лице П.А. Столыпина; я лично знал этого прекрасного человека с ранней молодости...» – писал генерал-адъютант И.Л. Татищев⁹⁸. Поначалу ранение не казалось смертельным, и никто не предполагал смертельного исхода для премьер-министра⁹⁹. 2 сентября старейший по службе член правительства 58-летний министр финансов В.Н. Коковцов, как и следовало ожидать в такой чрезвычайной ситуации, был назначен исполняющим обязанности председателя Совета министров. Однако, 5 сентября состояние раненого премьера резко ухудшилось, а в 22 часа 12 минут Петр Аркадьевич Столыпин скончался в частной клинике Маковского, куда его сразу доставили после покушения¹⁰⁰. В качестве причины смерти было указано огнестрельное ранение, поскольку пуля задела печень и действовала как разрывная, что усугубило состояние раны¹⁰¹. Но политический конец Столыпина, как указывал А.Я. Аврех в своей монографии, наступил гораздо раньше, и сам премьер это хорошо понимал¹⁰².

Так покушение и последовавшая за ним смерть премьер-министра поставили вопрос о форме дальнейшего существования т.н. «обновленного строя». Стоит ли ожидать перехода к «новому курсу»? Продолжит ли новый глава правительства по указанию императора политику покойного П.А. Столыпина?

В общественно-политических кругах активно обсуждались возможные кандидатуры на пост преемника Столыпина в качестве главы правительства. «Речь» в номере от 12 сентября писала: «Министерский кризис, созданный

⁹⁷ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016. С.137.

⁹⁸ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 160.

⁹⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 730. Л. 3.

¹⁰⁰ Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 224.

¹⁰¹ Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С. 15.

¹⁰² Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 224.

кровавым событием в Киеве, кончился. Председателем совета министров назначен В.Н. Коковцов, с сохранением портфеля министра финансов. Ничего неожиданного в этом назначении нет»¹⁰³. В октябрьском номере журнала «Вестник Европы» была опубликована статья под названием «Смерть Столыпина»¹⁰⁴, посвященная вышеуказанным событиям. Автор размышлял над кандидатурой нового премьера и помимо министра финансов В.Н. Коковцова упоминал еще одну фамилию – Кривошеин. В данном случае речь идет об Александре Васильевиче Кривошеине, в 1911 году, занимавшем пост главноуправляющего землеустройством и земледелием. Он был достаточно близок к покойному премьеру, с которым состоял в частной переписке. Столыпин неоднократно обращался к нему с просьбами «позондировать» кандидатов в министры¹⁰⁵. «Собственно весь вопрос сводится к одному: Коковцов или Кривошеин? Эти два имени неизменно фигурировали в списках кандидатов на пост премьера за последнее время. Да оно и понятно. Выдвинуть кого-либо со стороны, значило бы категорически подчеркнуть перемену курса. Причем почти все признают, что шансы Коковцова преобладают. При разборе других кандидатов все же приходят к выводу, что наиболее подходящим является министр финансов. По-видимому, он в конце концов и будет назначен» – писал «Вестник Европы»¹⁰⁶. Имя одного из ближайших соратников Столыпина фигурировало и в «Речи», где сообщалось о том, что Кривошеин – наиболее сильный соперник Коковцова, однако имеет меньше шансов в силу того, что он плохой оратор и явно не сможет успешно выступать в Государственном Совете и в Государственной Думе¹⁰⁷. Стоит также отметить, что данное сообщение характеризовалось публицистами как слух и не имело никаких официальных подтверждений.

¹⁰³ Речь, 6 (19) сентября 1911 г.

¹⁰⁴ Смерть Столыпина // Вестник Европы. 1912. №10. С.368 – 374.

¹⁰⁵ Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 266.

¹⁰⁶ Смерть Столыпина // Вестник Европы. 1911. №10. С. 368 – 374.

¹⁰⁷ Речь, 6 (19) сентября 1911 г.

Октябристская печать, в свою очередь, также считала В.Н. Коковцова наиболее вероятным кандидатом, однако в число его соперников, помимо Кривошеина, добавляла председателя Государственного совета¹⁰⁸ М.Г. Акимова¹⁰⁹. Однако вряд ли можно считать его полноценным кандидатом, поскольку его фамилия более не фигурировала ни в одном из печатных органов. Таким образом, выбор преемника П.А. Столыпина был фактически предопределен. По мнению Ф.А. Гайды, единственной альтернативой назначению Коковцова выступал Кривошеин, однако причиной тому была невозможность назначения Коковцова без целого ряда отставок в правительстве. К тому же у последнего не было собственной готовой кандидатуры на пост министра внутренних дел¹¹⁰. Тем не менее, спустя четыре дня после смерти Столыпина был определен и назначен на должность его преемник – министр финансов В.Н. Коковцов.

Общественность отреагировала на назначение довольно сдержанно, хотя некоторые любопытные детали привлекли ее внимание. «Сегодня появился указ о назначении министра финансов Коковцова председателем Совета министров, с оставлением в должности министра финансов. В этой форме назначение Коковцова является совершенно неожиданным для всех. Толковали много о том, возьмет ли он министерство внутренних дел по примеру Столыпина, или, по примеру двух предшественников Столыпина будет только председателем Совета министров» – писал «Гражданин» в номере от 18 сентября¹¹¹. По всей видимости, совмещение В.Н. Коковцовым двух постов предполагалось, но в качестве второй должности ожидалось

¹⁰⁸Акимов Михаил Григорьевич (1847 – 1914 гг.) – дворянин Саратовской губернии, по образованию – юрист. Выступал за переход к конституционной монархии. В 1905 – 1906 гг. – министр юстиции, с 1906 г. – член Государственного совета, с апреля 1907 г. – его председатель.

¹⁰⁹Голос Москвы, 7 сентября 1911 г.

¹¹⁰Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016. С.142.

¹¹¹Гражданин. 1911. №37. С. 7 – 8.

министерство внутренних дел. В той же публикации князь В.П. Мещерский¹¹² называет это назначение мудрым, восхищаясь кадровым решением императора¹¹³. «Состоявшаяся комбинация, исходящая, очевидно, от Государя, производит впечатление опять-таки своею мудростью. Она тем мудра, что, оставаясь министром финансов новый председатель Совета министров сосредотачивает в себе центр тяжести более реально, чем не только при простом назначении председателем Совета» – писал далее Мещерский. Подобная риторика издателя «Гражданина» вполне объяснима, если вспомнить о том, что данный печатный орган имел явно проправительственный характер, а сам князь занимал весьма высокую должность при дворе.

При назначении Коковцова особое беспокойство общественности вызывала позиция нового премьера в национальном вопросе¹¹⁴. Общую реакцию на назначение В.Н. Коковцова попытался дать Я.В. Глинка¹¹⁵, в чьих мемуарах мы находим следующие строки: «Премьером назначен Коковцов, правые недовольны, предполагая, что он не будет следовать их советам и, проводя свою линию, по своей ловкости будет иметь всегда оправдательный документ в виде закона или постановления Совета министров. Октябристы молчат. Молчит пока и Коковцов. «Новое время» и националисты подняли травлю. Положение его довольно трудное, тем более что в составе кабинета у него есть враги, которых он устранить пока не может, ибо это будет истолковано как поворот к политике антинациональной»¹¹⁶. В этих словах начальник канцелярии Государственной Думы попытался поймать основную

¹¹² Мещерский Владимир Петрович (1839 – 1914 гг.) – князь, действительный статский советник, публицист крайне правых взглядов, издатель-редактор газеты-журнала «Гражданин».

¹¹³ Гражданин. 1911. №37. С. 7 – 8.

¹¹⁴ Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа 1907 – 1914. – Пермь, 2001. С.41.

¹¹⁵ Глинка Яков Васильевич (1870 – 1950 гг.) – дворянин, по образованию – юрист. В 1908 – 1917 гг. – начальник Канцелярии Государственной думы.

¹¹⁶ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906 – 1917: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биограф. словарь и коммент. Б. М. Виттенберга. М., 2001. С.86.

нить общественных настроений тех дней. Речь в данном случае идет о т.н. «новом курсе», который якобы будет проводить новый премьер. Именно этот вопрос стал главным объектом обсуждения в течении нескольких дней после назначения В.Н. Коковцова главой правительства.

Впервые о возможном изменении правительственного курса заговорили кадеты. В петербургской газете «Речь» в номере от 6 сентября публицист указывает на В.Н. Коковцова как на человека, явно настроенного поменять существующий правительственный курс: «Еще более серьезным является вопрос о назначении самого Коковцова, систематически выступавшего в кабинете против почти всех серьезных мероприятий, которые должны были знаменовать основные этапы внутренней политики»¹¹⁷. Логика кадетов вполне ясна: министр финансов выступал против ряда инициатив покойного премьера, значит, есть определенные надежды на изменение политического курса. Более того, в одном из последующих номеров был упомянут т.н. «конституционный кризис» 1911 года, когда отставка П.А. Столыпина виделась событием более чем вероятным. В то время в качестве преемника назывался именно В.Н. Коковцов, и это справедливо наталкивало общественность на мысль о корректировке правительственного курса. «Конечно, если и в марте этого года назначение министра финансов председателем Совета министров не могло быть истолковано как резкое уклонение от общего курса нашей политики, то в такой же мере это правильно и при нынешнем настроении»¹¹⁸. Интересно, что публицист «Речи» сделал небольшую оговорку, отметив невозможность «резкого уклонения» от существующего курса. «В консерватизме его нет сомнения, как и в том, что он будет считаться с теми влиятельными группами, которые оказывали при Столыпине решающее действие при определении линии внутренней политики. Его разногласия с премьером в некоторых существенных вопросах не служили для него достаточным основанием для

¹¹⁷ Речь, 6 (19) сентября 1911 г.

¹¹⁸ Речь, 12 (25) сентября 1911 г.

какого-нибудь конфликта с премьером» – продолжал кадетский публицист рассуждения о новом главе правительства¹¹⁹. На первый взгляд может показаться, что кадеты, пытаясь здраво оценить новую расстановку сил в правительстве, все-таки возлагали некоторые надежды на Коковцова. Вероятно, они рассчитывали, что новый премьер не будет вступать с ними в открытый конфликт и не станет намеренно отодвигать фракцию от деятельной работы в Думе. Однако, «Вестник Европы» выражал противоположное мнение: «Мы знаем, что вполне объединенным министерство Столыпина не было никогда; но солидарность между его членами, в той или другой мере, все-таки существовала – и это не позволяет нам возлагать большие надежды на Коковцова. Меньше всего, конечно, можно ожидать от него коренного изменения системы. Но даже в ее пределах есть меры, которые давно могли бы быть поставлены на очередь»¹²⁰. Таким образом, исключая возможность коренных изменений, кадеты все-таки допускали незначительные корректировки в правительственном курсе. Спустя некоторое время в уже знакомой нам газете «Речь» вышла статья «Новый курс!», автор которой попытался вывести понятие «новый курс» применительно к тому, что либеральная общественность ожидала от Коковцова. «Интереснее, конечно, то, что говорится о «новом курсе» во внутренней политике. Ибо, *apres tout*, Коковцов никак не может в воображаемом интервью скрыть, что курс, волей-неволей, будет все-таки новый. Разумеется, цели и тут остаются старыми <...> Нет, боится-таки Коковцов русского национализма, хотя и должен был бы знать, как устраиваются эти потоки <...> Как известно, однако, Коковцов не абсолютно недоступен усвоению основных истин конституционного порядка» – резюмирует публицист в указанной статье¹²¹. Таким образом, мы видим, что кадеты, мало того, что отреагировали на назначение В.Н. Коковцова премьер-министром явно положительно, так и еще возлагали на него вполне

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Смерть Столыпина // Вестник Европы. Октябрь 1911. №10. С. 368 – 374.

¹²¹ Новый курс // Речь, 25 сентября (8 октября) 1911 г. С. 2.

определенные надежды по корректировке курса. Как утверждает Ф.А. Гайда, назначение Коковцова, даже когда оно носило только временный характер было воспринято кадетами как обнадеживающий фактор¹²².

Октябристы в целом повторили позицию кадетов и вступление В.Н. Коковцова в должность главы правительства восприняли спокойно и вполне положительно. Что касается политических сил консервативного толка, то здесь все оказалось несколько сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Можно предположить, что выбор государя должен был восприниматься ими как безусловное благо для страны, но как же дело обстояло в действительности? Любопытное замечание было сделано в статье киевского профессора С.М. Богданова, где он упоминал о приписываемой Коковцову фразе следующего содержания: «что довольно уже возбужденного национализма, и пора подумать о примирении»¹²³. При этом автор статьи высказал и свою точку зрения, утверждая, что на место Столыпина должен прийти министр, проникнутый теми же идеалами и идущий по пути, проложенному покойным премьером¹²⁴. Таким образом, мы видим, что националистические силы после смерти Столыпина явно опасались смены политического направления и, в особенности, пересмотра некоторых принципов национальной политики. Об этом нам позволяют судить следующие события. Спустя неделю после назначения Коковцова премьер-министром в «Киевлянине» появилась заметка, основанная на сообщениях некоего петербургского корреспондента газеты. «Наш петербургский корреспондент сообщает о докладной записке, которая должна быть представлена 20 сентября новому председателю совета министров Коковцову. Записка, по газетным сообщениям, выработана на совещаниях представителей монархических организаций – Союза русского народа, палаты Михаила Архангела и Петербургского отдела всероссийского национального союза.

¹²² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России. С. 142.

¹²³ Киевлянин, 10 (23) сентября 1911 г.

¹²⁴ Там же.

Записка высказывается по инородческим вопросам – еврейскому, польскому и финляндскому»¹²⁵. Сам факт возможности преподнести такую записку новому премьеру говорит о том, что в консервативной среде возникли серьезные опасения по поводу предполагаемой смены правительственного курса, в частности, в вопросе национальной политики. Похожие сомнения высказывал в одном из своих писем и экс-министр народного просвещения А.Н. Шварц: «Одному не могу верить, будто Коковцов будет продолжать политику покойного Столыпина. Думаю, что будет нечто совсем новое и неожиданное»¹²⁶. Далее в указанной статье автор сделал резкое недвусмысленное заявление, что всякое отступление от курса внутренней политики в смысле уступок инородческим притязаниям было бы поощрением террора¹²⁷. Интересно, что при всем вышеуказанном он умудрился сделать любопытную оговорку: «В подаче этой записки нет ничего необычайного, если принять во внимание усердие, с каким в последнее время левая печать старается создать видимость, намекающую на возможность перемены курса нашей внутренней политики»¹²⁸.

Таким образом, подача записки может свидетельствовать о том, что правые ожидали от Коковцова отхода от национальной политики прежнего главы правительства, и пытались прощупать почву в этом направлении. В целом, представляется очевидным, что назначение В.Н. Коковцова премьер-министром сразу же натолкнуло общественно-политические круги на мысль о скорой и весьма вероятной смене правительственного курса. На это обращает внимание и Ф.А. Гайда, указывая на то, что Кривошеин мог стать премьером в случае неизменного продолжения старого курса, отмечалось лишь, что он был плохим оратором. При назначении Коковцова старый курс, что бы публично не заявлялось, ставился под вопрос¹²⁹. В любом случае, новый премьер являл

¹²⁵ Киевлянин, 15(28) сентября 1911 г.

¹²⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 162.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Киевлянин, 15(28) сентября 1911 г.

¹²⁹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России. С. 139.

собой иной тип политического игрока нежели покойный Столыпин, в связи с чем корректировка правительственного курса даже при непосредственном его направлении самим императором представлялась неизбежной.

§2. Поиск преемника П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел.

В.Н. Коковцов в результате своего нового назначения оказался в весьма непростом положении. В правительстве, которое он возглавил, не было единодушия, о чем упоминал в своих воспоминаниях Я.В. Глинка. «Коковцов стал во главе правительства в такой момент, когда по внешности изменение состава правительства ничем не обуславливалось. Таким образом, Коковцов с места стал во главе коллегии, в которой далеко не все в нее входящие были его политическими единомышленниками и тем более склонными подчиняться его руководящим указаниям» – писал начальник канцелярии Государственной думы¹³⁰. Более того, один из портфелей оставался свободным после гибели П.А. Столыпина. В тот момент казалось очевидным, что Коковцов не пойдет по стопам своего предшественника и не займет пост министра внутренних дел, в силу банального отсутствия опыта работы в данном ведомстве и занятости в министерстве финансов. Ранее в письме к императору генерал Е.В. Богданович отмечал, что отсутствие сторонников и взгляд на еврейский и финский вопросы не дадут Коковцову эффективно управлять внутренней политикой¹³¹. В связи с этим на пост министра внутренних дел рассматривались несколько кандидатур. С.С. Ольденбург в своей монографии утверждал, что государь предполагал сначала назначить одного из молодых губернаторов правого толка, Хвостова¹³² или Маклакова¹³³, однако согласился с предложением В.Н.

¹³⁰ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С.85.

¹³¹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 21. Е.В. Богданович – Николаю II, 29 марта 1911 г.

¹³² Хвостов Алексей Николаевич (1872 – 1918 гг.) – государственный деятель, тайный советник, вологодский (1906 – 1910 гг.) и нижегородский (1910 – 1912 гг.) губернатор. Депутат Государственной думы Российской империи 4-го созыва, председатель фракции правых. В сентябре 1915 – марте 1916 гг. – министр внутренних дел.

¹³³ Маклаков Николай Алексеевич (1871 – 1918 гг.) – государственный деятель, выпускник историко-филологического факультета Московского университета. В 1909 – 1912 гг. –

Коковцова¹³⁴. Новоназначенный премьер-министр впоследствии вспоминал в своих мемуарах: «Я застал Государя в кабинете, стоящим перед выходной дверью, с фуражкой в руках. Со своей обычной улыбкой он обратился ко мне со следующими словами: «Я прошу Вас быть не председательствующим, а Председателем Совета Министров, оставаясь, разумеется, и Министром Финансов. Надеюсь, Вы мне в этом не откажете». Я ответил на это: «мой долг повиноваться Вашему Величеству, если Вы оказываете мне Ваше доверие и считаете меня достойным его, но в трудных условиях управления Россией мне необходимо знать, кого Ваше Величество выберете Министром Внутренних Дел». Государь ответил мне на это: «Я уже думал об этом и остановил мой выбор на Нижегородском Губернаторе Хвостове». Меня это известие просто ошеломило...»¹³⁵. Далее Коковцов прямо заявил императору, что не сможет служить вместе с Хвостовым, объясняя это еще и тем, что нижегородский губернатор не пользуется уважением в обществе и назначать его в такое время было бы весьма вредно для монаршей власти¹³⁶. Николай II предложил премьеру написать его соображения по данному вопросу в письме, после чего отбыл из Киева. В.Н. Коковцов вскоре также покинул столицу Юго-западного края и 8 сентября прибыл в Петербург. В сентябре 1911 года именно премьер-министр сделал все для того, чтобы министром внутренних дел был назначен А.А. Макаров, а не А.Н. Хвостов. Причем речь шла о принципиальной позиции Коковцова, несогласного с навязываемой ему кандидатурой¹³⁷.

Тем временем в прессе высказывались различные предположения о том, кто же займет вакантную должность и возглавит МВД. «Русское слово» сообщало весьма любопытные сведения: «...в принципе принята кандидатура

черниговский губернатор. В 1912 – 1915 гг. – министр внутренних дел. Был убежденным сторонником неограниченной монархии.

¹³⁴ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 2016. С. 454.

¹³⁵ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания (1903 – 1919 гг.). В 2 кн. М., 1992. Кн.1. С. 490.

¹³⁶ Там же. С. 491.

¹³⁷ *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906 – 1914). М., 2011. С.140.

приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти¹³⁸ на пост министра внутренних дел. Последнего ждут в ближайшие дни в Петербурге»¹³⁹. Ему вторил «Киевлянин», говоря о кандидатуре все того же приамурского генерал-губернатора: «Коковцов, предложивший вначале на пост министра внутренних дел госсекретаря Макарова, остановился, в виду высказанного пожелания, на личности приамурского генерал-губернатора Гондатти, который заявил себя в Сибири и на Дальнем Востоке как энергичный, находчивый администратор с большой инициативой. К тому же он стоит вне партий. Это будет деловой министр, задачей которого будет реформировать и обновить ведомство»¹⁴⁰. Печатные органы либерального направления предполагали, что министром внутренних дел может быть назначен кто-то из тройки Крыжановский¹⁴¹ – Макаров – Балашов¹⁴², однако кандидатура первого выглядела для них маловероятной. «Сама по себе комбинация Коковцов-Крыжановский считается в среде кабинета не прочной, ибо все знают, что оба они люди резко противоположных воззрений» – писала «Речь» в номере от 6 сентября¹⁴³. Кроме того, и назначение государственного секретаря А.А. Макарова в либеральных кругах считалось практически невозможным, ввиду его якобы плохих отношений с Коковцовым. «Наиболее вероятными кандидатами считаются Крыжановский и Макаров. Но оба эти кандидата решительно не подходят в случае назначения Коковцова на пост премьера. Сам же Коковцов, как теперь выяснилось, пост министра внутренних дел занять на согласится... <...> говорили об А.А. Макарове, но после известной истории с проектом

¹³⁸ Гондатти Николай Львович – государственный деятель, исследователь Сибири и Дальнего Востока. Томский (1906 – 1908 гг.) и Тобольский (1908 – 1911 гг.) губернатор. В 1911 – 1917 гг. – Приамурский генерал-губернатор.

¹³⁹ Русское слово. 11 (24) сентября 1911 г.

¹⁴⁰ Киевлянин, 12 (25) сентября 1911 г.

¹⁴¹ Крыжановский Сергей Ефимович (1862 – 1935 гг.) – государственный деятель, по образованию – юрист. Тайный советник (1907), сенатор (1907), государственный секретарь (1911 – 1917). В 1907 г. осуществлял фактическое руководство избирательной кампанией в 3-ю Думу.

¹⁴² Балашов Николай Петрович (1840 – 1931 гг.) – действительный статский советник, член Государственного совета (1905 – 1917 гг.).

¹⁴³ Речь, 6 (19) сентября 1911 г.

реформы полиции отношения окончательно испортились, и совместная их деятельность считается невозможной. В виду этого, неожиданно выдвинута на пост кандидатура члена Государственного совета Балашова...»¹⁴⁴. Таким образом, в левой печати наиболее вероятным считалось назначение Балашова, при этом не отвергалась полностью кандидатура Макарова, однако слухи о его ссоре с Коковцовым вызывали определенные сомнения в либеральных кругах.

Что касается Крыжановского, то здесь необходимо отметить, что он сам не желал принимать портфель министра внутренних дел, о чем прямо заявил в своем интервью «Гражданину». На вопрос, знает ли он, кто будет министром внутренних дел, Крыжановский ответил: «Не знаю. Говорят, какой-то Макаров или Иванов. <...> Если предложат мне, я отвечу: тенью быть не желаю»¹⁴⁵. Таким образом, Крыжановский самоустранился из числа претендентов на пост министра внутренних дел. Назначение на один из ключевых постов в империи приамурского губернатора Гондатти, каким бы деятельным и энергичным он ни был, видится в данной ситуации практически невозможным. Н.П. Балашов достиг к тому моменту 70-летнего возраста и вряд ли мог справиться с такой значительной нагрузкой, которая выпадала на плечи министра внутренних дел. Оставался лишь А.А. Макаров – 54-летний чиновник, ранее трудившийся в министерстве юстиции и поработавший с покойным П.А. Столыпиным. Именно его кандидатура представлялась наиболее подходящей в тот момент, судя по сообщениям и слухам в прессе.

Однако вместе с тем в обществе обсуждался весьма существенный вопрос: какой министр внутренних дел необходим России в столь непростое время? Левые так и не смогли дать на него вразумительного ответа, что следует из публикаций в печати. Правые же, напротив, высказали свои предпочтения относительно фигуры нового министра. В номере «Земщины» от 14 сентября под авторством С. Володимерова вышла статья, озаглавленная следующим

¹⁴⁴ Речь, 6 (19) сентября 1911 г.

¹⁴⁵ Речи консерватора. Интервью с Крыжановским и еще кое-что. // Гражданин. 1911. №37. С.12.

образом: «Кто нужен России?». В ней содержались суждения относительно того, какой человек должен возглавить МВД: «Но теперь необходимо дать себе ясный отчет в том, какая же нужна России, нужна, как человеку воздух, внутренняя политика, и какой человек должен быть теперь, в страшную для России годину, министром внутренних дел?»¹⁴⁶. Далее автор называл конкретные качества, необходимые новому министру: «Ему нужна энергия действий, а не только сила мысли. Он должен уметь увлекать за собой людей. Ему нужно вдохновение и творчество в живом, отнюдь не бумажном, управлении необъятным государством, расшатанным до основания. Тут нужна молодость. Нужна та молодость, относительная, конечно, без которой при сильной воле и твердой программе невозможна административная упругость, невозможно заразительное для окружающих увлечение предпринятым делом»¹⁴⁷. В заключение С. Володимеров утвердительно заявлял, что новый министр внутренних дел должен быть и по крови, и по духу не только русским человеком, но таким, который Россию и Царя умел бы любить больше, чем самого себя. Кроме того, он должен быть прежде всего «верным и родным сыном Православной Церкви Божией»¹⁴⁸. Таким образом в данной статье четко выделены основные черты, которыми должен, по мнению правых, обладать министр внутренних дел: энергичность и сильная воля, административная упругость, искренняя любовь к Родине и царю, и, самое главное, твердая приверженность православной вере. Отвечал ли кто-нибудь из кандидатов этим требованиям, автор статьи не сообщает, но нетрудно предположить, что ни одна из кандидатур попросту не соответствовала всем заданным параметрам.

Однако какими бы ни были ожидания и требования к новому министру внутренних дел, ситуация неумолимо двигалась к тому, что император, наконец, остановит свой выбор на конкретном человеке. Как уже было

¹⁴⁶ Володимеров С. Кто нужен России? // Земщина, 14 сентября 1911 г. С. 2.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

упомянуто выше, В.Н. Коковцов 8 сентября возвратился в Петербург и принялся составлять письмо императору, в котором собирался изложить свои предложения касательно нового министра внутренних дел. Сам Коковцов так вспоминал об этом периоде: «Пришлось потратить много времени на всевозможные разговоры, начиная с беседы с Танеевым, которому я передал в тот же день Высочайшее повеление об отсылке указа о моем назначении и предупредил его, что я решил послать Государю подробное письмо по поводу его мысли о назначении Хвостова Министром Внутренних дел, и просил его даже замедлить отсылкою Указа, так как раньше двух – трех дней мне не справиться с этим письмом, а получение указа и письма было бы необходимо одновременно, так как если бы Государь все-таки остановился на назначении Хвостова, то вероятно моего Указа вовсе и не последовало бы»¹⁴⁹. На составление письма у премьер-министра ушло две следующих ночи, поскольку заниматься этим в дневное время он ни имел возможности, и 10 сентября составленный текст был отправлен государю¹⁵⁰. Полностью данное письмо помещено в мемуарах Коковцова, который объяснил это тем, что в тот момент он исполнял свой долг, и если назначение Макарова было ошибкой, то он готов взять всю вину на себя¹⁵¹. Таким образом, премьер-министр обращал особое внимание, что назначение А.А. Макарова стало результатом данного письма. Не будем подробно останавливаться на его содержании, укажем лишь, что Коковцов резко отвергал кандидатуру Хвостова, аргументируя это тем, что у него нет достаточного опыта государственной работы, авторитета в административном аппарате и более того он не имеет ни способностей, ни талантов к управлению. Личность Макарова, напротив, представлена в письме премьер-министра как едва ли не идеал административного работника и государственного деятеля: «Макаров — человек безусловно твердых

¹⁴⁹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). В 2 кн. М., 1992. Кн.1. С. 492.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

убеждений, научившийся, однако, за свою продолжительную службу подчинять свои взгляды уважению к закону»¹⁵². Очевидно, что Коковцов прямо предлагает Макарова в качестве наиболее подходящего на пост министра внутренних дел человека. На это же указывает и Ф.А. Гайда, утверждая, что Коковцов продвинул Макарова на пост министра внутренних дел, несмотря на недавно состоявшийся между ними конфликт по вопросу о полицейских штатах, поскольку он надеялся на то, что не имевший особых амбиций Макаров не составит ему конкуренции внутри правительства¹⁵³.

Ответ на письмо не заставил себя долго ждать, что вполне объяснимо, поскольку в нем затрагивались важнейшие для внутренней жизни империи вопросы. Вечером, 14 сентября из Ливадии пришло письмо, в котором Николай II соглашался с предложением премьера и просил срочно направить А.А. Макарова в Ливадию для аудиенции¹⁵⁴. При этом государь запретил сообщать государственному секретарю о причинах столь срочного вызова. Весьма интересным представляется то обстоятельство, что еще до получения Коковцовым ответа от императора, в прессе появились первые заметки о будущем назначении. Так в номере «Киевлянина» от 13 сентября писали следующее: «Ночью было получено телеграфное сообщение из Крыма, согласно которому в кабинете В.Н. Коковцова портфель министра внутренних дел будет предложен А.А. Макарову. Видимо, в руководящих кругах одержало верх мнение, что управление МВД должно быть сосредоточено в руках лица, хорошо знакомого с организацией полицейской службы»¹⁵⁵. Здесь же объяснялась целесообразность данного назначения: «Кандидатура Макарова вызвала разговоры о взаимоотношениях между Коковцовым и Макаровым. Из безупречного источника можем сообщить, что все разговоры о каких-либо трениях между ними лишены основания. Противодействие Коковцова

¹⁵² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 495.

¹⁵³ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России. С. 144

¹⁵⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 495.

¹⁵⁵ Киевлянин, 13 (26) сентября 1911 г.

разработанному под председательством Макарова законопроекту о реформе полиции несколько не задело Макарова»¹⁵⁶. Особое внимание следует обратить на то, что некий «безупречный» источник, впрочем, так и не названный, опровергает всяческие слухи о конфликте Коковцова с Макаровым. Однако, вероятнее всего, новый премьер-министр действительно руководствовался отсутствием амбиций у государственного секретаря, который к своим 54 годам не был сильной и заметной фигурой в правящих кругах. Таким образом, Коковцов попросту не видел в Макарове конкурента, несмотря на ранее бывший между ними конфликт. Однако, не все современники воспринимали А.А. Макарова как слабого и безынициативного чиновника – любопытную фразу в мемуарах оставил Я.В. Глинка: «Посмотрим, свалит ли Макаров Коковцова»¹⁵⁷. Подобное утверждение трудно объяснить, можно лишь строить предположения и догадки, чем руководствовался в данном случае начальник канцелярии Думы.

События, тем временем, развивались достаточно стремительно. Утром 15 сентября А.А. Макаров встретился с Коковцовым, чтобы узнать о причине своего вызова государем. «Макаров рано приехал ко мне, показал вызывную телеграмму и спросил меня не знаю ли я причины вызова. Связанный полученным указанием, я ответил ему, что ничего не знаю, и просил немедленно по прибытии в Ливадию сообщить мне шифром причину вызова» – писал впоследствии В.Н. Коковцов¹⁵⁸. Мог ли Макаров догадываться о том, почему император срочно вызвал его в Ливадию? Ответить на этот вопрос в рамках данного исследования представляется весьма сложным в силу того, что в используемых источниках этот вопрос не освещается. Вероятнее всего, Макаров не имел каких-либо предположений касательно причины своего вызова, о чем косвенно свидетельствует его столь ранний визит к Коковцову. Так или иначе, А.А. Макаров этим же вечером незамедлительно выехал на

¹⁵⁶ Киевлянин, 13 (26) сентября 1911 г.

¹⁵⁷ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 87.

¹⁵⁸ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 496.

поезде в Крым. Интересно, что этот отъезд не остался незамеченным для прессы. Так, в номере «Земщины» от 17 сентября сообщалось следующее: «Председатель Совета министров Коковцов имел продолжительную беседу с посетившим его государственным секретарем А.А. Макаровым, кандидатура которого на пост министра внутренних дел считается достаточно определившейся. 16 сентября государственный секретарь т.с. Макаров выезжает в Севастополь»¹⁵⁹. Несмотря на то, что ряд деталей расходятся с воспоминаниями Коковцова, очевидно то, что назначение Макарова на тот момент уже воспринималось как нечто неизбежное. Более того, в той же «Земщине» со ссылкой на газету «Речь» сообщалось, что Макаров отправился в Крым вместе с программой по реорганизации охранного отделения, составленной после совещания с Коковцовым¹⁶⁰. Сведения о пребывании Макарова в Крыму можно почерпнуть из дневников императора. Так, 19 сентября Николай II оставил следующую запись: «Утром после ухода парохода погулял на молу. В 11 ½ принял государственного секретаря Макарова, вызванного мною перед назначением его министром внутренних дел»¹⁶¹. На следующий день, государь отметил в дневнике, что вновь принял Макарова, который после аудиенции присоединился к завтраку¹⁶².

А.А. Макаров возвратился в Петербург 22 сентября 1911 года. Этот факт отражен в нескольких источниках. Во-первых, Коковцов в своих мемуарах указывает на то, что Макаров возвратился спустя 6 дней после своего отъезда, поэтому вероятнее всего он прибыл в столицу утром 22 сентября: «Макаров вернулся сияющий и довольный своим назначением министром внутренних дел. По-видимому, все испытывали большое чувство облегчения от миновавшегося осложнения»¹⁶³. Следует отметить, что под «всеми» Коковцов, очевидно, подразумевает в первую очередь императора и себя. Николай II, по

¹⁵⁹ Земщина, 17 (30) сентября 1911 г.

¹⁶⁰ Земщина, 23 сентября (6 октября) 1911 г.

¹⁶¹ Дневники императора Николая II. С.596.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 496.

всей видимости, остался доволен беседой с Макаровым, о чем упомянул в письме премьер-министру: «Своею двухчасовою беседою с Макаровым я остался весьма доволен. С его назначением у меня отлегло на сердце. Это как раз тот человек, который нужен на посту министра внутренних дел в данную минуту»¹⁶⁴. Сам премьер пишет об этом следующим образом: «Государь писал мне, что остался очень доволен двукратной беседой с Макаровым, что нашел в нем человека совершенно подготовленного, очень здраво смотрящего на вещи и высказавшего ему все те взгляды на задачи М-ва Вн. Дел, которые казались безусловно правильными и самому Государю»¹⁶⁵. Кроме того, император в данном письме недвусмысленно намекнул, что возлагает на нового министра большие надежды. По его мнению, Макаров «внесет больше «делового спокойствия» туда, где слишком развилась «политика и разгулялись страсти различных партий»¹⁶⁶.

Сведения о дате возвращения Макарова в столицу можно обнаружить и в прессе. Так, «Биржевые ведомости» в номере от 21 сентября 1911 г. сообщали следующее: «По полученным в Петербурге сведениям назначение А.А. Макарова на пост министра внутренних дел состоялось. Возвращение нового министра в Петербург ожидается 22 сентября, а официальное опубликование о назначении состоится не позже 23 сентября»¹⁶⁷. Эти данные частично подтверждаются и «Голосом Москвы», в которой публиковались сводки о пути следования поезда, на котором ехал А.А. Макаров. «Вчера с севастопольским поездом Московско-Курской железной дороги проехал через Москву в Петербург, назначаемый министром внутренних дел государственный секретарь А.А. Макаров» - сообщалось в номере от 23 сентября 1911 года¹⁶⁸. Таким образом, с определенной степенью уверенности можно сказать, что А.А. Макаров прибыл из Ливадии в Петербург 22 сентября, и теперь его назначение

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. Л. 4. Николай II – В.Н. Коковцову, 21 сентября 1911 г.

¹⁶⁵ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. С. 496.

¹⁶⁶ Там же. С. 497.

¹⁶⁷ Биржевые ведомости, 21 сентября (4 октября) 1911 г.

¹⁶⁸ Голос Москвы, 23 сентября (6 октября) 1911 г.

на один из ключевых постов в империи не вызывало ни у кого сомнения, хотя официально об этом еще не объявили.

Итак, выбор преемника П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел был сделан. Император остановился на кандидатуре государственного секретаря А.А. Макарова. На данном этапе исследования представляется необходимым обратиться к изложению биографии нового министра внутренних дел, дабы иметь представление о человеке, занявшем столь ответственный пост в довольно непростое время.

§3. Биография А.А. Макарова

Александр Александрович Макаров родился 7 июля 1857 года в Петербурге в купеческой семье. Окончив гимназию Карла Мая, он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Юный Александр увлеченно постигал все премудрости юриспруденции, слушая лекции маститых профессоров и усердно штудировав отечественную и зарубежную юридическую литературу¹⁶⁹. По всей видимости, Макаров был в университете примерным студентом, о чем свидетельствует его интерес не только к книгам непосредственно по своей будущей специальности, но и к современным произведениям художественной литературы. Он был хорошо разбирался в творениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, а также и в произведениях зарубежных авторов, чьи мысли отмечал карандашом или заносил в тетрадь, на что указывают А.Г. Звягинцев и Ю.Г. Орлов в своей работе¹⁷⁰. В 1878 году Александр Макаров защитил выпускную работу на тему «О международном частном праве» и окончил университет с золотой медалью. Это событие положило начало его службе в судебном ведомстве, которой он посвятил большую часть своей жизни. Очевидно, что на этом поприще личные качества Макарова проявились в полной мере, что позволило В.Н. Коковцову спустя много лет написать о нем в письме к императору: «Макаров — человек

¹⁶⁹ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906 – 1917. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С.147.

¹⁷⁰ Там же.

безусловно твердых убеждений, научившийся, однако, за свою продолжительную службу подчинять свои взгляды уважению к закону»¹⁷¹. В.И. Гурко также отмечал педантичность и скрупулезное отношение Макарова к делу, пусть и с явно негативной оценкой: «Макаров был типичный судебный деятель из прокуратуры, у которого форма и буква брали неизменно верх над сущностью дела»¹⁷². Безусловно, все вышеуказанные личные качества будущего министра внутренних дел развивались и воспитывались в нем с ранних лет службы в судебном ведомстве, где ему довелось побывать на многих должностях.

Первым местом службы Макарова стал Санкт-Петербургский окружной суд, где он начал трудиться в канцелярии 2-го уголовного отделения. Впоследствии его перевели в 3-е отделение «для защиты подсудимых», а через год назначили помощником судебного следователя 2-го участка Царскосельского уезда¹⁷³. В то же время А.А. Макаров получил свой первый гражданский чин – указом Правительствующего сената по департаменту герольдии ему был присвоен чин коллежского секретаря. В новом «статусе» он был переведен на службу в 7-й следственный участок С-Петербурга, где долго не задержался, продолжив свою трудовую деятельность секретарем в канцелярии председателя С-Петербургского окружного суда¹⁷⁴.

В октябре 1882 года А.А. Макаров в течение двух недель работал под началом известнейшего юриста своего времени – А.Ф. Кони – которому была поручена ревизия делопроизводства в Новгородском окружном суде¹⁷⁵. Очевидно, что знания и опыт, полученные в работе под началом столь опытного юриста, уже в скором времени пригодились Макарову – в 1884 году он получил первую самостоятельную должность – был избран городской

¹⁷¹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. С. 494.

¹⁷² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 917.

¹⁷³ *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* В эпоху потрясений и реформ. С.147.

¹⁷⁴ Там же. С.148.

¹⁷⁵ Там же. С.149

думой мировым судьей по городу С-Петербургу¹⁷⁶. Спустя три года А.А. Макаров был утвержден в должности столичного почетного мирового судьи, а в 1890 году был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. В целом карьера А.А. Макарова в указанный период развивается по вполне нормальному «графику» – нельзя назвать ее «головокружительной», как и бесперспективной. Он начинал службу с низших должностей, проводя в них достаточное время, чтобы понять и освоить основные принципы работы судебной системы империи на практике. Также, судя по течению карьеры, можно предположить, что Макаров, будучи весьма исполнительным и педантичным чиновником, все-таки не обладал какими-либо выдающимися способностями и «звезд с неба не хватал».

Незадолго до получения своей первой награды, А.А. Макарову пришлось сменить место своего пребывания. В 1880-х гг. в прибалтийских губерниях началось проведение судебной реформы. Для этого срочно требовались квалифицированные кадры прокурорских и судебных работников. В качестве кандидатов на одну из руководящих должностей в Ревеле был предложен А.А. Макаров. Осенью 1889 года он стал первым прокурором Ревельского окружного суда¹⁷⁷. Здесь он прослужил пять лет, зарекомендовав себя хорошим профессионалом и строгим руководителем, и получил чин коллежского советника, будучи также награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁷⁸.

В апреле 1894 года А.А. Макаров продолжил свое «путешествие» по империи, возглавив прокуратуру Нижегородского окружного суда. Его работа в разных губерниях европейской России впоследствии стала одним из аргументов, пусть и не самым значительным, в пользу его назначения на пост министра внутренних дел, о чем писали «Московские ведомости»: «Приведенные данные о службе А.А. Макарова указывают также на то, что ему

¹⁷⁶ Московские ведомости, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

¹⁷⁷ Киевлянин, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

¹⁷⁸ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. С.149.

приходилось служить в различных местностях России: и в Петербурге, и в Нижнем Новгороде, и в Москве, и в Киеве, и в Саратове. Таким образом А.А. Макаров непосредственно знаком с жизнью центральной, западной и восточной России, ему знакомы и столицы – Петербург и Москва, знакома и провинция, знакома деятельность губернских органов власти и центральных»¹⁷⁹. На этой должности Макаров провел три года, дослужившись до чина статского советника. В 1897 году он был назначен прокурором Московского окружного суда¹⁸⁰. На этой должности объем работы у А.А. Макарова значительно вырос: ему приходилось тщательно контролировать своих заместителей и судебных следователей, участвовать в различных комиссиях и заседаниях¹⁸¹.

Деятельность Макарова в Москве не осталась незамеченной начальством – он был произведен в чин действительного статского советника и в 1899 году переведен в Киев на все ту же должность председателя окружного суда. Далее последовало награждение орденом Св. Владимира 3-й степени и перевод в Саратов, где в качестве прокурора судебной палаты Макаров прослужил пять лет – с 1901 г. по 1906 г. В качестве прокурора палаты, г. Макаров выступал обвинителем по одному из первых политических процессов, разбиравшихся на основании закона 1903 г. – по процессу о саратовской демонстрации¹⁸². Именно в это время (1903 – 1906 гг.) в Саратове должность губернатора занимал П.А. Столыпин, знакомство и совместная работа с которым самым непосредственным образом повлияла на дальнейшую карьеру А.А. Макарова. В апреле 1906 года они оба покинули Саратов – Столыпин был вызван государем в Петербург и назначен министром внутренних дел, а Макаров отправился в Харьков, где возглавил местную судебную палату. Спустя полтора месяца П.А. Столыпин вызвал его в столицу

¹⁷⁹ Московские ведомости, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. С.150.

¹⁸² Речь, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

и предложил занять должность товарища министра внутренних дел. «В Саратове Макаров встречается по службе с П.А. Столыпиным, который, заняв в 1906 г. пост министра внутренних дел, приглашает его на должность товарища министра по заведыванию полицией» – указывали «Московские ведомости» в биографической справке об А.А. Макарове¹⁸³. Это назначение было для него настоящим вызовом, поскольку теперь его обязанностью было курировать департаменты полиции и духовных дел иностранных исповеданий¹⁸⁴. К тому же время было весьма беспокойное – по всей стране то и дело вспыхивали волнения и революционные выступления. «Борьба с революционным брожением сблизила их и дала возможность П.А. Столыпину оценить юридические знания, административную опытность и трудоспособность А.А. Макарова» – писал «Киевлянин» несколькими годами позднее, при назначении Макарова на пост министра внутренних дел¹⁸⁵.

В качестве товарища министра внутренних дел А.А. Макарову иногда приходилось выступать в Государственной думе. Заметной фигурой в то время он еще не был, однако, выступая в Думе, ему приходилось взвешивать и обдумывать каждое слово в своей речи, чтобы депутаты и общественность могли по возможности правильно понять то или иное его высказывание. Поэтому неудивительно, что политические круги, особенно либерального направления, не замедлили составить собственное мнение о взглядах нового товарища министра внутренних дел. Данное мнение с особой отчетливостью проявилось осенью 1911 года, когда Макаров был назначен преемником Столыпина на посту министра внутренних дел. «В первой Думе г. Макаров выступил в заседании 19 июня [1906 г.] по законопроекту об отмене смертной казни. Не высказываясь по существу проекта, г. Макаров заметил только, что вопрос об отмене смертной казни, применяемой, на основании исключительных положений, должен рассматриваться вместе с проектом о

¹⁸³ Московские ведомости, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

¹⁸⁴ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. С.152.

¹⁸⁵ Киевлянин, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

неприкосновенности личности, а не отдельно» – писала кадетская «Речь» в сентября 1911 года¹⁸⁶. Данный текст не содержит в себе прямой оценки действий Макарова и лишь указывает на дату и содержание его выступления. Публицисты «Земщины», напротив, обратили внимание на характер речи: «Несмотря на враждебность аудитории и крики «в отставку!», Макаров говорил с большим достоинством, выдержкой и несомненным ораторским талантом»¹⁸⁷. В консервативной печати, напротив, внимание авторов уделено длительной службе и личным заслугам А.А. Макарова: «...он прошел солидную школу, как юрист-практик, занимая должности и по магистратуре, и по прокурорскому надзору. Служба по прокурорскому надзору, особенно в должности прокурора судебной палаты, дала ему возможность ознакомиться с деятельностью и организацией как общей, так и политической полиции...»¹⁸⁸.

Во второй Думе, работавшей с 20 февраля по 3 июня 1907 года, Макаров не выступал. Следующие его выступления в народном представительстве пришлось на работу Думы 3-го созыва. На их основании либеральные политические круги составили свое, весьма критичное, мнение о взглядах Макарова. О всей глубине критики может свидетельствовать тот факт, что об этих выступлениях кадетская газета «Речь» вспомнила спустя годы, в то самое время, когда А.А. Макаров вступал в должность министра внутренних дел: «Характерными для определения взглядов нового министра внутренних дел являются его речи в третьей Думе. Впервые Макаров выступил 8 февраля 1908 года по поводу законопроекта умеренно-правых и октябристов «о вспомоществовании лицам, пострадавшим от разбойничьих действий революционных партий и лиц». Товарищ министра внутренних дел с чувством глубочайшего удовлетворения приветствовал этот проект, в котором министерство внутренних дел видело, прежде всего «авторитетное осуждение

¹⁸⁶ Речь, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

¹⁸⁷ Новый министр // Земщина, 22 сентября (5 октября) 1911 г.

¹⁸⁸ Московские ведомости, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

революции»¹⁸⁹. Следующее выступление Макарова в Думе случилось 29 апреля 1908 года в ходе прений о смете министерства внутренних дел. Здесь «Речь» обращает внимание читателей на то, что заместитель П.А. Столыпина на сей раз ведет себя слишком осторожно, старательно уходя от ответа. Очевидно, что кадетская печать выставляет Макарова как чиновника конъюнктурного, желающего выслужиться перед властью: «Лишь 1 мая выступил товарищ министра внутренних дел Макаров. Тон его речи был совершенно иной, чем при обсуждении проекта о вспомоществовании жертвам революции. Г. Макаров, по его словам, не предполагал, что по вопросу чистосметного характера будут обсуждаться в таких подробностях действия должностных лиц, ибо такого рода обсуждение должно составлять предмет запроса»¹⁹⁰. Иное, но более конкретное впечатление от речи товарища министра внутренних дел составил публицист «Земщины». Упрекнув некоторых депутатов в использовании финансовых вопросов в качестве орудия для «совершенно незаконного вторжения в область внутреннего управления», он приводит отрывок из выступления Макарова: «...до тех пор, пока оно [успокоение – Авт.] не наступит, министерство внутренних дел будет пользоваться всей полнотой своей власти, памятуя о присягах Его Величеству, руководствуясь чувством горячей любви к своей Родине и слушая чистый голос своей совести»¹⁹¹. Далее, публицист утверждает, что мнение Макарова отличается от мнения Столыпина, который полагает, что в стране уже наступило успокоение и позволяет депутатам принимать участие в обсуждении вопросов внутреннего управления. Вероятно, «Земщина» в данном случае апеллирует к тесному сотрудничеству Столыпина и Гучкова в рамках работы Государственной думы. Наконец, третье выступление А.А. Макарова в Думе пришлось на 19 ноября 1908 года, когда он представил объяснения по поводу провокационной деятельности виленского охранного отделения. В своей

¹⁸⁹ Речь, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Новый министр // Земщина, 22 сентября (5 октября) 1911 г.

публикации «Речь» приводит небольшой отрывок из выступления товарища министра внутренних дел: «Категорически, твердо, убежденно и прямо говорю, что, с точки зрения министерства внутренних дел, то, что называется провокацией, недопустимо. Провокационные приемы являются преступлением и должны претить нравственному чувству всякого порядочного человека. Эту точку зрения министерство внутренних дел постоянно приводит во всех своих распоряжениях, и там, где, действительно, есть провокация, министерство внутренних дел ее не покрывает, а карает преданием суду лиц, уличенных в провокации»¹⁹². Мы видим, что Макаров отвечал в соответствии с «буквой закона» и ни на шаг от нее не отступал. Собственно, он и не должен был ничего больше говорить по данному вопросу. Однако, «Речь» представляет данный ответ как «бездушную» канцелярскую фразу, которая ничего не объясняет и не аргументирует. Следовательно, сам А.А. Макаров представлен как безликий чиновник, который послушно повторяет позицию власти, не пытаясь досконально разобраться в ситуации и предотвратить ее повторение. Подобное мнение прослеживается и в воспоминаниях В.И. Гурко: «А.А. Макаров был типичный судебный деятель, привыкший, как большинство из них, разбираться в уже произошедшем и совершенно не обладающий способностью предусматривать то, что имеет произойти»¹⁹³. Совершенно иной отзыв о работе Макарова на должности товарища министра внутренних дел дает консервативная газета «Киевлянин»: «Занимая пост товарища министра внутренних дел, А.А. Макаров был доступен, общителен и внимательно относился ко всем просителям»¹⁹⁴. В подобном ключе о Макарове и о его деятельности отзывался В.Н. Коковцов в своем письме государю осенью 1911 года: «Почти трехлетнее его сотрудничество Петру Аркадьевичу, именно по полицейской части, дало ему возможность близко изучить все частности этого дела и приступить к заведыванию им не теряя времени на его

¹⁹² Речь, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

¹⁹³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 991

¹⁹⁴ Киевлянин, 13 (26) сентября 1911 г.

изучение, для чего переживаемый Россией момент представляется особенно неблагоприятным, так как он требует от главного начальника ведомства Внутренних Дел не методической подготовки, а неотложных распоряжений»¹⁹⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что А.А. Макаров с переходом на должность заместителя П.А. Столыпина оказался втянутым в политическую жизнь империи, и, пусть и не стал заметной фигурой, сумел в некоторой степени проявить себя.

В чем это выражалось? В первую очередь, в том, что Макаров, два с лишним десятилетия посвятив службе в судебном ведомстве, в своей работе старался как можно точнее следовать действующим законам. У некоторых его коллег это вызывало уважение, но многим это и не нравилось, о чем упоминает в своем дневнике А.В. Богданович: «По словам Евреинова, Макаров – настоящий прокурор; был либералом в Саратове при Энгельгардте, консерватором во времена Плеве, а теперь снова у него совсем красная окраска, но он ее скрывает»¹⁹⁶. Кроме того, по выступлениям в Думе, которые были не очень частыми, в политических кругах сложилось определенное представление о Макарове, сопровождавшее его всю дальнейшую политическую карьеру. Оно не было цельным, поскольку зависело от политического направления той или иной группы или лица, но вполне отражало некоторые характерные черты Макарова: строгое следование законам, порой даже в ущерб ситуации, и хорошее знание своего дела.

В сентябре 1907 г. А.А. Макаров был произведен в тайные советники и назначен членом Государственного Совета. На должности товарища министра внутренних дел он находился чуть больше года и 1 января 1909 года был переведен на должность государственного секретаря, в которой и находился вплоть до сентября 1911 года.

¹⁹⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 495.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 453. Л. 101.

Таким образом, сведения о биографии А.А. Макарова позволяют составить образ профессионального чиновника, строго следующего букве закона, имеющего богатый опыт работы на различных должностях в министерстве юстиции. Весьма вероятно, что пребывание в должности товарища министра внутренних дел П.А. Столыпина сыграло значительную роль в назначении Макарова на пост главы МВД.

§4. Реакция общественности на назначение А.А. Макарова министром внутренних дел.

Слухи о назначении А.А. Макарова на министерский пост впервые просочились в прессу еще за несколько дней до его официального утверждения в должности. В первую очередь в прессе обсуждался вопрос об отличительных чертах будущего министра и об уровне его осведомленности в работе министерства внутренних дел. В номере «Гражданина» от 18 сентября о назначении Макарова говорится как о практически совершившемся факте, причем особое внимание уделено его прежней службе в качестве заместителя П.А. Столыпина: «Про назначение Макарова общая молва такая: это — порядочный и честный человек, в полном смысле этих слов и способный притом, но судебная его карьера не дала ему возможности быть знакомым с жизнью и с ее отношением к администрации. Пока он был в должности товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, он не иначе делал расходы из 3,5 миллионного фонда, ему вверенного, как выдавая по каждому расходу расписку»¹⁹⁷. Характеристика весьма любопытная, поскольку автор статьи явно отмечает исключительную порядочность будущего министра, при этом указывая на то, что с реальной деятельностью министерства внутренних дел он недостаточно знаком в силу своей судебной карьеры. Спустя некоторое время, в начале октября 1911 года, князь С.П. Урусов воспроизвел похожую характеристику нового министра в одном из своих писем: «Макаров ни во что

¹⁹⁷ Дневники // Гражданин. 1911. №37. С.12.

не входит, и можно с уверенностью сказать, что теперь наступит пора тихой работы без всякого строительства и реформ»¹⁹⁸.

Несколько иначе отреагировали на назначение Макарова на страницах «Земщины», где автор заметки ссылается на М.О. Меншикова, пересказывая его личное мнение: «Г. Меншиков находит, что новый министр внутренних дел получил отличную практическую подготовку к выполнению своих новых, сложных обязанностей»¹⁹⁹. О способностях и осведомленности будущего министра внутренних дел высказались и депутаты Государственной думы, чье мнение мы можем обнаружить на страницах «Голоса Москвы» в номере от 21 сентября: «К назначению нового руководителя нашей внутренней политикой в парламентских кругах отнеслись совершенно спокойно. Депутаты отмечают способность и хорошую осведомленность А.А. Макарова в делах министерства»²⁰⁰. Весьма лестные отзывы о будущем министре внутренних дел оставил на страницах «Нового времени» брат покойного премьера А.А. Столыпин: «Несколько слов об Александре Александровиче Макарове, новом министре внутренних дел. Лично у меня к нему доброжелательное чувство, как к бывшему сотруднику моего брата, знакомому и оцененному им еще в Саратове, очень много потрудившемуся на том посту, который теперь занимает генерал Курлов²⁰¹, в самое трудное время, – в разгар революции»²⁰². Указав на достаточно близкое знакомство с Макаровым посредством его работы с покойным премьером, А. Столыпин, говорит о личных качествах будущего министра: «Чувство долга заставляло его трудиться в полную меру его сил, чувство справедливости было ему присуще. Служебное его имя, репутация его, как честного человека, – почтенны и не запятнаны»²⁰³. Далее А.

¹⁹⁸ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 168.

¹⁹⁹ Земщина, 30 сентября (13 октября) 1911 г.

²⁰⁰ Голос Москвы, 21 сентября (4 октября) 1911 г.

²⁰¹ Курлов Павел Григорьевич (1860 – 1923 гг.) – государственный деятель, генерал-лейтенант (1910), один из руководителей политической полиции. В 1909 – 1911 гг. – товарищ министра внутренних дел.

²⁰² А.А. Столыпин. Заметки // Новое время, 21 сентября (4 октября) 1911 г.

²⁰³ Там же.

Столыпин ссылался на тех людей, которые ранее работали с А.А. Макаровым, при этом не называя их фамилий, что не добавляет достоверности этим отзывам. Они, как уже можно догадаться, носят весьма лестный характер. В них Макаров предстал человеком большой работоспособности, доступным к различного рода обращениям и просьбам. Утверждалось, что при нем любые дела рассматривались быстро, поскольку он понимал, что в это время в тюрьмах могут томиться совсем невинные люди²⁰⁴. В конце своего отзыва А.А. Столыпин делает небольшие оговорки, характеризуя А.А. Макарова как весьма слабого оратора, по причине тихого голоса, что лишало его необходимых для выступлений на публике блеска и внушительности. «Если, наконец, ему не хватает физических сил на двойную и тройную работу, то пусть ему придет на помощь благоприятное историческое время, поддержка образумившегося общества и сочувственная работа политических партий» – пишет Столыпин в заключение своей заметки о личности нового министра²⁰⁵. Как трудолюбивого и последовательного чиновника Макарова характеризует и член Государственного совета Н.А. Зверев в письме к графу С.Д. Шереметеву: «Слухи, дошедшие до вас, совпадают с моими личными впечатлениями: это человек правый по убеждениям, твердый по характеру и упорный в работе. Трудно высказаться о его способностях. Я, по крайней мере, недостаточно знаю его, чтобы иметь в этом отношении определенное мнение. Припоминаю, однако, что во Второй Думе он в качестве товарища министра искусно отбивался от натиска революционных партий, отстаивая дела Министерства внутренних дел»²⁰⁶. Таким образом, представляется очевидным, что к моменту назначения министром внутренних дел А.А. Макаров уже имел в политических кругах определенный образ, наделенный рядом характерных черт. Во-первых, единодушно отмечалась честность, порядочность и даже излишняя педантичность нового министра. Во-вторых, указывалось на

²⁰⁴ А.А. Столыпин. Заметки // Новое время, 21 сентября (4 октября) 1911 г.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 172.

недостаточную осведомленность Макарова в сфере деятельности министерства внутренних дел. В-третьих, внешние данные нового министра, такие как голос, манера речи, степень владения ораторским искусством явно уступали данным его предшественника, что воспринималось современниками как недостаток.

Следует отметить, что явно положительные для простого обывателя качества в политической деятельности могут быть обращены против их обладателя. В данном случае речь идет о том, как честность, порядочность и педантичность Макарова могли повлиять на его восприятие современниками как политика. В рамках третьеиюньской системы от министра внутренних дел требовалось быть, в первую очередь, именно «политиком», а не только «законником» и просто порядочным чиновником. В отношении Макарова на это обстоятельство обратил внимание М.О. Меньшиков, о чем свидетельствует в своем дневнике А.В. Богданович: «С Макаровым Меньшиков беседовал, Макаров ему понравился, но в его разговоре ему не понравилось следующее – что он не честолобив, что не он бегал за карьерой, а карьера за ним, что он не корыстолюбив, ему достаточно того, что у него есть и, в-третьих, что он не будет за свое место держаться, что спокойно, охотно уйдет, когда ему дадут понять, что следует уйти»²⁰⁷. Последнее, по утверждению автора дневника, более всего не понравилось Меньшикову в новом министре, в связи с чем публицист сделал вывод, что «это не обещает, что Макаров будет блестящим министром»²⁰⁸. Можно согласиться с тем, что качества профессионального чиновника далеко не гарантировали Макарову успеха в его деятельности на посту министра внутренних дел.

Официальное утверждение А.А. Макарова в должности министра внутренних дел состоялось 27 сентября 1911 года. На следующий день на первых страницах основных политических печатных изданий появились

²⁰⁷ РГИА. Ф.1620. Оп.1. Л.126.

²⁰⁸ Там же.

соответствующие сообщения: «Министр внутренних дел, сенатор, тайный советник Макаров, с Высочайшего соизволения Его Императорского Величества, вступил в управление министерством внутренних дел 27-го сего сентября»²⁰⁹. Форма и содержание сообщений были весьма однообразными и не заключали в себе каких-либо подробностей, на которые стоило бы обратить внимание. Любопытная запись, отражающая возможное настроение верхушки общества в те дни, сохранилась в дневнике А.В. Богданович: «Теперь судят и гадают о Макарове, каков он будет, кто на него указал Царю? Общее мнение, что Макаров “честный, но апломба Столыпина не имеет”. Меньшиков [М.О] сегодня сказал, что 26-го видел Макарова, был у него, но ничего определенного про Макарова не высказал, но я склонна думать, что Меньшиков одобряет назначение Макарова»²¹⁰.

Более выраженная реакция на официальное назначение Макарова министром внутренних дел появилась в печати спустя 2 – 3 дня. Так, в газете «Земщина» был опубликован материал, в котором с новым министром связывались надежды в укреплении представительного строя в империи: «В лице Макарова новый представительный строй встретит не противника, а скорее защитника, но защитника, конечно, главным образом с той стороны, откуда угрожает опасность, – со стороны анархии»²¹¹. Октябристская печать опубликовала довольно сдержанные комментарии, но при этом, не лишённые некоторых надежд. «Находящиеся в Петербурге депутаты, по поводу назначения министром внутренних дел А.А. Макарова, замечают: товарищ председателя Гос. Думы Капустин: «Думаю, что новый премьер знает, кого он берет себе в ближайшие сотрудники. Нужно надеяться, что новый министр внутренних дел сумеет осуществить реорганизацию охраны. В ней нужны порядочные и честные люди, которые сделают невозможными факты, имевшие

²⁰⁹ Земщина, 28 сентября (11 октября) 1911 г.

²¹⁰ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 453. Л. 59(об).

²¹¹ Земщина, 30 сентября (13 октября) 1911 г.

место за последнее время» – писал «Голос Москвы» в номере от 21 сентября²¹². Изрядно пострадавшие не только от конфликта с покойным премьером и министром внутренних дел, но и от его гибели, октябристы очевидно ожидали от Макарова в первую очередь внятного и тщательного расследования убийства П.А. Столыпина, корни которого они, вероятно, выводили из охранного отделения. Этой же точки зрения придерживались в советской историографии, в частности, в одной из своих работ А.Я. Аврех прямо указывает на связь охранного отделения с убийством Столыпина: «В конце концов выход был найден охранкой, отправившей неудавшегося Бисмарка на тот свет с помощью своего агента Богрова, который смертельно ранил Столыпина 1 сентября 1911 года»²¹³. В отдаленной перспективе, связанной с грядущими осенью 1912 года выборами в Государственную Думу, они надеялись на возвращение к той расстановке сил в парламенте, которая была характерна для самого начала работы Третьей Думы в 1907 – 1908 гг. Таковы были положительные отзывы и ожидания о предстоящей деятельности нового министра внутренних дел.

Разумеется, в этом случае не обошлось и без волн критики. Они не замедлили прозвучать со страниц петербургской «Речи», публицисты которой не преминули воспользоваться возможностью бросить очередной «камень» в существующий в империи строй. «Коковцов не управляет министерством внутренних дел, а следовательно, и не держит в своих руках нитей внутренней политики. Недаром замещение поста министра внутренних дел вызвало едва ли не большее общественное внимание, чем само назначение председателя совета министров. Весьма распространено, как известно, мнение, что основное зло русской жизни даже не в существовании плохих законов, а в искажении и несоблюдении всяких вообще законов» – писали в номере от 28 сентября²¹⁴. Таким образом, в очередной раз можно убедиться, что кадеты весьма

²¹² Голос Москвы, 21 сентября (4 октября) 1911 г.

²¹³ Аврех. А.Я. Царизм и Третьеиюнская система. М., 1966. С. 150.

²¹⁴ Речь, 28 сентября (11 октября) 1911 г.

скептически отнеслись к назначению Макарова на один из ключевых министерских постов. «Макаров, в качестве деятеля, знакомого покойному премьеру по Саратову, был приглашен на пост товарища министра, заведующего полицией, в то время, когда борьба с революцией была объявлена главной задачей управления. Мы знаем, как эта борьба велась <...> в роли ближайшего помощника Столыпина он выделился разве только тем, что кремневым ружьем, несмотря на недавний опыт, он действовал столь же энергично, как и старые деятели, воспитанные и выросшие в полицейской работе» – утверждали публицисты «Речи»²¹⁵. Очевидно, что для них А.А. Макаров был неотъемлемой частью того самого государственного строя, с недостатками которого они, как им казалось, боролись. На данную принадлежность левая пресса обращала особое внимание: «Государственный кругозор нового министра, насколько можно судить по его речам в Гос. Думе, совершенно укладывается в современную формулу: практика в духе устава предупреждения и пресечения с орнаментом “обновленной” фразеологии»²¹⁶. Назначение министром внутренних дел профессионального чиновника, столь скрупулезного и педантичного как Макаров, неизбежно ставило крест на и без того слабых надеждах кадетов иметь какое-либо влияние на главу МВД.

Наиболее четко позицию конституционалистов-демократов смогли отразить на страницах консервативного печатного органа «Земщины», где было опубликовано следующее: «Назначение А.А. Макарова на пост министра внутренних дел встречено кадэками с откровенным неудовольствием. Ему ставится в вину следование по старому политическому пути, а от его мероприятий миллюковцы не ждут ничего, кроме новой вариации старой ведомственной борьбы»²¹⁷. В номере от 30 сентября выпад в сторону либеральных сил выражен еще более ярко: «Нескрываемое неудовольствие левой печати по поводу назначения нового министра, говорят за него

²¹⁵ Речь, 28 сентября (11 октября) 1911 г.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Земщина, 24 сентября (7 октября) 1911 г.

достаточно убедительно, чтобы признать его полезным для России»²¹⁸. На основании всего вышеприведенного можно заключить следующее: кадеты, как представители радикального крыла либерального политического течения в России в указанное время, выражали нескрываемое недовольство по поводу назначения А.А. Макарова министром внутренних дел.

Не менее неприязненные отзывы о новом министре оставил в своих мемуарах В.И. Гурко²¹⁹. По своему характеру они отдаленно напоминают те, что публиковались в печати, однако здесь автор сумел затронуть гораздо больше черт характера Макарова, представив их в самом невыгодном свете. Так Гурко ставит ему в вину формальное, протокольное отношение к окружающим, чему немало способствовала привычка иметь дело с людьми, состоящими либо под следствием, либо под судом. «Именно так относился Макаров и к подчиненной ему обширной губернской администрации, и к общественным учреждениям, и государь метко определил его сущность, назвав его нотариусом» – писал Гурко ссылаясь на определение императора²²⁰. Однако, наиболее любопытным представляется описание внешнего вида А.А. Макарова, приводимое автором мемуаров: «Одна его сухая, тощая фигура с прилизанными волосами, тщательно расчесанной бородой и очками на носу, равно как его размеренная бесстрастная речь, навели на собеседников тоску и какое-то чувство безнадежности что-либо от него получить и бесцельности разговора с ним. К тому же отличался он чрезвычайной мелочностью и во всяком деле, как во всякой представляемой ему к подписи бумаге, видел не суть вопроса, а те запятые, которыми разделяются отдельные их части и положения»²²¹. Интересно, что в рукописи эта часть воспоминаний оказалась зачеркнутой автором по неизвестным причинам. Вполне возможно, что В.И. Гурко не

²¹⁸ Земщина. 30 сентября (13 октября) 1911 г.

²¹⁹ Гурко Владимир Иосифович (1862 – 1927 гг.) – государственный и общественный деятель, действительный статский советник. Член Государственного совета (1912 – 1917 гг.), товарищ министра внутренних дел (1906 – 1907 гг.). Сподвижник П.А. Столыпина.

²²⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 992

²²¹ Там же. С. 1231.

посчитал уместным писать о личности министра, либо сама характеристика показалась ему достаточно жесткой – об этом можно лишь догадываться. Так или иначе, следует очевидный вывод, В.И. Гурко – человек, бесспорно, консервативных взглядов, вслед за радикальными либералами в лице кадетов, выражает определенное недовольство в ответ на назначение А.А. Макарова министром внутренних дел. В чем кроется причина подобного отношения, сейчас можно только предполагать, поскольку доступные источники не проливают свет на взаимоотношения Гурко с новым министром.

Необходимо отметить, что помимо характерных черт А.А. Макарова и его послужного списка, в политических кругах активно обсуждались возможные перемены в самом министерстве внутренних дел. Интересно, что в консервативных кругах возникло мнение, что новый министр несколько «оживить» деятельность министерства. «Надо надеяться, что г. Макаров, если будет назначен министром внутренних дел, вернет министерство к жизни. При всем желании почившего Столыпина отдавать министерству свои заботы, функции и заботы председателя Совета министров оставляли ему для министерства внутренних дел так мало времени, что это министерство начало гаснуть и делаться вотчиной таких равнодушных к России бюрократов, как Крыжановский, Гербель, и даже Харузин. Все они свои высушенные умы отдавали проектам и произволу»²²². Однако в том же «Гражданине» отмечалось, что с этого момента министерство внутренних дел теряет свой прежний исключительный статус и становится лишь одним из ключевых, а не единственным ключевым министерством²²³.

Интересно, что в либеральной печати публиковались разного рода слухи, что правые считают нового министра своим по политическому мировоззрению и очень близким по идеологии к крайне правым²²⁴. На данных слухах якобы строилось предположение, что Макаров может стать

²²² Дневники // Гражданин. 1911. №37. С. 12.

²²³ Там же.

²²⁴ Речь, 23 сентября (6 октября) 1911 г.

противовесом Коковцову в его конституционных устремлениях. Однако это противоречило мнению, царившему в тот момент в либеральной среде, что новый премьер отнюдь не собирается менять правительственный курс, о чем было сказано выше.

Не менее обсуждаемым оказался вопрос о возможных грядущих переменах в самом министерстве. «Про Макарова все единогласно говорят, что выбор его в министры очень удачный – что он умный, честный, чистый человек, но у него есть большой недостаток, что он якобы не умеет выбирать людей» – отмечала в своем дневнике А.В. Богданович.²²⁵ В первую очередь перемены связывались с возможным назначением новых товарищей министра. Перспективы действующих заместителей остаться в должности виделись весьма туманными. Вот что писали по этому поводу умеренно-либеральные «Биржевые ведомости»: «Программа нового министра, выработанная совместно с Коковцовым, в сферах одобрена. В первую голову ожидают образования особой комиссии для разработки проекта реформы охранного отделения. Выбор товарищей министра предоставлен Макарову. Предстоят отставки Крыжановского и Курлова».²²⁶ Несколько дней спустя проправительственное «Новое время» утверждало следующее: «В связи с назначением на пост министра внутренних дел А.А. Макарова предстоят перемены в среде высших чинов министерства внутренних дел. Говорят об уходе двух товарищей министра. Среди кандидатов на освобождающиеся должности товарищей министра называют директора департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Харузина, нижегородского губернатора А.А. Хвостова и ревизующего сенатора Трусевича»²²⁷. Октябристский «Голос Москвы» также был склонен предполагать, что одним из заместителей

²²⁵ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 453. Л. 63.

²²⁶ Биржевые ведомости, 21 сентября (4 октября) 1911 г.

²²⁷ Новое время, 25 сентября (8 октября) 1911 г.

Макарова будет назначен сенатор Трусевич²²⁸: «В высших кругах много говорят о предстоящих переменах в министерстве внутренних дел. Из высокоофициозных источников передают, что отставка товарища министра внутренних дел генерала Курлова с назначением Макарова предрешена. Весь вопрос в том, произойдет ли она до или после окончания ревизии киевского охранного отделения г. Трусевичем. На пост товарища министра внутренних дел вместо генерала Курлова будет назначен Трусевич»²²⁹. Более того, автор статьи утверждал, что в официальных кругах это назначение якобы было встречено с сочувствием, и надо полагать, что Трусевич возьмется за проведение глубокой реформы охранного отделения²³⁰. В свою очередь, политический журнал-газета «Гражданин» опубликовал статью за авторством своего издателя князя В.П. Мещерского, в которой упоминался А.Н. Харузин²³¹ в качестве кандидата на пост товарища министра внутренних дел, причем весьма любопытной представляется его характеристика. «В газетах, в виде тысяча первого слуха, появилось драматическое известие о предстоящем будто бы назначении знаменитого любителя сект и сектантства г. Харузина товарищем г. Макарова, когда он будет назначен министром внутренних дел»²³². Далее автор только сгущает краски, выставляя Харузина как настоящего врага православия, а значит и государства: «Хотя такое известие своего рода курьез, ибо оно пущено в обращение при отсутствии г. Макарова и указа об его назначении, но тем не менее у всех русских людей прошел мороз по коже от вопроса: неужели первый выбор г. Макарова падет на такого явного врага православной церкви и покровителя всех ненавидящих ее сект?»²³³.

²²⁸ Трусевич Максимилиан Иванович (1863 – 1917 гг.) – деятель политического сыска, тайный советник. В сентябре 1911 г. вел расследование действий Киевского охранного отделения во время покушения на П.А. Столыпина.

²²⁹ Голос Москвы, 21 сентября (4 октября) 1911 г.

²³⁰ Там же.

²³¹ Харузин Алексей Николаевич (1864 – 1932 гг.) – государственный деятель, этнограф и антрополог. Возглавлял Департамент духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел. 1911 – 1912 гг. – товарищ министра внутренних дел.

²³² Гражданин. 1911. №38. С.4.

²³³ Там же.

Очевидно, что Харузин вызывал у правых чувство отторжения, что подтверждает в своих мемуарах В.И. Гурко: «Ближайшим сотрудником в том деле, которое почти единственно интересовало и сосредоточивало в то время заботы и внимание правительства, а именно выборы в новую, Четвертую Государственную думу, Макаров избрал А.Н. Харузина. Человек этот, по природе неглупый и даже в известной степени способный, отличался необыкновенным честолюбием, неразрывно у него связанным с безграничным самодовольством, и был типичным карьеристом. Самодовольством дышала вся его маленькая на тонких ножках фигурка боевого петушка. При этом он отнюдь не был солидным, сильным боевым петухом, а именно маленьким, задорным и крикливым петушком»²³⁴. Позднее подобную оценку заместителю Макарова дал и генерал Е.В. Богданович в одном из своих писем к императору: «...деятель вредный и опасный, соединяющий ловкость интригана с полнейшей беспринципностью политической и нравственной, привычный действовать исподтишка...»²³⁵. Таким образом, мы видим, что назначение А.А. Макарова самым естественным образом повлекло за собой изменения в министерстве внутренних дел. Прежние товарищи министра С.Е. Крыжановский и П.Г. Курлов подали в отставку, а на их места были назначены А.Н. Харузин и И.М. Золотарев²³⁶ соответственно. Третий товарищ министра внутренних дел А.И. Лыкошин²³⁷, руководивший работой Земского отдела, сохранил свой пост. Данные перестановки имеют вполне логичное объяснение – Макаров в новой должности желал иметь в качестве своих заместителей хорошо знакомых и проверенных людей. Кроме того, Харузин и Золотарев

²³⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 995.

²³⁵ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 42. Е.В. Богданович – Николаю II, 28 ноября 1912 г.

²³⁶ Золотарев Игнатий Михайлович (1868 – 1916 гг.) – выпускник юридического факультета Московского университета. Работал в министерстве юстиции. В 1911 – 1915 гг. – товарищ министра внутренних дел.

²³⁷ Лыкошин Александр Иванович (1861 – 1918 гг.) – служил в министерстве юстиции. Принял активное участие в подготовке и осуществлении аграрной реформы. В 1907 – 1914 гг. – товарищ министра внутренних дел.

были малозаметными фигурами в политических кругах и не претендовали на то, чтобы отодвинуть нового министра в тень.

В заключение данной главы представляется возможным сделать вполне определенные выводы. Во-первых, трагическая гибель П.А. Столыпина и назначение премьер-министром В.Н. Коковцова вызвали в обществе бурное обсуждение возможной смены правительственного курса. Во-вторых, в этой связи назначение министром внутренних дел А.А. Макарова – вполне рядового чиновника, редко выступавшего в Думе и практически не имевшего каких-либо серьезных амбиций, виделось вполне логичным. В-третьих, сама личность Макарова воспринималась неоднозначно: правоконсервативные круги в целом считали его «своим» и признавали за ним верность и преданность государству и монарху, либералы же, напротив, рисовали образ безынициативного косного судебного чиновника – яркого представителя столь ненавистного им самодержавного строя. Таким образом, появление А.А. Макарова на одной из ключевых должностей в империи не только не осталось незамеченным, но вызвало весьма оживленное обсуждение в российском обществе.

Глава 2. А.А. Макаров и вопрос о выделении Холмской губернии.

Александр Александрович Макаров как министр внутренних дел принимал деятельное участие в подготовке и обсуждении ряда законопроектов в III Государственной Думе. Наибольший резонанс в российском обществе в указанное время вызвало обсуждение т.н. «холмского вопроса», связанного с выделением части земель с преимущественно русским населением из состава Люблинской и Седлецкой губерний для образования Холмской губернии. Новую административную единицу предполагалось вывести из состава Царства Польского и передать в ведение Киевского генерал-губернатора. На принятии законопроекта особенно настаивала группа депутатов во главе с холмским епископом Евлогием (Георгиевским), им противостояли представители «польского кола», усматривавшие в законопроекте стремление к очередному «разделу Речи Посполитой». А.А. Макаров также принял участие в обсуждении данного законопроекта, выступив перед депутатами на одном из заседаний. Вероятно, в задачу министра входило заручиться поддержкой думского центра, чтобы помешать оппозиции с затягиванием процедуры обсуждения и принятия законопроекта.

В советской историографии холмский законопроект был охарактеризован как сугубо националистический, на что указывал в своих работах А.Я. Аврех: «Законопроект о выделении из Царства Польского Холмщины был по-настоящему первым парадным выходом нового столыпинского “центра” — националистов — на третьедумскую сцену. Парад получился отменным. Ни один законопроект, прошедший через III Думу, не вызвал такой бешеной националистической свистопляски, как этот. С великодержавной стороны он был возведен в ранг высокой политики, с польской — кампания против него велась под лозунгом борьбы против “четвертого раздела” Польши»²³⁸. В современной историографии холмский вопрос рассматривается в контексте предвыборной борьбы в канун

²³⁸ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 168.

избирательной кампании в Государственную Думу IV созыва. В частности, Ф.А. Гайда обращает внимание на степень использования октябристами холмского законопроекта в своих предвыборных интересах²³⁹. В целом, данная проблема слабо изучена в отечественной историографии и рассматривается в контексте иных сюжетов. Участие А.А. Макарова в обсуждении и продвижении холмского законопроекта также практически не затрагивается в трудах исследователей.

§1. История холмского вопроса

Холмский вопрос уходит своими корнями в далекое прошлое. Впервые указанные территории в русской истории упоминаются в контексте событий X века, связанных с походами Олега на Константинополь. В 981 году князь Владимир Святославич присоединил их к Древнерусскому государству. Впоследствии Холмщина оказалась в составе Галицко-Волынского княжества и в XIV веке отошла к Литовскому государству. В XVI веке после образования Речи Посполитой и заключения в 1596 году Брестской унии, холмские земли подверглись последовательному католическому влиянию. В начале XIX века по решению Венского конгресса эти земли были переданы России в составе Царства Польского. Однако возвращение Холмщины существенно не изменило положения русского населения, которое все так же подвергалось влиянию польской католической культуры. Дело в том, что подавляющее большинство холмских землевладельцев были этническими поляками, а русское население состояло в основном из крестьян, что обусловило их экономическую зависимость от «панов».

Первое предложение о выделении Холмской губернии в особую административную единицу появилось в ходе работы Комитета по делам Царства Польского в 1864 – 1866 гг., однако было отклонено статс-секретарем комитета Н.А. Милютиным. В дальнейшем этот вопрос неоднократно

²³⁹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016. С. 165.

поднимался, но не получал практического разрешения вследствие различных взглядов на этот предмет часто менявшихся варшавских генерал-губернаторов и министров внутренних дел²⁴⁰. Так, после воссоединения холмских униатов с Русской православной церковью в 1875 году, граф Н.П. Игнатьев, будучи министром внутренних дел в 1881 – 1882 гг. предложил образовать Холмскую губернию и присоединить к ней часть Волыни, что не встретило поддержки со стороны варшавского генерал-губернатора. По той же причине в 1880-х гг. не прошел проект К.П. Победоносцева, который, тем не менее, стал основой для будущего законопроекта.

В 1905 году в Забужье развернуло широкую деятельность Холмское Свято-Богородицкое братство, главой которого стал епископ Евлогий (Георгиевский). В конце ноября депутация братства удостоилась Высочайшей аудиенции и уже в декабре Холмщина получила право делегировать в Государственную Думу особого представителя от русского населения, коим стал правящий архиерей епископ Евлогий. В 1906 году в Совете министров обсуждался вопрос о выделении Холмской губернии, однако его решение было отложено до введения нового порядка самоуправления в Привислинском крае. Последовавшее затем ходатайство епископа Евлогия привело к созданию особой комиссии для определения границ будущей губернии. Император повелел подготовить и внести законопроект на обсуждение Государственной думой к концу 1907 года, однако процедура значительно затянулась, и только в мае 1909 года законопроект о выделении Холмской губернии был внесен на предварительное рассмотрение в комиссию законодательных предположений²⁴¹. Затем последовали еще два года самых подробных обсуждений – комиссия завершила свою работу 22 апреля 1911 года, когда ее доклад был внесен на общее рассмотрение в Государственную думу.

²⁴⁰ Каретников С. М. Холмская губерния: географическо-исторический очерк. Лубны, 1913. С. 199.

²⁴¹ Там же. С. 202.

Таким образом, фактическая подготовка законопроекта велась на протяжении почти пятидесяти лет. Любопытно, что именно события 1905 – 1907 гг., в ходе которых в империи было учреждено народное представительство, дали действенный толчок разработке холмского законопроекта – спустя пять лет почти непрерывной работы он был готов к обсуждению в стенах Государственной думы.

§2. Обсуждение законопроекта в Государственной думе. Речь А.А. Макарова.

События осени 1911 года и значительные кадровые перестановки в правительстве на время отложили обсуждение законопроекта о выделении Холмской губернии в народном представительстве. Представлялось очевидным, что прения примут самый ожесточенный характер, поскольку законопроект касался одного из самых болезненных национальных вопросов в империи. Будущий холмский губернатор А.Н. Волжин в письме к графу В.А. Бобринскому предвкусил предстоящую борьбу в Государственной Думе: «Не за горами уже жаркий бой за Холмщину. С трепетом жду ее судьбы. Лучшие люди окажутся ли русскими в понимании ее героического прошлого и невыносимого настоящего? Поляки, а в особенности жида не сомневаются в том, что Дума выделит Холмщину»²⁴².

Лишь 25 ноября Государственная Дума приступила к его обсуждению, при этом 37 депутатов подписали заявление о передаче доклада комиссии по направлению законодательных предположений о выделении Холмской губернии на заключение комиссии по местному самоуправлению. Инициаторами были противники законопроекта, стремившиеся затянуть его обсуждение и добиться дальнейшего снятия с думской повестки. Наиболее активным был депутат от Седлецкой губернии Любомир Дымша, утверждавший, что холмский законопроект не был до конца рассмотрен в комиссии по местному самоуправлению. Его поддержал депутат от

²⁴² Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 197 – 198.

Ломжинской губернии Гарусевич, назвавший возможное отклонение заявления «весьма нежелательным прецедентом», покрывающим некорректное отношение Думы к внесению данного законопроекта²⁴³. В пользу отклонения заявления высказались граф Уваров (депутат от Саратовской губернии) и епископ Евлогий (Георгиевский). «Заявление... еще раз подчеркивает, при каких тормозах, при каких необыкновенных трудностях проходит наш холмский законопроект. Он не может быть передан в комиссию по местному самоуправлению. Он совершенно не затрагивает вопроса о самоуправлении» – утверждал епископ²⁴⁴. После завершения весьма ожесточенных прений состоялось голосование, по итогам которого большинством голосов заявление было отклонено.

Докладчиком комиссии по направлению законодательных предположений выступил Д.Н. Чихачев. Приступив к изложению основных положений законопроекта, он озвучил краткий исторический очерк политического положения Холмщины от времен князя Владимира до начала XX века, констатируя, что холмские земли составляют исконное достояние русского народа²⁴⁵. Далее докладчик перешел к изложению этнографических особенностей края, указывая на то, что население Забужья издревле исповедовало православную веру. Очертив исторические условия присоединения Подляшья, вместе с Волынью и Киевом к Польше, Чихачев охарактеризовал деятельность иезуитов в этих землях: «Стремление латинизировать Русскую церковь и ополячить русское население Забужья на всем протяжении истории Польши носит ярко определенный, систематический характер и выражается в деятельности римско-католических и униатских монашеских орденов, в деятельности польских властей, в польском законодательстве, дошедшем даже до проекта уничтожения греко-русского

²⁴³ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1911 – 1912. Ст. 2580.

²⁴⁴ Там же. Ст. 2582.

²⁴⁵ Земщина. 26 ноября 1911 г.

вероисповедания»²⁴⁶. Кроме того, докладчик обратил внимание депутатов на то, что с присоединением края к России учебное дело было упущено из русских рук и очутилось в полном ведении поляков. Народ все больше укрепляли в мысли, что уния и католичество одно и то же вероисповедание, что природный язык русского населения представляет только одно из просторечий польского языка.

Подробно проследив всю последующую историю Польши до 1905 года, докладчик констатировал, что, когда Холмская Русь встретила Указ 1905 года о свободе совести, правительство не приняло никаких мер, чтобы охранить упорствующих от влияния католиков и не дало им возможности быть униатами, не будучи католиками. Помимо причин исторических, экономическая зависимость русского населения от польских помещиков в значительной степени вызвала отпадение от православия. Несмотря, однако, на дружный натиск полонизма и католицизма, русская народность в Холмщине не погибла.

Перейдя от общеисторических соображений к современному состоянию Холмского края, Чихачев констатировал, что в этнографическом отношении численность населения, говорящего по-русски, значительно более численности православных, и, при численности в 450000 человек русская народность является преобладающей в составе населения Холмского края. Говоря о мотивах выделения Холмщины, он указывал, что, раз решено ввести в Царстве Польском местное самоуправление, выделение Холмщины является, безусловно необходимым, ибо, иначе, русскому населению края грозит в непродолжительном будущем полное ополячение.

В следующей части выступления, Чихачев озвучил формулу по переходу к конкретным мерам по выделению Холмщины, которые предполагали:

1) Введение в кратчайший срок, по возможности 3-летнего, всеобщего начального обучения, открытие густой сети высших начальных и средних

²⁴⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2598.

училищ, распространение внешкольного образования путем устройства библиотек и читален.

2) Скорейшее представление на рассмотрение законодательных учреждений законопроекта об обязательной отмене сервитутов.

3) Учреждение землеустроительных комиссий и широкое развитие деятельности Крестьянского Поземельного банка в целях удовлетворения нужды в земле безземельного и малоземельного населения.

4) Распространение деятельности частных земельных банков внутренних губерний империи на Холмскую губернию.

5) Введение городского и земского самоуправления при неременном условии ограждения интересов русского населения.

6) Обсуждение правительством вопроса о возможности присоединения, при административном переустройстве губерний Западного края, к Холмской губернии части уездов Волынской и Гродненской губерний.

7) Содействие со стороны правительства, по соглашению с Римом, постепенному введению дополнительного богослужения и проповеди на русском языке и его наречиях в костелах римско-католического прихода с русским населением.

В заключение Чихачев заявил, что «почтенные деятели отошедшего в вечность бюрократического строя, оставили народному представительству в области польско-русских отношений тяжелое наследство. В польском вопросе они, к сожалению, верили в спасительность полумер и не склонны были смотреть на холмский вопрос, как на вопрос общенационального, общегосударственного значения. Слишком сильны были закулисные влияния, часто антирусского характера. Только теперь представительные учреждения могут стать залогом последовательной и систематической националистической политики на наших окраинах и, в частности, на Холмщине. Я не сомневаюсь, что народное представительство пожелает взять

на себя ответственность за эту в высшей степени важную меру²⁴⁷. Доклад был завершён ходатайством комиссии по направлению законодательных предположений о принятии законопроекта, что вызвало рукоплескания справа и на отдельных скамьях в центре думского зала заседаний²⁴⁸.

Основные аргументы в пользу выделения Холмщины, озвученные в докладе, сводились к этнографической ситуации в данном регионе. Подкрепленные значительным историческим обоснованием, они отодвигали на второй план религиозный портрет холмской земли, на что обращал внимание А.Я. Аврех. «Основная идея докладчика по законопроекту националиста Д. Н. Чихачева сводилась к тому, что численность “русского” (т. е. украинского) населения в крае надо определять не по религиозному признаку, на чем настаивали поляки, а по этнографическому. Католик ещё не поляк, важно его этническое происхождение — такова была главная мысль» — отмечал исследователь²⁴⁹. Именно в этом направлении выстроил своё выступление следующий оратор — министр внутренних дел А.А. Макаров. Перед ним стояла задача не только обозначить позицию правительства в отношении холмского вопроса, но и оказать воздействие на думский центр, состоявший, в основном, из представителей фракции октябристов. Представлялось очевидным, что их поддержка данного законопроекта, фактически обеспечивала его итоговую реализацию.

В речи А.А. Макарова представляется возможным выделить несколько смысловых частей: введение, указывающее на особый интерес к данному законопроекту со стороны не только российской, но и заграничной общественности; основная часть, состоявшая из обоснования холмского вопроса и изложения мер по его решению. В заключение Макаров напомнил депутатам, что мощь и государственность России создана дружной, многовековой работой русского народа. Общей целью выступления являлось

²⁴⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2608.

²⁴⁸ Там же. Ст. 2608.

²⁴⁹ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 169.

убедить большинство депутатов – в особенности это касалось представителей центра – в необходимости отстаивания интересов русского населения в Забужье.

В начале своего выступления министр отметил обстоятельность и подробное содержание доклада Д.Н. Чихачева. Далее Макаров указал на общественный резонанс, вызванный законопроектом: «Прежде всего я хотел бы обратить ваше внимание на то, что законопроект, подлежащий вашему обсуждению, вызвал к себе крупнейшее внимание: многочисленные статьи о нем в периодической печати и отдельные монографии, лекции, съезды, посещения Холмщины для ознакомления на месте с положением дела, все это казывает на выдающийся интерес, который русское общество проявило к данному вопросу»²⁵⁰. Оратор не преминул возможностью назвать и зарубежные издания, обсуждавшие предстоящее выделение Холмской губернии, связывая с этим возникновение отрицательного отношения к законопроекту. Следует отметить, что уже на следующий день 27 ноября значительные протестные выступления состоялись во Львове²⁵¹. Толпа студентов двинулась к зданию русского консульства, где устроила погром, чему полиция не смогла помешать, поскольку прибыла слишком поздно²⁵². Министр признал подобные события не относящимися к делу агитационными средствами, с помощью которых предпринимаются попытки помешать проведению этой меры, необходимой лишь для изменения порядка управления одной из территорий империи²⁵³.

Не менее важной частью выступления Макарова стоит признать обращение к истории холмского вопроса. Возник он, по убеждению министра, «не со вчерашнего дня», и вопреки аргументам противников выделения Холмской губернии, «принятие тех или иных законодательных мер находится

²⁵⁰ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2608.

²⁵¹ Вечернее время, 28 ноября 1911 г.

²⁵² Современное слово, 28 ноября 1911 г.

²⁵³ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2609.

в полной зависимости от обстоятельств государственной жизни, временем создаваемых»²⁵⁴. Интересно, что Макаров не преминул обратиться лично к депутатам, настаивая на особой значимости их участия в законодательной работе: «участие ваше в законодательстве несомненно сплачивает и поднимает русское самосознание»²⁵⁵. Из дальнейших слов министра следовало, что холмский законопроект должен обеспечить правительственную поддержку крестьянскому населению края, которое в подавляющем большинстве являлось этнически русским. Крупное землевладение, напротив, было сосредоточено в руках этнически польского населения. «Он (законопроект) имеет в виду защиту искони русского населения Забужья от польско-латинского засилья» – утверждал Макаров²⁵⁶. В доказательство своей позиции министр внутренних дел обратился к двум аргументам: установил, что коренное население Забужья действительно русское, а также обосновал опасность его ополячения. Первый аргумент был подкреплён обширной исторической справкой, содержащей в себе отсылки к походам Олега и князя Владимира Святославича в Х, в состав войска которых входили представители племен, проживавших в Забужье (хорваты и дулебы). Кроме того, Макаров таким образом попытался ответить оппонентам, утверждавшим, что поляки гораздо дольше владели этими землями: «По этому поводу я должен сказать вам, что ни приоритет, ни продолжительность владения этим краем не имеют в моих глазах никакого значения. Эти данные, может быть, заслуживали бы внимания при решении международного спора о принадлежности какой-либо территории тому или иному другому государству, но в настоящее время, слава Богу, об этом и речи быть не может. Польша не государство, а часть русской Империи»²⁵⁷. Конец этой части выступления министра сопровождался рукоплесканиями и голосами правой части Думы.

²⁵⁴ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2069.

²⁵⁵ Там же. Ст. 2610.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же. Ст. 2612.

В чем, по мнению министра, состояла опасность ополячения русского населения в Забужье? Прежде чем ответить на поставленный вопрос, Макаров обратился к статистическим данным, представленным министерством внутренних дел при внесении законопроекта в Государственную Думу. «По этим материалам русское население Забужья составляет 211676 русских, проживающих в Седлецкой губернии, и 294356 русских, проживающих в Люблинской губернии, из них православного населения всего около 340000 человек»²⁵⁸. Далее министр приводит статистические данные иных исследователей Холмского края, а именно, подполковника Риттиха (1860-е гг.) и П.П. Семенова, а также данные Всероссийской переписи населения 1897 года, указывая на то, что их цифры почти полностью совпадают с данными от министерства внутренних дел. «Подкомиссия Государственной Думы, рассматривавшая холмский вопрос, не удовлетворилась этими данными и потребовала дополнительные по этому поводу сведения, которые и были затем представлены в комиссию по направлению законодательных предположений» – отмечал Макаров²⁵⁹. Возражая оппонентам, заявлявшим о недостоверности министерских статистических данным, он ответил, что возможны ошибки как в правительственной статистике, так и в статистике, на которую ссылаются противники законопроекта²⁶⁰. В связи с этим, Макаров пытался убедить депутатов в том, что «если правительственная статистика может быть и грешит где-нибудь, то грешит и статистика ей противопоставляемая»²⁶¹. Обозначенная этническая ситуация в Холмском крае позволила министру перейти к обсуждению угрозы ополячивания русского населения. «Я не стану, милостивые государи, рисовать перед вами тяжелые картины всего того, что пришлось пережить русскому населению Забужья от Польши в союзе с Римом в прежнее время. Эти картины могли бы вызвать страстный порыв к протесту,

²⁵⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2615.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. Ст. 2616

²⁶¹ Там же. Ст. 2617.

а в мою задачу входит не возбуждение страстей, а спокойное представление разъяснений Правительства по обсуждаемому вами законопроекту»²⁶². Макаров напомнил присутствующим, что еще с середины XVI века в Забужье начался процесс окатоличивания населения и, фактически, насаждения польской культуры. Замедлили данный процесс лишь разделы Речи Посполитой, однако после принятия в 1905 году нового вероисповедного закона, католическое духовенство и представители крупного землевладения возобновили нажим на православное население края. «Одна часть населения буквально восстала против другой и требовала, чтобы все шли в костел. Кто не желал, кто противился этому стихийному требованию, того буквально выгоняли из села» – приводил в пример министр внутренних дел²⁶³. Здесь он позволили себе еще раз напомнить об одной из целей предлагаемого законопроекта: «Настоящий законопроект имеет ввиду сделать первый шаг к тому, чтобы положить предел в этом отношении. Напрасно приписывают этому законопроекту значение натиска средствами государства для вытеснения поляков и католиков из края, как сказано в мнении меньшинства; напрасно в выделении Забужья в Холмскую губернию видят желание создать рознь между национальностями на месте и религиозные гонения. Это неверно; это есть результат, сказал бы я, больного воображения»²⁶⁴. В качестве вывода по вопросу предотвращения ополячивания русского населения Забужья, Макаров в очередной раз обращает внимание депутатов на истинное предназначение законопроекта, а именно: «имеется ввиду лишь дать возможность русскому народу сохранить свою самобытность, развить и укрепить в нем национальное самосознание и связанное с ним чувство приверженности русской государственности»²⁶⁵. В заключение А.А. Макаров напомнил депутатам об отношении польского населения к православным

²⁶² Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2617

²⁶³ Там же. Ст. 2618.

²⁶⁴ Там же. Ст. 2618 – 2619.

²⁶⁵ Там же. Ст. 2619.

соседям: «Как видно из доклада комиссии по направлению законодательных предположений в 1905 – 1906 гг., многие ксендзы и часть польского населения открыто провозглашали в Забужье: «Польша для истинных поляков», совершенно забывая о проживающем рядом с ними православном русском народе»²⁶⁶. Такое отношение он объяснил тем обстоятельством, что русское население находилось в полной экономической зависимости от польских землевладельцев и не могли дать должного отпора оскорблениям, которые наносились их религиозным и патриотическим чувствам. Заявление министра вызвало рукоплескания справа, сопровождаемых голосами: «браво!»²⁶⁷. Завершил Макаров свое выступление вполне конкретным тезисом о неотделимости Польши от Российской империи. «Польша есть лишь одна из составных частей единой России, той России, которая заботится о благосостоянии всех входящих в состав ее народов, но вместе с тем крепко помнит, что ее мощь и государственность созданы дружной, многовековой работой и усилиями русского народа» – заключил министр внутренних дел²⁶⁸.

Таким образом, в своем выступлении А.А. Макаров привел ряд аргументов в пользу выделения Холмской губернии в самостоятельную административную единицу, опираясь на обширную историческую справку и статистические данные. В отношении достижения поставленной задачи по убеждению думского центра оказать поддержку законопроекту речь министра внутренних дел выглядела вполне убедительной и последовательной.

§3. Реакция на выступление А.А. Макарова

Какова была реакция на выступление А.А. Макарова? В данном случае представляется целесообразным разделить реакцию мгновенную, в ходе прений по холмскому законопроекту в Думе 26 ноября, и реакцию последующую, главным образом выраженную в публикациях в периодической печати.

²⁶⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2620.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

Следующим по очереди оратором после министра внутренних дел был Любомир Дымша – наиболее активный противник законопроекта. Он обвинил Макарова в использовании непроверенных сведений: «Я спрошу у министра внутренних дел, почему ему угодно ставить этот вопрос первостатейной государственной важности на началах, научно не проверенных, я прибавлю, на натянутых указаниях ... я не знаю из чего министр взял это – сведения о том, что там в Холмщине будто бы говорили, что там есть Польша, что кто ее не хочет, пусть убирается до Москвы»²⁶⁹. Макаров ответил, что эти данные представлены в докладе. Тем не менее, Дымша продолжил нападки на министра: «Представитель правительства порочит мои статистические подтверждения. Я сейчас ему отвечать на эти вычисления не буду, я их проверю и отвечу через два – три дня»²⁷⁰. Реплики польского депутата вызвали сильный шум среди правых – председателю пришлось несколько раз призывать зал соблюдать тишину. В продолжение своего выступления Дымша подверг критике историческую часть речи Макарова, указав на географические неточности, однако наибольшему разгрому он подверг статистические данные: «Я думаю, что приведенных данных и соображений достаточно для того, чтобы убедиться, что всякий подсчет а priori и указания на то, что там имеется непременно 450000 русских, основывается на данных не проверенных, почерпнутых богатой фантазией того или иного лица, но выдавать это за материал законодательный представляется невозможным»²⁷¹. В заключение своей пространной речи Дымша обвинил составителей холмского законопроекта в нарушении основ манифеста 17 октября, так как, по его мнению, предлагаемые меры направлены не на столь необходимое обновление страны. Свое впечатление от выступления польского оратора в письме к супруге высказал харьковский депутат А.С. Вязигин: «... я приехал в Думу на речь Макарова и принял участие в обуздании Дымши. По-моему, стенограмму

²⁶⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2621

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Там же. Ст. 2635.

изменили и его слова об инсинуации Макарова выбросили. Вид яростного поляка, кричавшего на русского министра и грозившего ему карандашом, был невыносимо нагл»²⁷².

В защиту речи министра ожидаемо выступил холмский епископ Евлогий, начавший с опровержений утверждения Дымши, что законопроект противоречит Высочайшей воле и манифесту 17 октября. Архиерей привел следующий аргумент: «В 1896 году, когда варшавский генерал-губернатор граф Шувалов в своем всеподданейшем отчете писал, что по его распоряжению уже вырабатывается проект выделения из Привислинского края особой Холмской губернии, то на этом всеподданнейшем докладе Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать: «Вполне одобряю»²⁷³. Более того, в 1907 году император повелел внести данный законопроект на рассмотрение Государственной Думы, о чем также не забыл упомянуть епископ Евлогий. В поддержку основных тезисов выступления А.А. Макарова, владыка указал, что выделение Холмщины вызвано настоятельной необходимостью спасти русскую народность от полного исчезновения и окончательной полонизации. Речь епископа также оказалась довольно пространной, поэтому было решено прервать его выступление в связи с поздним временем и окончанием заседания. Таким образом, самая первая реакция на выступление Макарова оказалось вполне ожидаемой, более того, она была озвучена, пожалуй, главными действующими лицами в ходе обсуждения законопроекта в Думе.

Речь министра внутренних дел дала отчетливый посыл депутатам, что правительство намерено довести холмский законопроект до принятия его в качестве закона. Более того, рассматривая основные меры, предусмотренные в проекте выделения новой губернии, можно с уверенностью предположить, что Холмщина вполне отвечала правительственному курсу П.А. Столыпина. В

²⁷² Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 204.

²⁷³ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2651

историографии подобная оценка холмского законопроекта присутствует в работах А.Я. Авреха, который отмечал, что А. А. Макаров своей речью прежде всего стремился доказать, что он является достойным преемником Столыпина. По мнению исследователя, министру определенно удалось достичь своей цели, о чем свидетельствовали аплодисменты и крики «Браво» и «Верно», раздававшимся с правых и октябристских скамей. Ключевым положением речи Макарова Аврех посчитал стремление оградить холмский вопрос от всякого вмешательства извне²⁷⁴. Макаров дал на него следующий ответ: «Все такого рода указания и протесты с несомненностью должны быть признаны не относящимися к делу, вас занимающему, и являются агитационным средством, старающимся преувеличить значение этой меры, которая в действительности есть не что иное, как одна из мер изменения порядка управления в небольшой даже части нашей необъятной России»²⁷⁵.

Периодическая печать, в целом, оценила речь Макарова как успешную, особенно усердствовали в этом публицисты «Земщины», заранее праздновавшие «победу» законопроекта. «Большой думский день. Забитое, угнетенное население Забужья может, наконец, вздохнуть с облегчением. Г. Дума собралась с духом, чтобы покончить с одним из затянувшихся веками вопросов и, благодаря энергичным настояниям преосвященнейшего Евлогия, его сотрудников и всей правой части Думы, поставила на очередь законопроект о выделении из состава Царства Польского в отдельную губернию древней Холмской Руси» – сообщалось в номере от 26 ноября²⁷⁶. Любопытно, что особое значение публицист придавал позиции в холмском вопросе фракции «Союз 17 октября», приводя слухи о том, что октябристы раскололись в холмском вопросе, и хотят выщелочить из проекта весь русский дух. Проект и так в достаточной степени изсушен, сравнительно с первоначальным

²⁷⁴ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. С. 173.

²⁷⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Ст. 2609.

²⁷⁶ Земщина. 26 ноября 1911 г.

замыслом»²⁷⁷. Речь Макарова была оценена следующим образом: «Большую речь произнес министр внутренних дел Макаров, ясно и твердо установивший правительственную точку зрения на обсуждаемый законопроект»²⁷⁸. Вместе с тем публицист отмечал и большое количество депутатов, желающих высказаться на прениях, что может свидетельствовать не только о значимости холмского законопроекта, но и о желании его противников затянуть обсуждение и «провалить» его возможное принятие. Особое негодование у публициста вызвала речь депутата Дымши: «...затем пошла говорить оппозиция. Первый же ее оратор Дымша, начал свою речь обструкцию и в течении часов испытывал терпение Г. Думы»²⁷⁹.

На страницах «Нового времени» также обратили внимание на последовательный и четкий характер речи Макарова: «С весьма обстоятельной речью выступил министр внутренних дел Макаров, коснувшийся исторической стороны и сущности вопроса». Публицист не преминул отметить и стремление противников законопроекта затянуть его обсуждение: «Противникам законопроекта, группирующимся вокруг седлецкого депутата Дымши, этого показалось мало, и они усиленно домогались сегодня снова передать законопроект в другую комиссию, надеясь так же его похоронить. Голосами центра и правой такое предложение было отклонено»²⁸⁰.

Противники законопроекта, в свою очередь, утверждали, что выделение Холмской губернии станет продолжением столыпинской политики, по их мнению, отличавшейся проявлениями русского национализма. «Это законодательное предложение — одна из самых характерных черт столыпинского наследия, один из самых типичных продуктов современного национализма» — отмечали в «Современном слове»²⁸¹. Одной из причин возможного выделения называлось стремление местных «чиновников-

²⁷⁷ Земщина. 26 ноября 1911 г.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Современное слово, 26 ноября 1911 г.

обрусителей» отстаивать свои интересы в борьбе с польскими землевладельцами, что было поддержано группой националистов. В связи с этим упоминалась и речь А.А. Макарова, как свидетельство продолжения столыпинского курса по «русификации» западных регионов империи: «Достаточно обещаний, данных Макаровым: оказывается, что для торжества национальной идеи в Холмщине недостаточно выделения ее, а необходимо введение ограничительных законов для польского и еврейского населения... Уже это одно показывает, каковы дух и направление всей этой великой национальной реформы, ничего, кроме усиления административного усмотрения окраинных чиновников она создать не в состоянии...»²⁸². По заверению публицистов газеты, после речи Макарова думский центр, в большинстве своем представленный фракцией октябристов, безоговорочно поддержит законопроект. Косвенно это может свидетельствовать о достижении министром внутренних дел одной из своих целей – убедить центр присоединиться к правым и проголосовать за холмский законопроект.

Ввиду значительного числа ораторов прения продолжались вплоть до середины февраля 1912 года, когда в Думе началось постатейное обсуждение законопроекта. Оппозиция могла лишь всячески затягивать его принятие, не имея серьезных аргументов против сторонников Холмщины. Тем неожиданнее выглядел провал важнейшей X статьи законопроекта, предполагавшей выделение Холмской губернии из состава Привислинского края и непосредственное ее подчинение министру внутренних дел. «Земщина» обвинила во всем польских депутатов, якобы рассылавших «особые пригласительные повестки всей оппозиции обязательно явиться на сегодняшнее заседание»²⁸³. «Русское слово» настаивало на провале всего законопроекта: «Понятно, что на борьбе против этого раздела оппозиция сосредоточила все свои силы и добилась того, что раздел оказался

²⁸² Современное слово, 26 ноября 1911 г.

²⁸³ Земщина, 16 февраля 1912 г.

отклоненным большинством оппозиции и левых октябристов... Отклонение раздела X равносильно отклонению всего холмского проекта»²⁸⁴. Объяснение этому провалу попытался найти публицист «Нового времени», указывая на беспечность сторонников законопроекта: «Но где были настоящие представители русского дела, его интересов, надежд и ожиданий? Неужели им теперь не стыдно за свою халатность и беспечность, приведшие к такому обидному и постыдному для них итогу?»²⁸⁵. Иное мнение звучало со страниц «Современного слова», где причиной провала считали националистический характер законопроекта: «Основная статья проекта отклонена большинством. Националистическому знамени изменили октябристы, которые оказались неспособными забыть элементарные требования государственности во имя дружбы с националистами»²⁸⁶. В современной историографии существует мнение, что провал основной статьи законопроекта был не более чем случайностью, обусловленной депутатским абсентеизмом преимущественно со стороны фракции октябристов²⁸⁷. Этот вывод подтверждается тем, что уже на следующий день сторонникам законопроекта удалось без видимых трудностей принять XI статью законопроекта, и в дальнейшем постатейном обсуждении оппозиция ни разу не взяла верх.

Законопроект о выделении Холмской губернии был принят Государственной Думой в третьем чтении 26 апреля 1912 года большинством в 156 против 108 голосов. «На скамьях националистов и правых раздаются аплодисменты. На левых шикают и свистят. Новые аплодисменты покрывают шиканье» – писало на следующий день «Новое время»²⁸⁸. Публицист «Русского слова» в свою очередь отметил, что вопрос о подчинении Холмской губернии напрямую министру внутренних дел вызвал разделение в самой

²⁸⁴ Русское слово, 16 февраля 1912 г.

²⁸⁵ Постыдный день // Новое время, 16 февраля 1912 г.

²⁸⁶ Современное слово, 16 февраля 1912 г.

²⁸⁷ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016. С. 165.

²⁸⁸ Новое время, 27 апреля 1912 г.

Думе: «Последний день прений по холмскому законопроекту заставляет все думские фракции стянуть свои силы, потому что спорные пункты по этому законопроекту делят Думу на почти равные половины, и при решении спора каждый голос будет иметь значение. Поэтому кворум собирается весьма приличный, особенно густо населены скамьи оппозиции и националистов»²⁸⁹. Вместе с тем были приняты ряд поправок как со стороны правых и националистов, так и со стороны оппозиции.

Таким образом, холмский законопроект стал самой значительной законодательной инициативой, принятой при непосредственном участии А.А. Макарова. Деятельное участие министра внутренних дел в обсуждении и продвижении Холмщины свидетельствует о продолжении столыпинского курса в сфере национальной политики в Западных губерниях и Царстве Польском, направленного на защиту интересов русского населения и поддержание контроля над польским национальным элементом. В свете грядущей общеевропейской войны, польский вопрос приобретал особое значение, и в задачу Макарова в данном случае входила всесторонняя поддержка холмского законопроекта, передававшего значительную часть польских территорий под непосредственный контроль главы МВД. Принятие Холмщины могло значительно укрепить позиции министра в правительстве и общественно-политических кругах, если бы не два громких скандала, разразившихся в первой половине 1912 года, а именно – газетная кампания против Григория Распутина и события на Ленских золотых приисках, в которых Макаров оказался одним из главных действующих лиц.

²⁸⁹ Русское слово, 27 апреля 1912 г.

Глава 3. Действия А.А. Макарова по прекращению газетной кампании против Григория Распутина

Макаров оказался на посту министра внутренних дел в условиях все нараставшего напряжения внутриполитической ситуации в стране. Гибель премьер-министра П.А. Столыпина не изменила правительственный курс, однако сам кабинет в это время не отличался особым единодушием в его реализации. К тому же, новый премьер – В.Н. Коковцов – не обладал значительными ораторскими способностями и политической волей и, соответственно, испытывал серьезные затруднения в отстаивании политики правительства перед общественным мнением. Очевидно, что подобное состояние власти не могло не отразиться на действиях политических партий в свете грядущей предвыборной кампании.

Лидер «Союза 17 октября» А.И. Гучков имел в то время наиболее выгодные «стартовые позиции» для осуществления предвыборной стратегии своей партии. В преддверии выборов главная проправительственная фракция в Думе неуклонно превращалась в оппозиционную. Это выразилось в действиях ее лидера, который, прикрываясь именем покойного Столыпина и пользуясь репутацией руководителя умеренной по своим взглядам партии, повел последовательную кампанию против верховной власти. Она состояла из отдельных выпадов, главной целью которых, судя по всему, был сильный общественный резонанс, призванный убедить образованную часть населения империи в неспособности верховной власти вести страну по пути модернизации. Одним из таких выпадов стала кампания против Григория Распутина, направленная в сторону верховной власти и самым непосредственным образом повлиявшая на репутацию А.А. Макарова.

§1. Начало кампании в газете «Голос Москвы»

В конце 1911 года Григорий Распутин оказался в центре серьезного скандала. Он вступил в конфликт с саратовским епископом Гермогеном (Долганевым), который вскоре был выведен из состава Святейшего Синода и направлен на свою кафедру. Однако, епископ отказался вернуться в свою

епархию, объясняя данное решение государя «происками Распутина». 17 января император отправил Гермогена на покой, а местом пребывания определил Жировицкую пустынь. В это время в газетах появились первые резкие материалы, затрагивавшие не только Распутина, но и критиковавшие Церковь. «Русское слово» опубликовало статью под заголовком «Лилипуты», автор которой определил текущие события как «войну между лилипутами воинствующего клерикализма»²⁹⁰. М.О. Меньшиков в статье «Распутица в Церкви» заступился за епископа Гермогена: «Да, – он очень неудобен, как простой епископ, как член Синода, но может быть потому именно и неудобен, что в нем говорит настоящий хозяин церкви...»²⁹¹. Это стало началом широкой газетной кампании против текущего положения дел в окружении верховной власти. Министру внутренних дел А.А. Макарову предстояло не только пресечь публикацию подобных материалов, но и успокоить общественное мнение.

Интерес к изучению «распутинской темы» в качестве одной из причин отставки Макарова впервые обозначился в отечественной историографии в 1960-х гг. в работах А.Я Авреха²⁹². В монографии «Царизм и третьеиюньская система» исследователь пришел к заключению, что падение Макарова целиком было обусловлено его тактическим промахом в отношении Распутина, имея ввиду внешнее бездействие министра в отношении газетной кампании против «старца». Тем не менее, Аврех утверждал, что настоящей целью кампании вокруг Распутина был вовсе не Макаров, а премьер-министр Коковцов. Иную точку зрения в своих трудах высказал В.С. Дякин, объясняя отставку Макарова общим усилением правых тенденций в Думе и, тем самым, снижая роль «распутинского» фактора²⁹³. Следует отметить, что в советской историографии сложилось мнение, согласно которому, именно в этот момент Макаров

²⁹⁰ Баян [Колышко И.И.]. Лилипуты // Русское слово, 13 января 1912 г.

²⁹¹ Меньшиков М.О. Распутица в Церкви // Новое время, 14 января 1912 г.

²⁹² Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966.

²⁹³ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

совершил свой первый серьезный тактический промах, не сумев самостоятельно избежать скандала. В источниках аналогичное мнение обнаруживается в воспоминаниях В.И. Гурко, который утверждал, что «Макаров на должности министра внутренних дел сравнительно недолго, как я уже сказал, ничем не отметив своего пребывания во главе внутренней политики государства. Споткнулся он на том же Распутине»²⁹⁴. В современной историографии сохраняется тенденции изучения данной проблемы в контексте иных сюжетов, что отчетливо прослеживается в книге А.Н. Варламова, посвященной Григорию Распутину²⁹⁵. В ней автор, в значительной степени опираясь на источники личного происхождения, реконструирует достаточно подробную картину событий первых месяцев 1912 года, однако не приходит к какому-либо конкретному выводу по указанной выше проблеме. В монографии Ф.А. Гайды проводится связь газетной кампании против Распутина с выработкой предвыборной стратегии партии «Союз 17 октября»²⁹⁶. При этом исследователь не склонен считать Распутина виновником дальнейшей отставки Макарова, которая произошла спустя несколько месяцев после указанных событий. Таким образом, несмотря на то что изучение «распутинской темы» в качестве причин отставки Макарова с поста главы МВД велось в контексте иных сюжетов, можно говорить о формировании отдельных точек зрения на данную проблему.

Вечером 25 января 1912 года в Государственной думе по инициативе октябристов был внесен спешный запрос Министерству внутренних дел. Поводом к нему послужила конфискация Главным Управлением по делам печати №19 газеты «Голос Москвы», где было опубликовано письмо в редакцию за подписью известного религиозного публициста Михаила

²⁹⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 936.

²⁹⁵ Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.

²⁹⁶ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016.

Новоселова под заголовком «Голос православного мирянина»²⁹⁷. Данный текст содержал резкую критику личности Распутина: «Quousque tandem abutere patientia nostra. Эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных русских людей по адресу хитрого заговорщика против святыни, церкви и гнусного растлителя душ и телес человеческих, Григорий Распутин, дерзко прикрывающегося этой самой святыней церковной»²⁹⁸. При этом, основной темой письма видится прямое обращение к Святейшему Синоду и архиереям, так или иначе выступающим против фигуры Распутина. Автор недвусмысленно упрекает их в бездействии и попустительстве действиям «старца»: «Доколе, в самом деле, Святейший Синод, пред лицом которого уже несколько лет разыгрывается этим проходимцем преступная трагикомедия, будет безмолвствовать и бездействовать. Почему безмолвствует и бездействует он тогда, когда Божеская заповедь – блюсти стадо от волков хищных – казалось бы, с неотразимой силой должна была сказаться в сердцах архипастырей, призванных “право править слово истины”. Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя»²⁹⁹. В завершение письма Новоселов заявляет о готовности представить в Синод необходимые доказательства своей оценки личности Распутина.

Следует отметить, что выдержки из вышеуказанного письма были опубликованы №50 газеты «Вечернее время», что также привело к последующей конфискации данного номера. Однако инициаторы запроса обратили особое внимание депутатов не на сам факт конфискации номеров газет, а на способ воздействия на печать со стороны власти. «Выяснилось, что предварительно редакторам этих газет, а равно и других газет в Петербурге и Москве, были предъявлены со стороны представителей высшей администрации требования ничего не печатать об известном Григории

²⁹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 17. 1912. Д. 71. Л. 1.

²⁹⁸ Голос православного мирянина // Голос Москвы 24 января 1912 г.

²⁹⁹ Там же.

Распутине. Признавая, что такой способ воздействия на свободу печати, сопровождаемы теми характерными мерами, которые нашли себе применение в отношении названных газет, являются незакономерными действиями со стороны агентов МВД...» – указывалось в тексте запроса³⁰⁰. Более того, как следует из формулировки запроса, данные меры воздействия со стороны власти признаются незаконными: «1) Известно ли Министру Внутренних дел, что представителями администрации было предъявлено требование редакторам газет в Петербурге и Москве ничего не писать о Григории Распутине и что неисполнение сего требования имело последствием конфискацию газет и привлечение редакторов к ответственности; 2) Если известно, то какие меры им приняты к восстановлению законного порядка»³⁰¹. Далее последовало обсуждение спешности запроса, кульминацией которого стало выступление А.И. Гучкова, имевшее большой успех среди депутатов. Лидер октябристов убеждал Думу в том, что газеты лишь выполняли свой долг и озвучивали те вещи, которые уже давно обсуждаются в обществе. «Почему безмолвствует голос иерархов, почему бездействует государственная власть? И тогда патриотический долг, долг службы независимой прессы и долг нашей совести, долг совести народного представительства, возвысить свой голос, дать исход тому общественному негодованию, которое накапливается в стране» – возглашал Гучков под одобрительные голоса из зала³⁰². Интересно, что оратор требовал избежать разного рода расследований и обсуждений вопроса о конфискации газет, настаивая на крайней спешности данного запроса: «Незакономерность налицо; и фактическая и юридическая стороны дела настолько бесспорны, что не требуется никакая предварительная комиссия работа, никакое комиссионное расследование и обсуждение. Государственная Дума может и в настоящем положении обсудить и решить

³⁰⁰ Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. Т. IV. СПб., 1912. С. 1014.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же.

этот вопрос»³⁰³. Речь Гучкова поддержал следующий оратор – В.Н. Львов, в то время представлявший в Думе группу независимых националистов. Его выступление было более кратким и во многом повторяло точку зрения лидера октябристов: «...затыкать рот печати, единственной возможности в этом странном темном деле раскрыть правду, это, по-моему, недостойно великой страны, и поэтому я надеюсь, что вы примете и спешность, и самый запрос»³⁰⁴. Итоговое решение было принято почти единогласно. Все депутаты, за исключением барона Черкасова, выступили за спешность данного запроса. Однако в общественно-политических кругах не наблюдалось подобного единодушия. Например, князь Мещерский усомнился в честности Гучкова: «А было ли это запрещение? Никто кроме Гучкова и авторов этого запроса не слышал о том, что было такое запрещение»³⁰⁵. «Московские ведомости» пытались дать наиболее взвешенную оценку происходящему: «Принятие запроса, радостного для врагов существующего порядка, лицами, составляющими несомненных его защитников, показывает, что гнилая язва стала нестерпимой <...> Дай Бог, чтобы язва была бесповоротно устранена из отравляемого ею организма. Не входим больше ни в какие рассуждения. В такую минуту неуместно многословие»³⁰⁶.

«Речь» опубликовала следующую заметку: «Палка обновления» ударила по его (запроса) творцам и слугам. Гучков, перед лицом которого 5 лет творилось административное воздействие на печать – тот самый Гучков, который посредством «Голоса Москвы» науськивал власть неугодных ему людей и газеты, – теперь, когда палка коснулась его детища, возопил»³⁰⁷. «Гражданин» идет дальше и находит «опасность» не в Распутине, а ... в Гучкове, «великом лицемере» Гучкове³⁰⁸.

³⁰³ Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. Т. IV. СПб., 1912. С. 1014.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Голос Москвы, 29 января 1912 г.

³⁰⁶ Московские ведомости, 26 января 1912 г.

³⁰⁷ Речь, 30 января 1912 г.

³⁰⁸ Дневник // Гражданин. 1912. №3. С. 13.

В продолжение темы «Голос Москвы» приводит выдержку из газеты «Вечернее время» с рассказом о том, как епископ Таврический Феофан пострадал от размолвки с Распутиным. Якобы разочаровавшийся в «старце» архиерей выступил с разоблачениями, что поначалу возымело положительный для него результат – Распутин был выслан из столицы. Однако вскоре «старец» вернулся, и пришла очередь владыки Феофана отправиться на окраины империи³⁰⁹.

Таким образом, в январе 1912 года имя Григория Распутина впервые прозвучало в прессе в непосредственной связи с политической ситуацией в империи. Сибирский «старец» оказался главной фигурой крупного скандала, который был призван улучшить предвыборные позиции партии октябристов, наиболее пострадавшей от последствий гибели П.А. Столыпина.

§2. Противодействие А.А. Макарова кампании против Распутина

Распутинский вопрос всколыхнулся с небывалой силой. Так часто, как зимой 1912 года, имя сибирского крестьянина не появлялось в печати и не обсуждалось прежде никогда. Резонанс был весьма велик – скандал удался. Обратной дороги у Гучкова уже не было³¹⁰. Это была не просто либеральная фронда, но нечто вроде акции гражданского неповиновения³¹¹. Как отмечал А.Н. Боханов, в начале 1912 года борьба с Распутиным постепенно приобрела характер «общественной добродетели»³¹². В.Ф. Джунковский впоследствии писал: «это был очень неосторожный шаг Государственной Думы; первый раз законодательная палата затронула в своем запросе интимную сторону жизни царской семьи и этим невольно заронила в сердцах некоторых кругов России тень недоверия, неуважения к монарху»³¹³. Спустя несколько дней после принятия запроса о конфискации газет в Думе, 29 января в Зимнем дворце

³⁰⁹ Жертва Распутина. Голос Москвы, 2 февраля 1912 г.

³¹⁰ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1908 – 1917). М., 2024. С. 87.

³¹¹ Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 307.

³¹² Боханов А.Н. Император Николай II. М., 2021. С. 300.

³¹³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 628.

состоялся парадный обед по случаю приезда короля Черногории, на котором присутствовал и Макаров. В источниках сохранилось свидетельство о разговоре императора с министром внутренних дел по окончании торжественной части. Сообщается, что темой разговора были антираспутинские публикации в прессе. Периодическая печать своими нападка на Распутина все больше и больше вызвала недовольство самодержца, при этом все чаще ходили слухи о «сектанстве» сибирского «старца»³¹⁴. В.Н. Коковцов в мемуарах приводит слова императора: «После обеда Государь долго разговаривал с Макаровым, как выяснилось потом, все по поводу Распутина, и вторично высказал ему свое недовольство на печать, опять требуя обуздать ее, и сказал даже: “Я просто не понимаю, неужели нет никакой возможности исполнить мою волю”, и поручил Макарову обсудить со мною и Саблером, что следует предпринять»³¹⁵. Однако в других источниках не обнаруживается сведений об этом разговоре императора с министром. Весьма поверхностно данный сюжет затронут в воспоминаниях генерала А.А. Мосолова, без указания на время и место разговора: «Все инсинуации прессы относительно Распутина просачивались в Думу, вносились запросы, в кулуарах высказывались совершенно невозможные сплетни, да и во время прений, с трибуны, допускались безусловно непристойные речи и возгласы. Государь требовал у Макарова прекращения этих обидных для императрицы пересудов <...> Макаров ничего сделать не мог»³¹⁶.

О всей серьезности данного разговора для Макарова свидетельствует тот факт, что на следующий день министр внутренних дел поспешил исполнить поручение императора. Вместе с обер-прокурором Синода они собрались у Коковцова, о чем последний не забыл упомянуть впоследствии в мемуарах: «На следующий день, в понедельник, 30-го числа, вечером, у меня собрались

³¹⁴ Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2017. С. 277.

³¹⁵ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903 – 1919 гг.). В 2 кн. М., 1992. С. 31.

³¹⁶ Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 166.

Макаров и Саблер, чтобы обсудить, что можно сделать для исполнения поручения Государя»³¹⁷. Премьер-министр сообщает, что собравшиеся пришли к выводу о необходимости удаления Распутина из столицы. Можно предположить, что Макаров не видел возможности обуздать прессу и поэтому был склонен устранить саму причину пересудов, оскорбляющих императорскую семью. Далее Коковцов сообщает о визите к министру Императорского Двора барону Фредериксу, чтобы иметь возможность наиболее деликатно представить государю предполагаемое решение «распутинской» проблемы. «С Бароном Фредериксом наша беседа была, очень коротка. Этот недалекий, но благородный и безупречно честный человек, хорошо понимал всю опасность для Государя Распутинской истории и с полной готовностью склонился действовать в одном с нами направлении. Он обещал говорить с Государем при первом же свидании, и Макаров и я настойчиво просили его сделать это до наших очередных докладов, — Макарова в четверг, а моего в пятницу, так как к его докладу Государь отнесется проще, чем к нашему, будучи уже раздражен в особенности против Макарова, за его отношение к печатным разоблачениям, и несомненно не доволен и мною за то, что я высказал Ему еще раньше те же мысли по поводу мер воздействия на печать» — приводит подробные детали разговора премьер-министр³¹⁸. Следует отметить, что факт данной встречи в иных источниках не упоминается.

Однако встреча Фредерикса с императором, как утверждает Коковцов, не принесла желаемого результата: «Государь крайне недоволен всем происходящим, винит во всем Государственную Думу и, в частности, Гучкова, обвиняет Макарова в “непростительной слабости”, решительно не допускает какого-то ни было принуждения Распутина к выезду...»³¹⁹. В дневнике императора она отмечена в записи от 31 января 1912 года: «Завтракал

³¹⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. С. 32.

³¹⁸ Там же. С. 33.

³¹⁹ Там же.

Фредерикс перед отъездом в отпуск»³²⁰. Император не считал нужным даже намекнуть на содержание их разговора, что может косвенно свидетельствовать о тяжелом характере данной беседы.

Неудивительно, что глава правительства и министр внутренних дел предприняли попытки самостоятельно обсудить положение Распутина лично с императором. По свидетельству Коковцова «доклад Макарова в четверг кончился ничем»³²¹. Далее он приводит ответ государя на затронутый министром вопрос: «Государь перевел речь на другую тему, сказавши ему: «мне нужно обдумать хорошенько эту отвратительную сплетню, и мы переговорим подробно при Вашем следующем докладе, но я все-таки не понимаю, каким образом нет возможности положить конец всей этой грязи»³²². Однако в дневнике императора этот доклад отражен не был. Можно допустить, что Николай II не стал писать о приеме Макарова ввиду того, что затронутая министром тема была ему неприятна. Тем не менее, в записи от 3 февраля государь отмечает: «Принял Коковцова в 10 ч.»³²³. Не менее любопытные записи обнаруживаются у премьер-министра в мемуарах: «Государь слушал меня молча, с видом недовольства, смотря по обыкновению в таком случае в окно, но затем перебил меня словами: «Да, нужно действительно пресечь эту гадость в корне, и я приму к этому решительные меры. Я Вам скажу об этом впоследствии, а пока — не будем больше об этом говорить. Мне все это до крайности неприятно»³²⁴. Мы видим, что беседа с Коковцовым все же упомянута в дневнике, несмотря на крайне неприятное для государя ее содержание.

В продолжение февраля 1912 года ажиотаж вокруг фигуры Распутина не только не утих, но и приобрел более значительные масштабы. В современной

³²⁰ Дневники императора Николая II (1894 – 1918): в 2 т. Т. 2. М., 2013. С. 640.

³²¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. С. 33.

³²² Там же.

³²³ Дневники императора Николая II. С. 640.

³²⁴ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 33.

историографии существуют мнения о связи распутинской истории с предвыборной борьбой, от чего наибольшую выгоду получили октябристы. Вряд ли можно считать случайным, что именно Гучков был наиболее активным инициатором запроса в Думу касательно публикаций о Распутине, и что именно в его газете были помещены эти публикации. Можно предположить, что распутинская тема стала для лидера октябристов своего рода «предвыборной войной», на что он недвусмысленно намекает в письме к брату: «Есть надежда, что с Распутиным и всей его эрой можно покончить, но при условии ne pas demordre. Будь добр насесть на Новоселова Михаила Александровича, чтобы он безотлагательно исполнил мою просьбу – или приехал в Петербург сделать сообщение, или дать материал (по возможности, целую записку), которую можно было бы передать тому, от кого все зависит. Родзянко обещает взять это на себя. Убеди Новоселова»³²⁵. Решительный тон письма на фоне текущей внутриполитической ситуации может указывать на твердое стремление Гучкова «доиграть» историю с публикациями о Распутине до конца. В подобном ключе составлены и последующие письма лидера октябристов к брату: «Вожусь с Гришкой Р[аспутиным]. От этого дела не отвяжусь. Уж очень большие гнусности раскрываются. Неужели наверху не понимают, какую опасную игру играют»³²⁶.

Имя А.А. Макарова упоминается в переписке братьев Гучковых в связи с возможным ответом правительства на запрос депутатов Думы от 25 января 1912 года. Особый интерес представляет характеристика министра внутренних дел, из которой ясно, что Гучковы не рассматривают его в качестве серьезного оппонента: «Я имею сведения, что министр внутренних дел будет отвечать на Ваш запрос, указывая, что газеты арестованы не за Распутина, а за оскорбление Синода. Но как объяснит он предшествовавший аресту факт воздействия администрации на редакции газет? Думаю, запутается он на таком

³²⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 221.

³²⁶ Там же. С. 223.

объяснении»³²⁷. Возможно, в подобном ключе оценивал положение Макарова и Джунковский, впоследствии в мемуарах упоминая о «малодушии высших правительственных сфер в этом болезненном для России и для всех любящих свою Родину вопросе, благодаря чему “Распутиниада” росла, захватывая все большие и большие круги»³²⁸.

Действительно, тема «сибирского старца» стала одной из наиболее обсуждаемых в общественных кругах, и любое свидетельство о сомнительном поведении Распутина и даже слухи об этом, могли породить очередные скандальные публикации в прессе. Подтверждением тому служит повторный арест тиража газеты «Голос Москвы», произведенный 15 февраля после выхода статьи «Исповедь одной жертвы» об изнасиловании одной неназванной особы³²⁹. На следующий день в газете вышел комментарий под названием «Неприкосновенность личности», где сообщалось о конфискации тиража предыдущего номера и высказывалось, что «упоминание в печати его [Распутина] имени немедленно приводит в движение сложный и громоздкий механизм административной и судебной машины. Такой оберегающей заботливости властей мог бы позавидовать и сам председатель Совета министров»³³⁰. В конце статьи публицист сделал любопытное замечание: «Остается ждать отмены неписанного закона о неприкосновенности Распутинской личности»³³¹.

В источниках не отражены сведения о реакции самого А.И. Гучкова на очередной арест его газеты, однако сохранилось письмо его брата Федора, которое выглядит достаточно спокойным и даже оптимистичным: «Сегодня «Голос Москвы» опять арестован за фельетон «Исповедь жертвы Распутина». Из этой исповеди тщательно исключено все слишком откровенное. Ясно, что дело здесь не в порнографии, а в Распутине. Нам, конечно, это только на руку

³²⁷ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 223.

³²⁸ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 628.

³²⁹ Исповедь одной жертвы. Голос Москвы, 15 февраля 1912 г.

³³⁰ Неприкосновенность личности. Голос Москвы, 16 февраля 1912 г.

³³¹ Там же.

при запросе. Пусть теперь ссылаются на оскорбления Синода!»³³². Такую реакцию можно объяснить тем, что Гучков вряд ли бы решился поместить в газете столь провокационную публикацию, не просчитывая возможные последствия, из которых арест будущего тиража газеты виделся наиболее вероятным.

Представляется очевидным, что очередной всплеск интереса к «распутинским похождениям» определил в общественном мнении две главные темы на ближайший месяц: возможный отъезд Распутина из Петербурга и вероятная отставка министра внутренних дел Макарова. Что касается первой темы, то уже 18 февраля «Речь» сообщала о посещении Распутиным Коковцова двумя днями ранее. «Передают, что Коковцов остался доволен Распутиным» – утверждалось в заметке³³³. На следующий день «Голос Москвы» повторил новость о посещении Распутиным премьер-министра, где первый провел более двух часов. Говорилось также о его отъезде в Сибирь «для приведения своих дел в порядок»³³⁴. Стоит отметить, что газете эта поездка представлялась заранее спланированной и «мнимой». Утверждалось, что Распутин является орудием некоего плана, задуманного «одним небезызвестным титулованным лицом»³³⁵. Тем не менее 22 февраля в газете появились сообщения об отъезде Распутина на родину, в Сибирь, однако, указывалось на его возможное скорое возвращение³³⁶. Вместе с тем возникли слухи о повторном запросе в Государственной думе по личности Распутина и его «безстыдных действиях», инициатором которого называли В.Н. Львова – депутата от фракции октябристов³³⁷.

³³² Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 225.

³³³ Речь, 18 февраля 1912 г.

³³⁴ Григорий Распутин // Голос Москвы, 19 февраля 1912 г.

³³⁵ Отъезд Распутина // Голос Москвы. 21 февраля 1912 г.

³³⁶ Запрос о Гр. Распутине // Голос Москвы, 22 февраля 1912 г.

³³⁷ Запрос о Гр. Распутине // Голос Москвы, 22 февраля 1912 г.

§3. Появление слухов об отставке А.А. Макарова

В конце февраля 1912 года на страницах «Голоса Москвы» обсуждался не только возможный отъезд Распутина из Петербурга, но и вероятный запрос в Думе, который мог касаться уже не конфискации газет, но самих действий «сибирского старца». В связи с этим в печати также появились слухи о скорой отставке А.А. Макарова. Любопытное сообщение по этому поводу разместил все тот же «Голос Москвы»: «И думские партии, и все русское общество ждут того дня, когда на кафедру поднимется г. министр внутренних дел и доложит Г. Думе свои объяснения действий правительства»³³⁸. Утверждалось, что Макарова ждет провал, его положение «кажется всем страшно трудным, тяжелым и щекотливым». Далее публицист обозначил ожидания от будущего разъяснения представителя министра, коим, очевидно, будет министр внутренних дел. «Во имя спокойствия страны, во имя чести России, и во имя достоинства объединенного правительства, мы желали бы, чтобы его представитель, входя на трибуну, имел право сказать, что Распутин и его ближайшие агенты уже лишены возможности нарушать спокойное течение государственной жизни, и что России уже нет больше основания опасаться с их стороны нового повторения подстрекательств к нарушению законов. Только начавши речь с такого заявления, министр может быть сочувственно выслушан Г. Думой»³³⁹.

Одним из наиболее вероятных кандидатов на пост министра внутренних дел считался черниговский губернатор Н.А. Маклаков, который, по мнению современников, был полной противоположностью Макарову. «В сущности, Маклаков напоминал не столько провинциального администратора, сколько известный тип состоящего при таком администраторе чиновника по особым поручениям» – вспоминал В.И. Гурко³⁴⁰. Слухи о возможном назначении не замедлили дойти и до самого Маклакова, который упоминал об этом в письме

³³⁸ Москва, 29 февраля // Голос Москвы. 29 февраля 1912 г.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 996.

к своей супруге: «Безак открыто говорил, что Балашев и целая уйма националистов выставляет меня как кандидата в министры внутренних дел, и, если уйдет Макаров, Балашев предпримет все, чтобы выбор Государя остановился на мне...»³⁴¹. Нет возможности оценить истинное отношение Маклакова к своему возможному переводу в столицу, однако, вероятнее всего, он считал новое назначение вполне осуществимым.

Любые слухи имеют не только причины возникновения, но и зачастую требуют аргументации, дабы общество было способно их принять и дать им дальнейшее развитие. В случае с известием о возможной отставке Макарова в общественно-политических кругах распространялись сообщения о том, что министр внутренних дел сам плетет интриги против своих соратников по Совету министров. Генеральша А.В. Богданович в одной из своих дневниковых записей сообщала следующее: «Щегловитова очень критически относится к Макарову, признает его вредным министром, ухаживающим за Коковцовым, с которым вместе стараются свергнуть ее мужа. По приказу Макарова Золотарев пишет статьи в “Речь” против Щегловитова»³⁴². Нередко главу МВД сравнивали с его предшественником П.А. Столыпиным, причем явно в пользу последнего. В одной из своих статей М.О. Меншиков проводил явные нападки на Макарова, вспоминая при этом Столыпина исключительно в хвалебных тонах³⁴³.

Слухи о грядущей отставке Макарова имели широкое распространение в обществе вплоть до середины марта 1912 года. Их ослабление может быть связано с отъездом самого министра в отпуск, на что «Голос Москвы» отреагировал следующим образом: «Сегодня говорят, что получаемый отпуск является концом его министерской деятельности и из отпуска на свой пост Макаров уже не вернется»³⁴⁴. На следующий день публицист газеты обозначил

³⁴¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 227.

³⁴² РГИА. Ф.1620. Оп.1. Д.455. Л.8.

³⁴³ Белая ворона // Новое время, 28 февраля 1912 г.

³⁴⁴ Голос Москвы, 15 марта 1912 г.

еще одну возможную кандидатуру на пост министра внутренних дел – речь в данном случае шла о С.Е. Крыжановском. В качестве главного аргумента приводилась его опытность в ведении избирательной кампании. «В смысле знания техники выборов Крыжановский считается незаменимым» – утверждал публицист³⁴⁵. Что интересно, в других периодических изданиях в это время отсутствуют какие-либо упоминания о возможной отставке Макарова и о предполагаемых кандидатах на его место, что свидетельствует о целенаправленном распускании подобных слухов в октябристской прессе. С отъездом государя, министра внутренних дел и Григория Распутина из Петербурга «Голос Москвы» лишился почвы для новых слухов, а Гучков переключился на другие направления своей политической деятельности, в частности, препятствовал принятию законопроекта о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского.

Таким образом, газетная кампания против Распутина и верховной власти завершилась так же стремительно, как и была запущена ранее. В апреле 1912 года широкий общественный резонанс вызвали события на Ленских золотых приисках. Министру внутренних дел пришлось в спешном порядке отвечать на думский запрос с целью успокоения общественности, однако его разъяснения оказались неубедительными, что вызвало новую волну критики в его адрес. Распутинская тема на время покинула страницы периодических изданий и не привела к незамедлительной отставке А.А. Макарова, но, тем не менее, существенно подпортила репутацию министра в общественно-политических кругах. Можно также предположить, что Николай II в определенной мере разочаровался в Макарове, поскольку газетная кампания против Распутина коснулась частной жизни его семьи, а Макаров, в свою очередь, не смог исполнить просьбу императора прекратить публикацию материалов о «сибирском старце». Представляется вполне вероятным, что государь мог планировать замену Макарова уже весной 1912 года, однако, осуществлению

³⁴⁵ Там же. 16 марта 1912 г.

этого намерения могли помешать как события на Ленских приисках, так и отсутствие готового кандидата на пост главы МВД. Кроме того, император мог не решиться менять одного из ключевых министров накануне выборов в IV Государственную думу. В конечном итоге А.А. Макаров сохранил свой пост до декабря 1912 года, когда его прошение об отставке было без промедления удовлетворено государем.

Глава 4. А.А. Макаров и ленские события.

Газетная кампания против Григория Распутина весной 1912 г. постепенно исчезла из внутривластной повестки. Министр внутренних дел получил небольшую передышку после столь неприятного для своей политической карьеры скандала. Это позволило А.А. Макарову покинуть Петербург для непродолжительного отдыха и поправки здоровья. Он и ранее периодически выезжал из столицы и направлялся в Крым, где проводил по нескольку дней и даже недель. Пресса и другие источники не сообщают нам конкретных сведений о причинах частых отъездов Макарова из столицы, наиболее вероятным представляется предположение, что министр имел проблемы со здоровьем и пользовался лечебным морским воздухом для его поправки. Так или иначе, в марте 1912 года А.А. Макаров в очередной раз отбыл в Ялту, дабы провести несколько дней вдали от столичной суеты и министерских кабинетов. Однако, именно в этот момент на другом конце огромной империи разыгрались события, которые впоследствии нанесут значительный урон карьере А.А. Макарова и самым непосредственным образом подорвут его репутацию в общественно-политических кругах.

§1. Забастовка рабочих на Ленских золотопромышленных приисках.

В конце февраля 1912 года в глухой сибирской тайге за тысячи верст от столицы империи на золотых приисках в районе р. Лены началась забастовка рабочих. Казалось бы, какое значение может иметь неповиновение рабочих, нарушившее работу нескольких золотых приисков на внутреннее положение в стране? Да и кто бы стал обращать внимание на столь незначительный инцидент? Вполне справедливое замечание было оставлено на страницах «Вестника Европы»: «Ленская забастовка не возбудила вначале ни особого интереса, ни какого-либо беспокойства. Где-то в глухой тайге рабочие, изнуренные тяжелыми условиями труда, предъявили скромные требования об улучшении положения»³⁴⁶. Однако события на Ленских приисках не только

³⁴⁶ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1912. №5. С. 393

отозвались по всей стране, но и в недалекой перспективе оказали существенное влияние на политическую биографию одного из ключевых министров кабинета В.Н. Коковцова.

Как известно, золотопромышленность пользовалась широкой поддержкой со стороны царского правительства по причине того, что способствовала увеличению золотой наличности и сохранению золотого обращения³⁴⁷. Для увеличения добычи золота власть покровительствовала созданию крупных золотопромышленных предприятий, что впоследствии привело к созданию монополий. Одной из таких монополий являлось акционерное общество «Ленское золотопромышленное товарищество», преобразованное в 1896 году из паевого товарищества его владельцем – бароном Горацием Гинцбургом³⁴⁸. После его смерти в 1909 году предприятие возглавил его сын Александр. Путем различных сделок и покупок золотоносных районов и приисков к 1912 году Ленское товарищество стало фактическим властелином огромного района в сибирской тайге³⁴⁹. По мнению К.Ф. Шацлло, сила и влияние товарищества в округе, помимо чисто экономических причин многократно усиливались необычным составом его акционеров, среди которых в 1912 году были императрица Мария Федоровна, граф С.Ю. Витте, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев³⁵⁰. Понятно, что это обстоятельство, как утверждает исследователь, повлекло за собой безоговорочную поддержку со стороны власти любых мер товарищества по отношению к рабочим приисков³⁵¹. Необходимо отметить, что рабочие содержались в весьма тяжелых условиях, о чем упоминает даже С.С. Ольденбург: «Там в тяжелых природных и материальных условиях (прииски на несколько месяцев в году бывали отрезаны от сообщения с внешним миром)

³⁴⁷ *Шацлло К.Ф.* Ленский расстрел и царское правительство (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // *Большевистская печать и рабочий класс в России в годы революционного подъема (1910 – 1914)*. М., 1965. С.367.

³⁴⁸ *Мунгалов Н.Н.* Ленский расстрел 1912 г.: исторический очерк. Иркутск, 2009. С. 34.

³⁴⁹ Там же. С.57.

³⁵⁰ *Шацлло К.Ф.* Ленский расстрел и царское правительство. С. 368.

³⁵¹ Там же.

несколько тысяч рабочих занимались добыванием золота»³⁵². «Что особенно действует деморализующе» – писал А. Невский – «это пребывание в одной казарме женатых с семьями и холостых. Почти у каждой семьи ютится под своеобразным наименованием “сынка” нахлебник <...> Иногда уживаются и два сына. Совместные пирушки и вся грязь, связанная с ними, проходят на глазах детей»³⁵³. Наиболее емкую характеристику положения рабочих пытается предложить К.Ф. Шацилло, приводя в своем труде слова иркутского губернатора: «Край этот действительно был заброшен и отдан правительством в полное владение Ленскому товариществу. <...> Когда-то золото добывалось трудом каторжников; в период забастовки условия труда и быта рабочих мало чем отличались от тех порядков, которые существовали во времена работ каторжников»³⁵⁴.

Итак, в конце февраля 1912 года рабочие, пребывающие в весьма тяжелых условиях, решились проявить свое недовольство посредством забастовки. 28 февраля выступили рабочие Андреевского прииска, вскоре к ним присоединились рабочие почти всех приисков Ленского товарищества³⁵⁵. В советской историографии было принято выделять в забастовке два этапа: первый характеризовался существенными расхождениями между центральной властью в Петербурге и местной администрацией в тактике борьбы с забастовкой³⁵⁶. Это объясняется во многом тем, что губернские власти должны были лучше знать о ситуации на приисках, нежели власть в Петербурге. На данном этапе забастовка рабочих носила явно экономический характер, что было признано и властью в столице³⁵⁷. Однако, чем дольше продолжалась забастовка, тем меньше оставалось надежд на ее мирное завершение и возвращение рабочих к своим обязанностям. Спустя неделю после начала

³⁵² *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 2016. С.461.

³⁵³ *Невский А.* Ленские события и их причины. СПб, 1912. С.47.

³⁵⁴ *Шацилло К.Ф.* Ленский расстрел и царское правительство. С. 370.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же.

беспорядков, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев направил телеграмму на имя командующего войсками Иркутского округа, в которой поинтересовался, возможно ли усилить воинскую команду в районе Ленских приисков³⁵⁸. 8 марта иркутский губернатор Ф.Н. Бантыш получил телеграмму от горного инженера П.Н. Александрова: «...Находим необходимым немедленную присылку на прииски из Киренска роты, в крайнем случае не менее ста [солдат]. Лензото просит выдворить из приисков отказавшихся работать, чего при наличных силах выполнить невозможно»³⁵⁹. Спустя неделю губернатор докладывал в департамент полиции, что к 140 солдатам военной команды, находящимся в Бодайбо, командированы еще 75 человек, однако, резервов более не имелось, и следующий ближайший пункт стоянки войск находился в Иркутске, за 1800 верст от приисков³⁶⁰. 21 марта 1912 года в министерстве торговли и промышленности состоялось особое совещание. Его итоги в письме в министерство внутренних дел кратко изложил С.И. Тимашев³⁶¹, в котором признавал невозможность уступок рабочим и отрицал вину Ленского товарищества в возникновении забастовки. В министерстве внутренних дел полностью поддержали точку зрения Тимашева³⁶². С этого момента в историографии принято отсчитывать начало второго этапа ленских событий и их переход в «горячую» фазу.

Министр внутренних дел Макаров, как уже было отмечено, в это время находился в Ялте, однако пристально следил за ситуацией, посредством телеграмм от своего заместителя Золотарева и лично принимал наиболее ответственные решения. В то же время в прессе ходили слухи о его отставке: «Слухи об уходе А.А. Макарова все упорнее циркулируют. Преемником называли С.Е. Крыжановского. <...> В.Н. Коковцов в ответ на это заявил, что

³⁵⁸ Ленские прииски. Сборник документов / под ред. П. Поспелова. М., 1937. С. 277.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же. С. 280.

³⁶¹ Тимашев Сергей Иванович (1858 – 1920) – государственный деятель, действительный тайный советник. В 1909 – 1915 гг. – министр торговли и промышленности. Член Государственного совета (с 1911 г.).

³⁶² *Шаццло К.Ф.* Указ. соч. С. 370.

уход А.А. Макарова вовсе не предполагается и что он остается на посту...»³⁶³.

В начале апреля министр внутренних дел готовился прибыть в Петербург и вновь приступить к исполнению своих обязанностей. Однако, именно в это время ситуация на Ленских приисках приобрела резкий, но вместе с тем, довольно ожидаемый поворот.

30 марта директор департамента полиции С.П. Белецкий направил телеграмму начальнику Иркутского губернского жандармского управления с предложением немедленно ликвидировать стачечный комитет и поручить это дело ротмистру Трещенкову³⁶⁴. На следующий день ротмистр был назначен начальником полиции всего приискового района³⁶⁵. В ночь на 4 апреля члены стачечного комитета были арестованы, некоторым из них удалось бежать ввиду не самой слаженной работы местной полиции, которая не до конца представляла себе реальный состав комитета³⁶⁶. Задержанные были отправлены в Бодайбо. На следующее утро ротмистр Трещенков отправил с Александровского прииска телеграмму начальнику Иркутского жандармского управления: «Доношу: сегодня утром рабочие Александровского прииска, собравшись более тысячи к полицейскому дому, вели себя крайне вызывающе, требуя выдачи продовольствия для жен, детей. Прибыв немедленно, силами полиции разогнал собравшихся, причем, расходясь, рабочие угрожали разнести магазин. Три часа дня прибыл на прииск совместно с Тульчинским и воинской командой, благодаря последней настроение рабочих изменилось. Сегодня провожу обыски, аресты»³⁶⁷. Из данной телеграммы совершенно невозможно понять, каким образом рабочие были остановлены и разошлись. Очевидно, что ротмистр пытался скрыть реальную картину событий, имевших место на приисках 4 апреля. Свидетельства рабочих приисков, напротив, указывали на преднамеренный расстрел: «Было уже около 4 часов, когда мы

³⁶³ Речь, 23 марта (5 апреля) 1912 г.

³⁶⁴ Ленские прииски. Сборник документов / под ред. П. Поспелова. М., 1937 С. 291.

³⁶⁵ Невский А. Ленские события и их причины. С. 62.

³⁶⁶ Мунгалов Н.Н. Ленский расстрел 1912 г. С. 115.

³⁶⁷ Ленские прииски. Сборник документов / под ред. П. Поспелова. М., 1937. С. 293.

вошли в узкое дефиле. По правую сторону у нас была изгородь, а далее обрыв в реку Бодайбо, а по левую сторону – штабеля шахтового леса. До Народного дома, где стояли солдаты, оставалось не более 200 – 250 шагов. Солдаты под командой офицеров Санжаренко и Лепина были выстроены поперек дороги, правым флангом упираясь в железную дорогу, а левым – в Народный дом. Правей же солдат, по диагонали между солдатами и железной дорогой, находились стражники, в задачу коих входило взять рабочих под фланговый огонь. Одним словом, нас, безоружных, расстреливали по всем правилам военной стратегии и тактики»³⁶⁸.

Достаточно подробное описание событий было опубликовано спустя несколько дней в газете «Голос Москвы»: «Рабочие, взволнованные арестом главарей в предыдущую ночь, не пожелали обсуждать предложения товарищества. Требования выселения и прекращение выдачи продуктов усилило волнение. 3000 человек с Нижних приисков двинулись к народному дому, намереваясь соединиться с 2000 человек с Феодосийского прииска. В народном доме находились администрация приисков, окружный инженер Тульчинский, иркутские товарищ прокурора, жандармский ротмистр Трещенков и 110 нижних чинов с двумя офицерами. При приближении толпы, солдаты были выведены и выстроены наперерез. Во избежание столкновения, Трещенков послал стражника с требованием остановиться или свернуть, грозя огнем. Предвидя неуспех стражника, Тульчинский бросился навстречу, умоляя свернуть толпу, подошедшую на 160 шагов. Несмотря на готовность первых рядов повиноваться, задние надавили, и расстояние дошло до 106 шагов. Раздался залп. Толпа вместе с Тульчинским прилегла к земле. Тульчинский, поднявшись, оказался среди убитых и раненых»³⁶⁹. «Гражданин», раскрывая подробности случившегося, приводил конкретные цифры: «Все меры к успокоению рабочих оказались бесплодными, и толпа, возросши уже до 1000

³⁶⁸ Ленские прииски. Сборник документов / под ред. П. Поспелова. М., 1937. С. 296.

³⁶⁹ Голос Москвы, 10(23) апреля 1912 г.

человек, отправилась к месту расположения воинской части, куда прибыла около 5:30 дня. Несмотря на сделанные предупреждения и сигналы, толпа, вооруженная кольями, кирпичами и камнями, стала угрожающе надвигаться на воинскую часть, которая была вынуждена дать несколько залпов. При этом, по донесению окружного инженера, убито 107 и ранено 83 рабочих. По последним данным, на Ленских приисках убито 107 человек, ранено тяжело 83, из которых скончалось 40, и менее опасно раненых 150 человек»³⁷⁰. В свою очередь «Вестник Европы» восклицал: «Ужасное побоище настолько невероятно, чудовищно и непонятно, что пред ним немеет душа и опускаются беспомощно руки»³⁷¹. Таким образом, затянувшаяся забастовка рабочих золотых приисков подошла к своему логическому финалу – кровавой развязке, спровоцированной действиями многочисленной толпы. Министр внутренних дел Макаров узнал о событиях на приисках только на следующий день – товарищ министра Золотарев телеграфировал в Ялту, что иркутский губернатор уже имел разговор с премьер-министром В.Н. Коковцовым и С.И. Тимашевым по поводу ленского расстрела³⁷².

Каким образом отреагировали на это трагическое событие общественность и политические круги? Надо сказать, что первые сообщения в периодической печати о событиях на Ленских золотопромышленных приисках появились лишь 6 апреля. Первой газетой, поместившей информацию об этих событиях, стало «Новое время». В номере от 6 апреля 1912 года сообщались некоторые подробности дела: «Несмотря на сделанные предупреждения и сигналы, толпа, вооруженная кольями, кирпичами и камнями, стала угрожающе надвигаться на воинскую часть, которая вынуждена была дать несколько залпов»³⁷³. Далее, со ссылкой на донесение окружного инженера, сообщалось о 107 убитых и 83 раненых рабочих³⁷⁴.

³⁷⁰ На ленских приисках // Гражданин. 1912. №14. С.8.

³⁷¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1912. №5. С.399.

³⁷² Шацillo К.Ф. Ленский расстрел и царское правительство. С.385.

³⁷³ Новое время, 6(19) апреля 1912 г.

³⁷⁴ Там же.

В тот же день на ленские события отозвались «Биржевые ведомости». В этом же номере от 6 апреля была опубликована небольшая заметка, в которой можно обнаружить первые отклики и впечатления от расстрела на Ленских приисках: «Кошмарная катастрофа на Ленских приисках объединила политические партии в чувстве глубокого негодования. <...> Представители оппозиции считают необходимым начать обсуждение запросов, ибо их будет несколько, не в 4 часа дня в понедельник, 9-го апреля, а с момента открытия заседания, так как не хватит спокойствия заниматься до того посторонними делами»³⁷⁵. Сообщалось также, что бюро фракции «Союз 17 октября» собирается внести самостоятельный запрос, для чего будет созвано экстренное совещание³⁷⁶, разработка запроса была поручена Антонову³⁷⁷ и Шидловскому³⁷⁸. Что касается кадетов, то «Биржевые ведомости» сообщали следующее: «Кадеты вносят самостоятельный запрос, разработка которого поручена Некрасову³⁷⁹ и Аджемову³⁸⁰. Сегодня состоится последнее совещание, которое утвердит текст запроса»³⁸¹. Тем самым, представляется очевидным, что одни из наиболее влиятельных думских фракций были настолько взбудоражены событиями на Лене, что в спешном порядке стали готовить запросы правительству.

Однако вполне справедливым может показаться вопрос: почему именно «Биржевые ведомости» выступили в качестве наиболее оперативного и осведомленного печатного органа в освещении и оценке ленских событий? Интересное мнение высказал немецкий историк М. Хаген, указавший на то, что

³⁷⁵ Биржевые ведомости, 6(19) апреля 1912 г.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Антонов Николай Иванович (1859 – 1938 гг.) – действительный статский советник, член III и IV Государственной думы. Октябрист, председатель фракции в 1911 – 1913 гг.

³⁷⁸ Шидловский Сергей Илиодорович (1861 – 1922) – действительный статский советник, крупный землевладелец, член III и IV Государственной думы. Октябрист.

³⁷⁹ Некрасов Николай Виссарионович (1879 – 1940) – надворный советник, инженер, профессор, депутат III и IV государственной думы. Член ЦК кадетской партии.

³⁸⁰ Аджемов Моисей Сергеевич (1878 – 1950) – адвокат, депутат II – IV Думы, кадет, член ЦК (с 1916 г.).

³⁸¹ Биржевые ведомости, 6(19) апреля 1912.

администрация Ленского золотопромышленного товарищества сама способствовала скорейшему распространению телеграфной корреспонденции, поскольку ее представители еще в ночь на 5 апреля по телеграфу уведомили о случившемся правление в Петербурге³⁸². Уже на следующее утро информация о ленских событиях появилась в «Биржевых ведомостях». Хаген объясняет это обстоятельство тем, что сам руководитель товарищества барон Гинцбург передал известие в вышеуказанную петербургскую газету, которая достаточно отчетливо выступала с критикой правительства, находясь при этом под несомненным влиянием финансовой и промышленной элиты³⁸³.

На следующий день печать ответила шквалом эмоций³⁸⁴. Октябристский «Голос Москвы», используя всевозможные эпитеты и сгущая краски, в мрачных тонах сообщал о случившемся: «На Ленских золотых приисках разыгралась кровавая трагедия, стоившая свыше ста человеческих жизней. Леденящий ужас охватывает душу при чтении подробностей этой бойни, явившейся ошеломляющей неожиданностью для огромного большинства русского общества»³⁸⁵. При этом публицист в данной статье ставит вполне конкретный вопрос: «Кто знал хоть что-нибудь определенное о драме, назревавшей в глухой тайге?» Постановка данного вопроса, да еще и в такой формулировке вполне объяснима, если обратить внимание на то, что следует в статье дальше, а именно – попытка снять большую часть ответственности за ленские события с центральной власти. Данное утверждение легко подтверждается следующими словами октябристского публициста: «Было ли известно правительству? Мы хотим верить, хотим надеяться, что и правительству не были известны все подробности названной драмы, – иначе нельзя себе представить допущения ее до тех пределов, которые официальное

³⁸² Хаген М. Ленский расстрел 1912 года и российская общественность // Отечественная история. 2002. №2. С.61 – 76. С. 61.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России. С. 179.

³⁸⁵ Кровавый ужас // Голос Москвы, 7(20) апреля 1912 г.

сообщение мягко характеризует: «положение значительно обострилось»³⁸⁶. Таким образом, октябристы вполне резонно заявляют, что власть вполне могла и не знать всех обстоятельств сложившейся в марте – начале апреля 1912 года ситуации на Ленских золотопромышленных приисках. Следовательно, по их версии, власть не догадывалась о степени серьезности конфликта между рабочими и Ленским товариществом. На кого возложить ответственность за такое количество жертв? – именно на это октябристы пытались обратить внимание общественности. «Справедливы или не справедливы были требования забастовщиков – это уже вопрос иной, и после совершившегося кровавого события он отходит на второстепенный план. На первую очередь выдвигается вопрос о виновниках происшедшего и их ответственности» – прямо заявляет публицист во все той же статье под названием «Кровавый ужас»³⁸⁷. Однако, раз правительство не было осведомлено о реальном характере происходящих на Лене событий, то, по мнению октябристов, это возлагает на него следующую обязанность: «принять самые неотложные меры к всестороннему расследованию дела и широко оповестить об этом общество»³⁸⁸. Поиск реальных виновных в гибели рабочих – главный лейтмотив октябристской риторики в первые дни после трагедии. Надо сказать, что в этом они отнюдь не оригинальны, однако, об этом ниже.

Любопытное замечание «Голос Москвы» делает в отношении действий воинской команды, которая, собственно, и сделала выстрелы по надвигавшейся толпе рабочих. «Когда совокупность всех распоряжений власти, от бездействия до превышения включительно, привела рабочих к безумному решению проявить насилие – местная администрация умыла руки и выдвинула военную силу. Что могла сделать крошечная воинская часть, на которую угрожающе двинулась многотысячная толпа? Только стрелять. Дело шло уже не о подавлении бунта, а о самозащите» – расставляет все точки над

³⁸⁶ Кровавый ужас // Голос Москвы, 7(20) апреля 1912 г.

³⁸⁷ Голос Москвы, 7 апреля 1912 г.

³⁸⁸ Там же.

«i» неуказанный октябристский публицист³⁸⁹. Таким образом, налицо очевидное оправдание действий военных, обозначенное словом «самооборона».

Если говорить о количестве погибших и пострадавших, то «Голос Москвы» приводит следующие данные, ссылаясь на правление Ленского золотопромышленного товарищества: «От главноуправляющего на Ленских приисках Тэфана получена следующая телеграмма: Убито 107 человек, тяжело ранено 87, число легко раненых не установлено, но не менее 150. Из тяжело раненых умерло более 40 человек»³⁹⁰. Данные цифры нельзя назвать завышенными, что легко объяснить, поскольку октябристы, судя по предыдущим публикациям, не были очень заинтересованы в излишнем «раздувании» ситуации, поскольку в некоторой степени оправдывают неосведомленность правительства и действия военной команды.

Не менее впечатляющие возгласы звучали из «уст» кадетской печати. «Кровавые события в сибирской тайге вызывают в политических кругах большое волнение» – отзывались «Русские ведомости»³⁹¹. Они писали: «Приостановка работ в сибирской тайге, где она никому и ничему, кроме интересов владельцев приисков не угрожала, вызывает кровавую расправу и сопровождается ужасной катастрофой»³⁹². Интересно, что газета делает поправку на то, что сведений пока очень мало и причина расстрела рабочих остается невыясненной³⁹³. Необходимо также отметить, что «Русские ведомости» сравнивали поведение британского и российского правительств при забастовках, отмечая склонность британского кабинета к выработке определенной стратегии, а российского – лишь к репрессивным мерам³⁹⁴. В Петербурге с небывалым энтузиазмом нагнетала обстановку «Речь»: «... к

³⁸⁹ Голос Москвы, 7(20) апреля 1912 г.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Русские ведомости, 7(20) апреля 1912 г.

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России. С. 179.

величайшему сожалению, опасения, высказанные в напечатанных корреспонденциях, оправдались в самой ужасающей степени. <...> Официозная телеграмма гласит, что во время происшедшего между рабочими и войсками столкновения убито и ранено около 200 человек. Эта телеграмма получает тем более грозный характер, что, по словам представителей товарищества, у него нет определенных сведений»³⁹⁵. Как мы видим, ясной позиции по поводу ленских событий у кадетов еще нет – это вполне объяснимо, поскольку времени с расстрела прошло очень мало, к тому же сведений о трагедии на тот момент было недостаточно, как казалось многим. Однако, как справедливо замечает М. Хаген, для «Речи» степень собственной информированности о событиях представлялась достаточной, чтобы вынести нелицеприятный приговор³⁹⁶. Однако, та же «Речь» сомневается в том, что власть была недостаточно осведомлена о ситуации на приисках: «Но в таком случае как объяснить подобный образ действий, и чем можно оправдать ту беспечность, которая была обнаружена по отношению к известиям о беспокойном положении дел на приисках товарищества. Это тем более странно, что, по-видимому, центральная власть внимательно следила за происходящим на приисках и стояла настолько в курсе событий, что вчера же имела возможность сообщить все детали тяжелой драмы»³⁹⁷.

В последующие дни кадетская печать пестрила различными сведениями, связанными с событиями на приисках. «Речь» сообщала, что директор распорядитель Ленского товарищества барон А.Г. Гинцбург имел 6 апреля беседу с министром торговли и промышленности С.И. Тимашевым по поводу последних событий на приисках. Министр сообщил барону о решении направить на прииски специальную комиссию для расследования обстоятельств трагедии, однако эта комиссия планирует прибыть на место не

³⁹⁵ Речь, 7(20) апреля 1912 г.

³⁹⁶ Хаген М. Ленский расстрел 1912 года и российская общественность. С. 62.

³⁹⁷ Речь, 7(20) апреля 1912 г.

раньше начала мая³⁹⁸. «Русские ведомости» неустанно передавали информацию о настроениях в политических кругах. «Депутаты продолжают волноваться по поводу событий на Ленских приисках» – писали они³⁹⁹. Газета сообщала, что некоторые из депутатов обратились по телеграфу с запросом о причинах, вызвавших расстрел рабочих и о положении дела на приисках⁴⁰⁰. Кроме того, решило выступить со своим самостоятельным запросом и бюро фракции октябристов⁴⁰¹. Не забыли в газете упомянуть и о встрече Гинцбурга с Тимашевым, уточнив при этом, что собеседники коснулись темы предстоящих запросов в Государственной Думе⁴⁰². «Вестник Европы» как бы собрал воедино все впечатления и отклики кадетской прессы в первые дни после трагедии и выдал поистине впечатляющий по своей экспрессии материал. «Ужасный случай на Ленских приисках произвел на всю Россию, поистине, потрясающее впечатление» – писал И. Жилкин в традиционной рубрике «Провинциальное обозрение»⁴⁰³. «Жаловались за последние годы на общественную спячку, вялость, притупленную неотзывчивость, и вот как бы внезапный ураган потряс мертвый штиль русской жизни. Свирепый удар, которым стегнула судьба по общественной совести, прохватил настолько глубоко заскорузлую кору <...> ленские рабочие сделались жертвой того океана бесправия, который разлился от границ до границ российского государства и заполнил шестую часть земного шара»⁴⁰⁴. Подводя итог, автор утверждал следующее: «ленское событие вновь разбередило современный болезненный вопрос: в чем же сказалось изменение с тех пор, как на страну пал “конституционный” туман?». А вот как забрезжило конституционное утро и за клубились кроваво-мутные туманы, все спуталось. Утерлось различие

³⁹⁸ Речь, 7(20) апреля 1912 г.

³⁹⁹ Русские ведомости, 8(21) апреля 1912 г.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Жилкин И. Хроника. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1912. №5. С. 391.

⁴⁰⁴ Там же.

между тем, что “можно” и чего “нельзя”»⁴⁰⁵. Таким образом, говоря о реакции кадетов на сообщения о ленских событиях, можно выделить несколько тенденций, выразившихся в публикациях в периодической печати. Во-первых, шквал критики в отношении руководства приисков, действовавших тупыми репрессивными методами в отношении рабочих. Во-вторых, критика власти, которая, по мнению кадетов, могла знать о ситуации, однако не предпринимала почти никаких действий. Выпады в сторону власти не так ярко выражены в публикациях, однако достаточно хорошо прослеживаются. В-третьих, в первые дни, до появления запроса, у кадетов отсутствовала четко сформулированная позиция в отношении ленских событий. Огромное количество эмоций, выкриков и восклицаний можно было «услышать» со страниц печатных изданий.

Консервативные печатные издания были более сдержанны в оценках ленских событий, однако и здесь не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Значительная часть консерваторов стремилась к тому, чтобы создать впечатление глубокой озабоченности рабочим вопросом, продемонстрировать намерение защитить труд от посягательства капитала. Показательна в этом отношении реакция консервативной прессы на ленские события весной 1912 года. Многие издания увидели их первопричину в действиях руководства Ленского товарищества⁴⁰⁶. Одна из крупнейших газет консервативного направления «Московские ведомости» в номере от 7 апреля 1912 года поместило подробное описание событий на Ленских приисках. «Положение дел в Ленском золотопромышленном районе, где, как известно, в конце февраля началась забастовка рабочих, в последнее время значительно обострилась» – писали они⁴⁰⁷. В свою очередь «Новое время» отмечает еще одно обстоятельство: «Странна и непонятна с первых же дней ленской стачки была позиция в ней “С-Петербургского телеграфного агентства”. В глухой

⁴⁰⁵ Жилкин И. Хроника. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1912. №5. С.392

⁴⁰⁶ Лукьянов М.Н. Указ. соч. С.132.

⁴⁰⁷ Московские ведомости, 7(20) апреля 1912 г.

тайге началась крупная драма, за ней с первых же дней с большим интересом следило все общество, но “Телеграфное агентство”, словно набрав воды в рот, упорно молчало. Молчало неделю, другую и третью, вплоть до сегодняшнего дня, а сегодня прислало коротенькую телеграмму в три строки: “Положение на приисках крайне обострилось; войска прибегли к оружию; убито 107 рабочих, ранено 80”. И только»⁴⁰⁸. «Киевлянин» воздерживался от каких-либо оценочных суждений, сетуя на определенную неразбериху в событиях на р. Лене: «В кровавой трагедии, разыгравшейся на ленских приисках, пока еще трудно разобраться. По-видимому, здесь своя своих не познаша. Гешефт на человеческой крови был, по-видимому, задуман без одобрения старшей братии. <...> Кровавый расстрел рабочих при всяких других обстоятельствах явился бы настоящей манной небесной для еврейских листов. Какой может быть найден лучший предлог для разжигания ненависти против правительства и против обеспеченных классов»⁴⁰⁹.

Тем временем, обстановка в политических кругах накалялась с каждым днем. В.Н. Коковцов впоследствии вспоминал об этих днях: «Настроение в Думе резко поднялось» – писал премьер-министр. «Левые внесли спешный запрос правительству, на который Макаров не хотел было отвечать ранее истечения узаконенного, предельного, месячного срока, но я ни согласился с ним, вышел на кафедру и заявил о готовности правительства ответить, как только будут получены затребованные телеграфные сведения, чем внес известное успокоение»⁴¹⁰. В данном случае премьер-министр упоминает заседание Государственной Думы 9 апреля 1912 года, где некоторыми думскими фракциями были внесены запросы правительству о ленских событиях. На данном этапе представляется уместным остановиться подробнее на их содержании и выяснить отношение к ним общественности и политических кругов.

⁴⁰⁸ Новое время, 7(20) апреля 1912 г.

⁴⁰⁹ Киевлянин, 7(20) апреля 1912 г.

⁴¹⁰ Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн.2 С. 57.

Трагические события на Ленских золотопромышленных приисках, как мы уже имели возможность убедиться выше, не просто произвели огромное впечатление на общественное мнение в империи, но и по-настоящему всколыхнули его. Об этом времени спустя годы историк-эмигрант С.С. Ольденбург писал следующие строки: «Вести об этом кровавом событии произвели огромное впечатление в стране. Число жертв, трудные условия работы среди тайги, наконец, тот факт, что среди солдат ни убитых, ни раненых не было, и, очевидно, нельзя было говорить о вооруженной борьбе, – все это вызвало в общественном мнении волну негодования»⁴¹¹. На это же указывали и советские исследователи: «Расстрел рабочей демонстрации 4 апреля на Ленских приисках вызвал взрыв негодования по всей стране»⁴¹². Необходимо отметить, что советская историография уделяла значительное внимание вопросу общественных настроений после Ленских событий. «Общественное возбуждение, вызванное “ленской бойней”, было так велико, что даже октябристы внесли свой запрос, а националисты заявили, что будут поддерживать спешность запросов, подкрепив это заявление собственным вопросом к правительству о причинах происшедших событий» – писал А.Я. Аврех⁴¹³. Интересно, что исследователь особо отмечает факт обращения октябристов с запросом к правительству. Необходимо отметить, что запросы вносились только в случае нарушения органами государственной власти действовавших законов⁴¹⁴.

Как уже было указано выше, в печатном органе партии «Союз 17 октября» публиковались статьи и заметки, в которых публицисты не только не возлагали вину за ленские события на правительство, но и пытались оправдать его, ссылаясь на отсутствие в Петербурге реальной информации о ситуации на

⁴¹¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 461.

⁴¹² Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л., 1984. С. 505.

⁴¹³ Аврех А.Я. Ленский расстрел и кризис третьеиюньской системы. М., 1962. С. 40.

⁴¹⁴ Любаров П.Е. III Государственная дума и Ленские события 1912 г. // Вопросы истории СССР. 1986. Вып. 31. С.121 – 128.

приисках. Тем не менее, запрос от октябристов все-таки последовал, и представляется необходимым перейти к анализу его содержания.

§2. Запросы думских фракций по поводу ленских событий.

Ленские события предварили выход депутатов Государственной Думы с очередных каникул. С 9 апреля вновь собравшаяся после пасхальных каникул народное представительство рассматривало Ленское дело⁴¹⁵. Именно здесь проявилось истинное отношение думских партий к ленским событиям⁴¹⁶. Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко открыл заседание в 11 часов 24 минуты. Оно началось с рассмотрения разного рода вопросов, среди которых можно выделить соболезнования Английской палате общин по случаю гибели «Титаника», доклады бюджетной комиссии и установление порядка заседаний до окончания рассмотрения бюджета. Запросы думских фракции «Союз 17 октября» и конституционалистов-демократов обсуждались в конце данного заседания⁴¹⁷. Точное время начала обсуждения запросов в источнике не указано, однако, можно предположить, что оно началось не ранее 17 часов. «Биржевые ведомости» предоставили весьма краткую, но в то же время довольно емкую характеристику событий, развернувшихся в Думе 9 апреля: «С большим напряжением ожидали депутаты обсуждения спешности внесенных всеми думскими фракциями запросов по поводу кровавых событий, разыгравшихся на Ленских приисках. <...> В восьмом часу вечера должны были приступить к голосованию спешности запросов, но оказалось, что даже к такому серьезному обстоятельству, как расстрел сотен людей, третья Дума не могла отнестись с должным вниманием: многие разошлись до голосования, кворума не хватило, и заседание пришлось закрыть»⁴¹⁸.

Рассмотрение запросов началось со слов председателя Думы: «В порядке ст. 40 Учр. Гос. Думы внесено заявление об обращении к

⁴¹⁵ Гайда Ф.А. Указ. соч.С. 179.

⁴¹⁶ Любаров П.Е. III Государственная дума и Ленские события 1912 г. С.124.

⁴¹⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С.1593 – 1658.

⁴¹⁸ Биржевые ведомости, 10(23) апреля 1912 г.

Правительству с вопросом по поводу событий, имевших место на Ленских золотых приисках»⁴¹⁹. Далее председатель передал слово секретарю Думы для оглашения поданного заявления, текст которого содержал в себе краткое изложение обстоятельств трагедии, имевшей место на Ленских золотопромышленных приисках. Завершалось заявление следующими словами: «В виду изложенного, мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной Думе предъявить Министрам Внутренних дел и Торговли и Промышленности нижеследующий вопрос: 1) имели ли место в действительности оглашенные в печати обстоятельства дела, указывающие на долговременное бездействие местных властей в смысле удовлетворения законных требований рабочего населения на приисках Ленского золотопромышленного товарищества; 2) если указанные обстоятельства имели место в действительности, то какие меры приняты Министрами к выяснению степени виновности местных должностных лиц и к удовлетворению законных требований рабочих»⁴²⁰.

Запрос от партии «Союз 17 октября» представлял ее глава А.И. Гучков. Он начал свою речь с небольшого замечания, указав на то, что запрос его партии в целом совпадает с запросом конституционалистов-демократов, который прозвучал ранее: «Запрос Союза 17 октября, совпадающий в общем с запросом к.-д. партии, мне приходится мотивировать такими же аргументами моего предшественника. Я во многом примыкаю к тому, что говорил здесь член Г. Думы Некрасов»⁴²¹. Сразу же возникает справедливый вопрос: чем вызвано такое совпадение в содержании запросов двух политических партий? Ответ на него будет представлен ниже, где речь пойдет о реакции партии кадетов на ленские события. Однако вернемся к выступлению А.И. Гучкова перед депутатами Думы: «Требования, выставленные рабочими, дают

⁴¹⁹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1665.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Там же. С.1674.

печальную картину положения рабочего населения на приисках. Там царили, по-видимому, такие условия кабалы, которые, к счастью, уже отошли в область преданий в большинстве нашей русской промышленности. Рядом с экономическими требованиями, вполне правильными по существу, было выставлено и простое скромное требование о применении законных норм и требование о восстановлении нарушенного товариществом закона»⁴²². Тем самым Гучков безоговорочно обвинил руководство приисков в лице Ленского золотопромышленного товарищества в невыносимых, почти рабских условиях содержания рабочих. Интересным также представляется то, как он усиливал свою аргументацию, говоря о том, что в России подобные условия уже стали большой редкостью.

Не забыл Гучков упомянуть и о роли военной команды в ходе конфликта: «Я не говорю о поведении войска, которое только выполнило свой тяжелый долг»⁴²³. Фактически лидер октябристов оправдал действия солдат тем, что они попросту исполняли свой долг, пытаясь восстановить порядок на приисках. Оправдывая военную команду, Гучков бросает очередной камень в «огород» местной власти и руководства приисков: «Я говорю о той картине, которую представляло собой распоряжавшееся на месте начальство. Это была картина не сильной и твердой власти, мудро и тактично принявшей громадные полномочия, которыми она обладала. Это была картина растерянности и паники власти, обезумевшей от чувства личного страха»⁴²⁴. В ответ из левой части зала прозвучал возглас: «ничего подобного!»⁴²⁵. В заключение своей речи, лидер октябристов, как и полагается, выразил определенную надежду на то, что по итогам запроса партии министром внутренних дел будет проведено самое строгое и беспристрастное расследование Ленского дела⁴²⁶.

⁴²² Голос Москвы, 10 (23) апреля 1912 г.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С.1675.

⁴²⁶ Голос Москвы, 10(23) апреля 1912 г.

Выступление заканчивалось такими словами: «Известно ли министру внутренних дел, что во время возникших волнений среди рабочих на Ленских золотых приисках незаконно, в виду отсутствия достаточных оснований, было применено действие огнестрельным оружием? Если известно, то какие меры предполагают принять для привлечения виновных к ответственности?»⁴²⁷. Окончив свою речь, Гучков спустился с трибуны под рукоплескания центральной части зала⁴²⁸.

Как упоминалось выше, и на что указывал сам А.И. Гучков, запрос октябристов во многом совпадал по своему содержанию с запросом партии народной свободы. В чем, собственно, заключалось их сходство? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к тексту запроса конституционалистов-демократов, опубликованном в газете «Речь» в номере от 10 апреля. Также основные тезисы данного запроса были помещены в «Биржевых ведомостях». Основной акцент в тексте был сделан на том, что забастовка рабочих носила исключительно мирный характер, и бастующие не давали повода к предположениям о каких-либо насильственных действиях с их стороны⁴²⁹. В первую очередь сходство с октябристским запросом выражалось в оправдании выступления рабочих, вынужденных протестовать по причине тяжелых условий труда и, якобы, многократных нарушений со стороны руководства приисков: «Забастовка в полной мере оправдывалась предъявлением рабочими ряда экономических требований, направленных на улучшение их материального положения»⁴³⁰. Также в тексте запроса особое внимание уделено аресту т.н. «стачечного комитета», чего в октябристском запросе мы не обнаруживаем. «Телеграмма рабочих утверждает, что арест выборных последовал под предлогом неявки их по вызову судебного следователя, между тем как никаких повесток о явке они не получали» – сообщается в тексте

⁴²⁷ Биржевые ведомости, 9(22) апреля 1912 г.

⁴²⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С.1675.

⁴²⁹ Речь, 10(23) апреля 1912 г.

⁴³⁰ Биржевые ведомости, 10(23) апреля 1912 г.

запроса⁴³¹. Арест выборных представителей, по мнению кадетов, произвел чрезвычайно тяжелое впечатление на массу рабочих, которая естественным образом увидела в этом акте вмешательство администрации в экономическую борьбу, с целью оказать помощь предпринимателям⁴³². Данные действия руководства приисков и местных властей спровоцировали выступление рабочих 4 апреля, которое, как известно, закончилось трагически: «Передовые толпы остановились и вступили в переговоры с Тульчинским, но задние ряды не поняли причины остановки и продолжали двигаться. В этот момент совершенно неожиданно было отдано солдатам распоряжение стрелять, и рядом залпов было убито около двухсот человек рабочих, и еще большее число раненых»⁴³³. Основываясь на представленных данных, кадеты сделали достаточно резкое заявление, что в этом случае налицо недопустимое применение вооруженной силы против мирной толпы рабочих⁴³⁴. Однако, как и октябристы, они в некоторой степени оправдывают действия солдат, вынужденных действовать по приказу ротмистра Трещенкова. В заключение запроса следует обращение непосредственно к министру внутренних дел А.А. Макарову и министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву: «Известно ли министрам, что подведомственные им лица, в целях содействия интересам предпринимателей, вмешались в протекавшую мирно забастовку, причем судебные власти распорядились об аресте выборных представителей рабочих под предлогом неявки их по вызову судебного следователя, в непосредственной связи с чем произошел ничем не вызванный массовый расстрел мирной толпы рабочих. Если известно, то какие меры предлагают министры принять для привлечения виновных к законной ответственности?»⁴³⁵.

⁴³¹ Биржевые ведомости, 10(23) апреля 1912 г.

⁴³² Речь, 10(23) апреля 1912 г.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Речь, 10(23) апреля 1912 г.

Далее председатель Государственной думы передал слово Н.В. Некрасову – представителю кадетской партии, который первым из депутатов подписался под заявлением об обращении к правительству по поводу событий, имевших место на Ленских приисках. Оратор начал свою речь со слов о необходимости «пролить полный свет на это ужасное дело»⁴³⁶. В запросе явно подчеркивалось объективное право приисковых рабочих на стачку и ее мирный характер.⁴³⁷ Затем Некрасов обозначил задачу, поставленную кадетским запросом, которая звучала следующим образом: «мы видим вмешательство правительственной власти в сферу экономических взаимоотношений, в мирную забастовку, в экономическую борьбу между трудом и капиталом, причем правительственная власть определенно занимает позицию рядом с представителями капитала»⁴³⁸. Налицо резкое и безоговорочное обвинение правительства в пособничестве предпринимательским кругам и, соответственно, ущемлении рабочих в их правах. Неудивительно, что наступление Некрасова на власть вызвало бурные рукоплескания слева и даже на отдельных скамьях в центре, что было отражено в стенографическом отчете заседания Думы⁴³⁹. Разумеется, поддержка левой части зала вдохновила Некрасова на продолжение наступления: «С того момента, как были произведены аресты, уже было ясно, к чему ведет дело та кучка людей, которая волей нашего Правительства получила там полномочия диктаторские. С этого момента стало ясным, что ничем иным, кроме грандиозной катастрофы, дело кончиться не может»⁴⁴⁰. Закончил свое выступление Некрасов очередным выпадом в сторону правительства: «И вот до тех пор, пока вы не измените этих основных условий нашего управления, до

⁴³⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1666.

⁴³⁷ Хаген М. Ленский расстрел 1912 года и российская общественность. С.69.

⁴³⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1667.

⁴³⁹ Там же. С. 1669.

⁴⁴⁰ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1673.

тех пор, пока у всякого жандармского ротмистра, у судей и товарищей прокурора будет соблазн сделать карьеру на маленьком избиении невинных людей, до тех пор вы условий жизни с стране не улучшите»⁴⁴¹. Естественно, что после этих слов, Некрасов сходил с трибуны под неодобрительный шум справа и дружные рукоплескания слева и на некоторых центральных скамьях. Заседание было закрыто в 19 часов 10 минут, соответственно, на обсуждение запросов по поводу событий на Ленских приисках было затрачено чуть более двух часов. Решения по запросам пришлось отложить по причине отсутствия думского кворума, поскольку это делало голосование невозможным⁴⁴². Только на следующий день, 10 апреля, кворум был собран, и депутаты проголосовали за принятие запросов, обсуждение которых было намечено на вечернее заседание Государственной Думы 11 апреля 1912 года.

Запросы думских фракций по поводу событий на Лене показали, насколько трагедия на приисках всколыхнула общественность. Столь спешная подача запросов лишний раз это подтвердила. Правительство решило не затягивать с ответом, и уже 10 апреля октябристский и кадетский запросы были приняты. На следующий день в Государственную думу для ответа явились министр внутренних дел А.А. Макаров и министр торговли и промышленности С.И. Тимашев в сопровождении министра юстиции И.Г. Щегловитова⁴⁴³.

§3. Ответ правительства на запросы думских фракций. Выступление А.А. Макарова.

Не приходится сомневаться в том, что октябристы с нетерпением ждали вечернего заседания Думы 11 апреля 1912 года. Ленское дело к тому времени успело стать резонансным, в силу ряда причин, среди которых следует выделить недостаток или полное отсутствие достоверной информации о событиях на приисках в первые дни после трагедии. Именно поэтому столь

⁴⁴¹ Там же. С. 1673.

⁴⁴² Любаров П.Е. III Государственная дума и Ленские события 1912 г. С. 125.

⁴⁴³ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России. С. 179.

оперативное выступление правительства с ответом на запросы думских фракций воспринималось как вполне искреннее желание власти рассказать обществу все обстоятельства Ленского дела. «Вечернего заседания сегодня ждали с нетерпением. Решение правительства немедленно выступить с объяснениями на запросы о ленских событиях, так глубоко взволновавших общество, учитывалось, как желание пролить свет на темное и страшное дело» – писал на следующий день «Голос Москвы»⁴⁴⁴. В общем, октябристы были полны ожиданий, что власть приоткроет завесу тайны над недавними событиями на Лене.

Заседание открылось в 20 часов 55 минут 11 апреля 1912 года. Публицист «Голоса Москвы» так описывал общую картину того вечера в Таврическом дворце: «Депутатов много. Хоры полны. В правительственной ложе председатель совета министров В.Н. Коковцов, министр внутренних дел А.А. Макаров, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев. В ложе Г. Совета около 20 членов верхней палаты»⁴⁴⁵. Несмотря на несколько скудный характер информации, автору в целом удалось передать тот ажиотаж, вызванный ожиданием официального комментария от правительства.

Председатель Думы М.В. Родзянко сразу же приступил к изложению повестки заседания: «П. 1: Разъяснения Министров Внутренних Дел, Юстиции, Торговли и Промышленности на обращенный к ним запрос по поводу применения огнестрельного оружия во время возникших на Ленских золотых приисках среди рабочих волнений. Министр Внутренних дел желает дать объяснение»⁴⁴⁶. А.А. Макаров взойшел на трибуну и начал свое выступление со слов о том, что при наступлении таких событий, какие произошли на Лене, совершенно естественным является стремление во что бы то ни стало узнать настоящую правду, насколько бы горька она ни была⁴⁴⁷. Тем

⁴⁴⁴ Голос Москвы, 12(25) апреля 1912 г.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1941.

⁴⁴⁷ Там же.

самым министр попытался объяснить столь спешный ответ на еще более спешные запросы, поданные думскими фракциями. «Правительство считает своим долгом сегодня же выступить с разъяснениями по обстоятельствам прискорбных событий, совершившихся 4 апреля на Ленских приисках. Я нахожу эти события прискорбными потому, что когда речь идет о событиях, повлекших за собой смерть 163 лиц, иного отношения к таким событиям, как искренней печали, быть не может»⁴⁴⁸. Данное заявление, на первый взгляд, представляется вполне естественным и уместным, ведь далее Макаров попросил депутатов по возможности отрешиться от этого чувства и выслушать его разъяснения хладнокровно и внимательно. Затем министр внутренних дел обозначил свою компетенцию в данном деле, открестившись от выяснения экономических отношений между товариществом и рабочими. «Обращаясь к содержанию вашего запроса, я нахожу, что органам власти вменяются вами в вину два обстоятельства: 1) вмешательство в мирно-протекавшую забастовку, и 2) как последствие этого вмешательства, применение огнестрельного оружия без достаточного к тому основания» — обращается А.А. Макаров к представителям фракций⁴⁴⁹. Министр попытался опровергнуть утверждение о якобы мирной забастовке, но был перебит депутатом Кузнецовым, которому председатель был вынужден сделать замечание. Макаров продолжил говорить о нарушениях со стороны рабочих, законодательно обосновывая применение полицейской силы для ареста членов стачечного комитета. Далее, излагая обстоятельства, приведшие к выстрелам по толпе рабочих, министр внутренних дел заявил следующее: «Да и сама забастовка, как вы уже, вероятно, из изложенного мной выше сами усмотрите, вряд ли может почитаться мирно протекавшей. Помимо этого, и подкладка ее была во всяком случае не исключительно экономическая, а в значительной мере

⁴⁴⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1942.

⁴⁴⁹ Там же. С. 1944.

политическая»⁴⁵⁰. Данное высказывание министра вызвало бурный протест и выкрики слева. С целью доказать политический характер забастовки, А.А. Макаров обратил внимание на состав стачечного комитета, а именно на то, что некоторые из его членов (А. Соболев, Э. Думке и И. Розенберг) ранее привлекались к ответственности за революционную деятельность. Интересно, что это заявление спровоцировало возгласы В.М. Пуришкевича: «надо было повесить», «почему не повесили» и т.п. На основании вышеизложенных фактов Макаров делал вывод, что «при таких руководителях естественно забастовка не может считаться исключительно экономической и не могла, по моему крайнему убеждению, протекать мирно»⁴⁵¹. Следовательно, по первой части запроса можно сделать вывод, что аргументы и объяснения Макарова были вполне уместны и логически связаны между собой.

Что касается второй части запроса, посвященной закономерности применения огнестрельного оружия против толпы рабочих, то здесь министр внутренних дел поставил для разрешения два вопроса: «1) соблюдены ли были установленные для этого в законе требования и 2) имеются ли в деле достаточные указания на то, что 4 апреля командовавшие воинской частью лица имели право отдать распоряжение об обращении к оружию»⁴⁵². Далее Макаров обратился к юридическим основаниям использования огнестрельного оружия и применил их к конкретной ситуации на Ленских приисках: «Думается мне, что если вы сопоставите эти правила с событиями 4 апреля, как они изложены в прочитанных мною телеграммах, то вы найдете, что формально все требования, необходимые для открытия огня были соблюдены»⁴⁵³. Затем Макаров подошел к кульминации своего выступления: в атмосфере все более усиливающихся выкриков слева он заявил: «Когда

⁴⁵⁰ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1949.

⁴⁵¹ Там же. С. 1950.

⁴⁵² Там же. С. 1951.

⁴⁵³ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1951 – 1952.

потерявшая рассудок, под влиянием злостных агитаторов, толпа набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается делать, как стрелять. Так было и так будет впредь»⁴⁵⁴. Справа тут же раздались голоса: «верно!», а слева, соответственно: «пока вы у власти...», «кровопийцы» и т.п. Правые ответили бурными рукоплесканиями. В итоге председателю Думы М.В. Родзянко пришлось призвать депутатов к порядку. В заключение своей речи А.А. Макаров фактически возложил всю вину за трагические события на Ленских приисках на агитаторов, которые вдохновили рабочих на эскалацию конфликта с товариществом: «Глубоко прискорбные события 4 апреля должны лечь, по моему крайнему убеждению, тяжелым гнетом не на тех лиц, которые распоряжались воинской командой, а на агитаторов, сидящих уже в тюрьме»⁴⁵⁵. Это окончательно разозлило левую часть зала, откуда посыпались громкие выкрики, шиканье и свист: «и на Макарова!», «кровопийцы радуются!», в перепалку с Кузнецовым вступил Пуришкевич: «кончатся полномочия и к черту вас, Кузнецов!», слева же ответили возгласом «хулиганы!»⁴⁵⁶. Таким образом, речь Макарова произвела сильное впечатление на левых и спровоцировала стихийные прения в ходе заседания. Далее на трибуну поднялся министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, говоривший, в основном, об экономической составляющей Ленского дела, более подробно остановившись на требованиях рабочих. В целом, он держался более осторожно, нежели Макаров, и поэтому его практически не перебивали из зала. По окончании выступления Тимашева председатель Думы в 22 часа 7 минут объявил 20-минутный перерыв, таким образом, речи министров с объяснениями заняли чуть более часа времени заседания⁴⁵⁷. После перерыва началось обсуждение всего, что было озвучено Макаровым и Тимашевым,

⁴⁵⁴ Там же. С. 1953.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912. С. 1963.

значительную часть времени заняли комментарии депутата Кузнецова. О закрытии заседания было объявлено в 23 часа 1 минуту.

§4. Реакция общественно-политических кругов на разъяснения А.А. Макарова.

Неудивительно, что на следующий день общественность с нескрываемым оживлением обсуждала разъяснения правительства по поводу ленских событий. В центре внимания, разумеется, оказался министр внутренних дел А.А. Макаров. Никогда до этого момента о его фигуре не говорили и не писали так много и так подробно. Премьер-министр В.Н. Коковцов так описал события того дня в своих мемуарах: «Свою речь Макаров закончил полным одобрением действий местной администрации и воинской команды и произнес в заключение известные слова: «так было — так и будет», желая сказать этим, что всякие попытки к бунту будут подавляться всеми доступными средствами. Эти слова произвели на Думу и печать ошеломляющее впечатление. Забыли Распутина, забыли текущую работу, приостановили занятия Комиссией и заседания Общего Собрания; Дума стала напоминать дни первой и второй Думы, и все свелось к «ленскому побоищу»⁴⁵⁸. Poleмика вокруг речи министра велась преимущественно на страницах периодических изданий, так или иначе имевших определенное политическое направление.

Правоконсервативные круги отреагировали на речь Макарова в Думе довольно сдержанно. «Новое время» ограничилось публикацией текста выступления министра внутренних дел, указав лишь время начала заседания⁴⁵⁹. «Московские ведомости» привело развернутое содержание речи А.А. Макарова, указав основные моменты, на которые министр обращал пристальное внимание, в частности: «Министр полагает, что в данном деле полицию можно упрекнуть в чем угодно, но только не в превышении

⁴⁵⁸ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн. 2. С. 58.

⁴⁵⁹ Новое время, 12(25) апреля 1912 г.

власти»⁴⁶⁰. Спустя пять дней в газете вышла статья «Беспорядки на Ленских приисках», где отмечалось следующее: «В виду того, что объяснение министра внутренних дел о беспорядках на Ленских приисках изложено в газете со многими пропусками, воспроизводим эту часть речи по стенографическому отчету»⁴⁶¹. Далее следовал текст пропущенной ранее части выступления А.А. Макарова.

В более радикальном ключе отреагировала «Земщина». В номере от 12 апреля был опубликован развернутый комментарий к речи министра внутренних дел. В начале публицист перечислил присутствовавших на заседании министров, упомянув также председателя Государственного совета М.Г. Акимова. Далее последовал эффектный комментарий к речи Макарова: «С объяснениями выступают министры А.А. Макаров и С.И. Тимашев. Речь первого, сказанная с присущей ему прямоотой и твердостью, производит громадное впечатление. Правое крыло не раз прерывает ее бурными аплодисментами. Когда министр внутренних дел раскрыл перед слушателями грозное значение «мирного» наступления тысячной толпы, вооруженной кольями и кирпичами, и твердо заявил, что стрелявший воинский отряд только честно исполнял долг присяги и что так было и впредь будет – слова министра были приняты с глубоким удовлетворением всеми теми, кто способен оценить истинные причины, поведшие к катастрофе»⁴⁶². Налицо явное восхищение речью А.А. Макарова, что вполне объяснимо, поскольку характер и содержание выступления явно соответствовали крайне правым политическим воззрениям. «Земщине» вторили в «Киевлянине», повторяя, по сути, утверждение о том, что речь министра была яркой, убедительной и вполне доказательной: «Министр внутренних дел в своей речи ярко обрисовал картину политической агитации на Ленских приисках и высказал убеждение, что при

⁴⁶⁰ Московские ведомости, 12(25) апреля 1912 г.

⁴⁶¹ Там же, 17(30) апреля 1912 г.

⁴⁶² Земщина, 12(25) апреля 1912 г.

таких руководителях стачка не могла быть только на экономической почве»⁴⁶³. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что некоторая часть правых с одобрением и нескрываемым удовлетворением восприняла разъяснения министра внутренних дел по ленским событиям. Более того, публицисты вышеуказанных изданий определяли характер речи А.А. Макарова как яркий, твердый и, следовательно, весьма убедительный.

Правые также не преминули сделать очередной саркастический выпад в сторону своих политических оппонентов. Публицист «Земщины» обратил внимание на весьма любопытный факт: «Между прочим, бросалось в глаза отсутствие в Государственной Думе лидера октябристов Гучкова, немало постаравшегося раньше для раздутия вопроса о катастрофе. В кулуарах острили, что А.И. Гучков сыграл в Думе ту же роль, что на приисках Баташов, предусмотрительно скрывшийся, когда дело подошло к развязке»⁴⁶⁴. Очевидно, что в данном случае сам факт подачи запроса октябристами был расценен правыми как провокация, что подводит к мысли о нежелании правоконсервативных кругов придавать ленским событиям огласку именно в том ключе, в каком это сделали октябристы и кадеты.

На основании вышеизложенных материалов может сложиться впечатление, что правые восприняли речь А.А. Макарова однозначно положительно и вполне удовлетворились его объяснениями. Однако, ряд источников сообщает нам обратное, несколько усложняя картину реакции правоконсервативных кругов. Видный государственный деятель, князь В.П. Мещерский в журнале «Гражданин» отзываясь на выступление министра внутренних дел совсем в ином тоне, нежели публицисты «Земщины». Нет сомнения, что князь, как и подавляющая часть общественности ждали разъяснений от правительства по Ленскому делу, «ожидали, что тяжелый гнет, легший на русскую душу, облегчится от такого объяснения подробностей

⁴⁶³ Киевлянин, 12(25) апреля 1912 г.

⁴⁶⁴ Земщина, 12(25) апреля 1912 г.

события, которое из мрака неведения и непонимания вынесет событие на свет и хоть немного успокоит взволнованные и смущенные умы».⁴⁶⁵ Однако, сказанное в Думе А.А. Макаровым не только не удовлетворило Мещерского, но и разочаровало его. В авторской рубрике «Дневники» он подробно высказал свои личные ощущения после речи министра: «Но сегодня, увы, когда я мог прочитать речи обоих министров, я почувствовал гнет ощущения на душу как будто еще сильнее, ибо в обеих речах пришлось услышать не твердое и ясное оправдание ленского события, но одно лишь усилие его оправдать, во что бы то ни стало, словами, в которых звучали неубежденность, неуверенность, с одной стороны, и противоречия, с другой стороны»⁴⁶⁶. При этом князь по-прежнему называет Макарова честнейшим человеком, который не способен с полной уверенностью говорить то, в чем не убежден лично. «Нет ни малейшего сомнения в том, что на вопрос своей совести, как честный человек, он ответил бы: да, я не убежден в том, что то, что я говорил по сообщенным мне данным, было правдой» – утверждал князь⁴⁶⁷. Отсюда он подводит читателей к выводу, что Макаров явно говорил не от своего лица, а по чьему-то указанию, как бы ссылаясь на чужое мнение: «...ибо в том, что ему подсказано было его подчиненными, он не мог уверовать как в полную правду и, вследствие этого, главное впечатление, которое мы, уважающие его как честного человека, получили, прочитав его речь, было сознание, что он сделал ошибку, заговорив на той шаткой почве, которая обнаружила, что событие еще вовсе не расследовано и, следовательно, не разъяснено»⁴⁶⁸. Главный же тезис в разъяснении министра внутренних дел, по мнению Мещерского, состоял в том, что в рабочих стреляли не за то, что они сделали, а за то, что они могли сделать⁴⁶⁹. Именно этот тезис поверг его в сильную печаль и натолкнул на мысль о том, что «не будет ли дано не только рабочим, но и всякому из 160

⁴⁶⁵ Дневники // Гражданин. 1912. №15. С.12.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Дневники // Гражданин. 1912. №15. С. 13.

⁴⁶⁹ Там же.

миллионов русских право ожидать, что отныне открывается для жандармских полковников и ротмистров бесконечное и в мире небывалое поле действия для провокации в виде права арестовывать и казнить не за то что человек сделал, но за то, что он мог сделать?»⁴⁷⁰. В более жестком и бескомпромиссном направлении прокомментировал речь Макарова В.И. Гурко: «Свою душевную черствость и одновременно отсутствие государственного такта Макаров обнаружил в особенности в речи, произнесенной им в Государственной думе 11 апреля 1912 г. в ответ на запрос Думы по поводу произведенного перед тем на приисках Ленской золотопромышленной компании расстрела бастовавшей толпы рабочих»⁴⁷¹. Представляется очевидным, что Гурко расходится с министром внутренних дел в оценке действий рабочих, и не признает их виновными. «Макаров, не произведя предварительно никакого следствия по этому делу и всецело полагаясь на действия того жандармского офицера (некоего ротмистра Трещенкова), по распоряжению которого войска стреляли в толпу, твердо заявил с трибуны Государственной думы, что распоряжения власти были вполне правильны и обусловлены тем, что многотысячная рабочая толпа сама набросилась на войска» – с нескрываемым возмущением утверждает Гурко⁴⁷². Однако главный упрек в адрес Макарова автор приведенных выше строк формулирует следующим образом, фактически высказывая свое видение сложившейся ситуации: «Вместо того чтобы сказать Государственной думе, что Министерство внутренних дел за чрезвычайной дальностью как от столицы, так и от всякого мало-мальски крупного административного центра того места, где произошло это прискорбное событие, не имеет ныне возможности представить Государственной думе нужные объяснения, но что оно немедленно такое расследование произведет и все, что им будет обнаружено, Государственной думе сообщит, Макаров счел нужным с места заявить, что виноваты в этом деле сами рабочие, а

⁴⁷⁰ Там же. С. 14.

⁴⁷¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 992.

⁴⁷² Там же. С. 993.

жандармские власти совершенно правы»⁴⁷³. Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что правоконсервативные круги не были едины в оценке речи министра внутренних дел, посвященной ленским событиям. Крайне правые отреагировали на выступление А.А. Макарова восторженными комментариями, более же умеренная часть правых скорее разочаровалась в словах министра, признав его речь откровенно слабой и неубедительной.

Проанализировав реакцию правоконсервативных кругов на разъяснения А.А. Макарова в ходе вечернего заседания Государственной Думы 11 апреля 1912 года, мы сочли уместным обратиться к точке зрения представителей «Союза 17 октября» – одной из думских фракций, направивших правительству спешный запрос по поводу ленских событий. Безусловно, октябристы с большим нетерпением ожидали ответа от власти, что отразилось в комментариях и публикациях в прессе. На следующий день «Голос Москвы» так писал о вечернем заседании Думы: «Первым выступил А.А. Макаров. Он начал свою речь с указания на полную готовность правительства откликнуться на те скорбные чувства, какие переживают сейчас общество и Г. Дума»⁴⁷⁴. Начало речи для октябристов, да и для всех собравшихся можно назвать многообещающим – правительство готово проводить открытое расследование всех обстоятельств трагедии. Однако уже в следующих строках публициста сквозит ни что иное, как разочарование. «Дальнейшая речь Макарова не дала новых фактов, кроме нескольких ярких штрихов к драме 4 апреля. Главный материал, который использовал в своей речи А.А. Макаров, были телеграммы инженера Тульчинского, ротмистра Трещенкова и товарища прокурора Покровского. Все они говорят об одном и том же. Разница лишь в некоторых подробностях: так, телеграмма Покровского говорит, что после первого залпа толпа легла, а затем встала и с криками «ура» кинулась на войска, после чего

⁴⁷³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 993.

⁴⁷⁴ Голос Москвы, 12(25) апреля 1912 г.

даны были еще три залпа. Это обстоятельство до известной степени объясняет самый момент стрельбы, но те условия, при которых пришлось действовать войскам, все же были освещены не так полно, как это следовало бы сделать»⁴⁷⁵. Далее следует комментарий касательно придания ленским событиям политического характера, и здесь автор вновь ставит под сомнение аргументацию министра внутренних дел: «Важно было сообщение о том, что в руководстве забастовкой принимали участие политические ссыльные осужденные и сосланные как раз за аналогичную деятельность в своем прошлом. Но одного этого факта все-таки недостаточно, чтобы можно было придавать политический характер всему происходившему на Лене»⁴⁷⁶. Таким образом, можно сделать следующий вывод: октябристы с большим скептицизмом и недоверием отнеслись к ответу А.А. Макарова на свой запрос по Ленскому делу.

В чем состояли главные претензии октябристов? Из публикации в «Голосе Москвы», выдержки из которой приведены выше, можно выделить несколько слабых мест в речи министра внутренних дел, оказавшихся во внимании публициста. Во-первых, источники, на которые ссылался А.А. Макаров. В данном случае – это телеграммы представителей властных структур на местном уровне. Автор ставил им в упрек, что они сообщают, по сути, об одном и том же. На наш взгляд, это вполне объяснимо, поскольку было бы весьма странным, если бы представители власти, находящиеся на одной стороне конфликта, противоречили друг другу. К тому же нельзя исключать и тот факт, что Тульчинский, Трещенков и Покровский вполне могли заранее обговорить содержание своих телеграмм в Петербург. Однако, в данном случае министру внутренних дел можно поставить в вину то, что он, не имея хотя бы предварительных результатов расследования, необдуманно доверился первому же телеграфному сообщению⁴⁷⁷. Во-вторых, октябристы справедливо указали

⁴⁷⁵ Голос Москвы, 12(25) апреля 1912 г.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Хаген М. Ленский расстрел 1912 года и российская общественность. С.70.

на недостаток сведений – по их мнению, не были достаточно раскрыты обстоятельства событий 4 апреля, не были обозначены те условия, в которых пришлось действовать воинской команде. В-третьих, октябристы обвинили А.А. Макарова в том, что он озвучил достаточно резкие заявления: «Нельзя не упрекнуть Макарова в неосторожности: говоря о том, что войска действовали сообразно обстоятельствам, он сказал, что «это так было и так будет». Конечно, это так было, и возможно, что несчастные обстоятельства вызовут и еще такую несчастную необходимость. Однако, подчеркивать это, да еще после 163 жертв, загубленных во имя алчности Ленского товарищества, не вполне тактично»⁴⁷⁸. Как впоследствии отмечал в своей работе С.С. Ольденбург, печать тотчас же подхватила слова «так было и так будет», и возбуждение в обществе только усилилось⁴⁷⁹. Очевидно, что Макаров и его ответ на запрос не оправдал ожидания октябристов. Напротив, речь министра торговли и промышленности Тимашева встретила некоторое сочувствие со стороны представителей «Союза 17 октября», что не замедлило отразиться в печати. «Из слов С.И. Тимашева явствовало, что вся ленская драма разыгралась на почве полного произвола со стороны Ленского товарищества и ненормального угнетенного положения рабочих, лишенных здоровой пищи, удовлетворительного жилища и правильного денежного расчета. Речь Тимашева не соответствовала заявлению Макарова, старавшегося подчеркнуть политические тенденции забастовки» – писал «Голос Москвы» на следующий день⁴⁸⁰. Таким образом, мы обнаруживаем некоторые расхождения в выступлениях двух министров, связанных с расстановкой акцентов – Макаров пытался доказать, что ленские события носили преимущественно политический характер, а Тимашев, напротив, особое внимание обращал на экономические причины конфликта. В связи с этим «Голос Москвы» отметил один любопытный факт: «В.Н. Коковцов сидел в министерской ложе и

⁴⁷⁸ Голос Москвы, 12(25) апреля 1912 г.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ Голос Москвы, 12(25) апреля 1912 г.

рассматривал какой-то документ, причем положил руку на голову. В Думе потом говорили, что он схватился за голову, слушая разногласия в выступлениях своих товарищей по кабинету»⁴⁸¹. Подводя итог вечернему заседанию 9 апреля, октябристский публицист не смог скрыть своего разочарования: «В общем, впечатление тягостное, и под этим впечатлением расходились члены Думы после сегодняшнего заседания»⁴⁸². Таким образом, разъяснения А.А. Макарова по поводу ленских событий однозначно не удовлетворили октябристов. Речь министра была признана односторонней и провальной, следовательно, и репутация самого Макарова среди представителей «Союза 17 октября» была существенно подпорчена.

Значительный интерес вызывает и реакция на речь министра внутренних дел А.А. Макарова партии конституционалистов-демократов. Как уже было упомянуто выше, кадеты подали запрос по поводу ленских событий, в ряде положений похожий на запрос октябристов. Соответственно, заседание Государственной Думы вечером 11 апреля имело для них особое значение и интерес, что подтверждается публикациями в печати. «Трибуны для публики переполнены. Довольно наполнены трибуны для членов Государственного совета. Но депутатов не больше, чем днем. На министерской скамье – председатель совета министров, министры внутренних дел и торговли и промышленности, высшие чины министерства внутренних дел, горного департамента и министерства юстиции. На повестке – объяснения представителей правительства по поводу ленских событий. На трибуну всходит министр внутренних дел А.А. Макаров. В зале водворяется глубокая тишина» – писали «Русские ведомости» на следующее утро⁴⁸³. Интересно, что публицист обратил внимание в первую очередь на заполненные трибуны, и только потом указал всех присутствующих высших должностных лиц. Вполне вероятно, что тем самым он желал показать какой ажиотаж в обществе и в

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Русские ведомости, 12(25) апреля 1912 г.

политических кругах вызвали ленские события, и что от правительства ожидали конкретных и убедительных объяснений.

Однако вернемся к А.А. Макарову и его выступлению. Как уже не раз указывалось выше, его речь открывала вечернее заседание Думы. «Представляя свои объяснения, А.А. Макаров говорит медленно, часто опуская глаза в лежащую перед ним объемистую тетрадь» – негодовали «Русские ведомости»⁴⁸⁴. Необходимо отметить, что ни в одном другом источнике, в котором упоминается речь Макарова вечером 11 апреля, нет указаний на то, что он смотрел в тетрадь и часть своего выступления читал по бумаге. «Я нахожу эти события прискорбными потому, что, когда речь идет о событиях, повлекших за собою смерть 163 лиц, иного отношения, как искренней печали, к таким событиям быть не может». Эти слова А.А. Макаров предпослал своим объяснениям в Думе. Министра внутренних дел “события” не потрясли. Он только находит их прискорбными» – возмущались в «Вестнике Европы»⁴⁸⁵. Интересно, что «Русские ведомости», публикуя речь министра внутренних дел, указали в ней иное число жертв – 183 человека. С чем связано данное расхождение в цифрах можно только догадываться. Уместно предположить, что это либо опечатка, либо сознательная ошибка, дабы искусственно увеличить число жертв и тем самым придать ленским событиям еще больший трагизм в глазах читателей.

Разумеется, кадетские публицисты не обошли стороной вопрос осведомленности Петербурга о реальной ситуации на Ленских приисках, что министр внутренних дел затронул в своей речи самым подробным образом: «А.А. Макаров отмечает тем не менее, что до последней забастовки в министерство внутренних дел не поступало никаких указаний на ненормальность этих отношений (между товариществом и рабочими – авт.), которая могла бы вызвать какие-либо последствия. Оратор допускает, что

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1912. №5. С.369.

обострение могло быть вызвано недостаточно внимательным присмотром местной администрации за жизнью отделенных, находящихся в глубине Сибири, в 1800 верстах от губернского города приисков...»⁴⁸⁶. Более жесткую позицию выразил «Вестник Европы», однако, следует указать, что это было сделано уже спустя почти месяц после упоминаемых событий. Это может говорить о том, что кадеты окончательно разочаровались в министре внутренних дел: «Г. Макаров не счел возможным оставить без объяснения, почему событие, повлекшее за собою смерть 163 лиц, есть событие прискорбное; а почему в местные органы горного управления и надзора, в виду тревожного положения, клином был вбит жандармский ротмистр, – по-видимому, в этом для него нет вопроса. До последней забастовки в министерстве внутренних дел никаких указаний на ненормальность экономических отношений между Ленским товариществом и рабочими не было». Это говорил А.А. Макаров»⁴⁸⁷.

Однако следует отметить, что кадеты неоднократно указывали на то, что запрос фракции сводился к обвинению местных властей не в бездействии, но в превышении полномочий⁴⁸⁸, а значит, по их мнению, главным вопросом, на который следовало отвечать министру внутренних дел, был вопрос о закономерности использования огнестрельного оружия против толпы рабочих. На него А.А. Макаров дал свой ответ после перехода к комментированию текстов запросов, вызвав очередную волну возмущения у кадетов: «Соблюдены ли были, – ставил себе вопросы министр внутренних дел, – установленные законом требования для обращения к огнестрельному оружию, и было ли достаточное основание отдать распоряжение об их обращении к оружию? И он с уверенностью отвечал на них утвердительно: бесспорно, формальные условия, необходимые для открытия огня были соблюдены, и если бы, обратно, обращение к оружию не имело места и толпа в несколько

⁴⁸⁶ Русские ведомости, 12(25) апреля 1912 г.

⁴⁸⁷ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1912. №5. С. 423.

⁴⁸⁸ Русские ведомости, 12(25) апреля 1912 г.

тысяч человек, окружив сотню солдат, обезоружила ее, то тогда несомненно было бы преступное бездействие власти». «Открытие огня», «воин и оружие нераздельны», «войско руководствуется исключительно присягой», «потеря оружия – позор для воина» – эта терминология в описании побед над внутренним врагом не впервые и не г. Макаровым пущена в оборот»⁴⁸⁹. Таким образом, речь А.А. Макарова признавалась кадетами весьма циничной и далеко не убедительной. Тот факт, что кадетские публицисты обратили особое внимание на термины, использованные министром внутренних дел для разъяснения ленских событий, может свидетельствовать о том, что речь Макарова, возможно, была недостаточно подготовленной, на что указывает и спешность ответа – на следующий день после принятия запросов.

Другим вопросом, который кадеты затронули в печати, стал вопрос о расхождении А.А. Макарова и С.И. Тимашева в определении характера забастовки на Ленских приисках. Как уже было указано выше, министр внутренних дел попытался придать забастовке ярко выраженный политический характер, а министр торговли и промышленности выделял, в первую очередь, экономические причины. Вот что по этому поводу писал впоследствии «Вестник Европы»: «Трудно думать, что министры объединенного кабинета намеренно принесли на суд Думы диаметрально противоположные утверждения. Трудно даже допустить, что перед выступлением с думской кафедры они не обменивались мыслями о предполагавшихся каждым объяснениях. Правда, г. Макаров заявлял, что не было указаний на ненормальность «экономических» отношений. Разве не показал г. Макаров в дальнейшем изложении речи, что под экономическими отношениями можно понимать не всегда одно и то же и что границу между экономическими и политическими требованиями он проводит не там, где ее проводят обыкновенно?»⁴⁹⁰. Соответственно, здесь публицист прямо обвинил

⁴⁸⁹ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1912. №5. С. 421.

⁴⁹⁰ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1912. №5. С. 424.

министра внутренних дел в некомпетентности, то есть в неспособности отличить экономические требования от политических, что подтверждается следующими строками: «Из слов министра внутренних дел явствует, что по его мнению, стачка рабочих тогда только имеет легальный, чисто экономический характер, когда во главе ее нет стачечного комитета и когда рабочие не заявляют «социалистических» требований. Политико-экономической аргументации А.А. Макарова вполне соответствует его аргументация юридическая. Законом, говорил он, «установлена ненаказуемость участия в стачке, но не в сообществе, поставившем своей целью организацию стачек». А потому привлечение к уголовной ответственности и последующий арест членов стачечного комитета были действиями безусловно законными, совершенно также, как и расстрел толпы, пришедшей требовать об освобождении арестованных»⁴⁹¹. Подводя итог своим впечатлениям от выступления министра внутренних дел, кадеты как бы пытаются собрать воедино все претензии к А.А. Макарову как к представителю власти – той власти, к которой фракция конституционалистов-демократов находится в оппозиции: «Г. Макаров объясняет расстрел рабочих на Лене актом самообороны «горсти» солдат в 110 человек против трехтысячной толпы. Его приводят в ужас не 163 трупа, а то, что толпа, шедшая по узкой зимней дороге, «могла» смять солдат, окружить и обезоружить. И в этом мифическом «могла» он находит полное оправдание для ротмистра Трещенкова, оправдание залпа по лежащим и выстрелов по бегущим. А нужны ли были эти 163 трупа? Так г. Макаров вопроса не ставит. «Солдаты, – говорил он, – волновались, требуя приказа стрелять»⁴⁹². Таким образом, можно считать, что у кадетов возникла вполне ясная и однозначная реакция на разъяснения по поводу ленских событий, которое дал А.А. Макаров в Государственной Думе. Во-первых, речь министра была плохо подготовлена и в некоторых местах звучала явно

⁴⁹¹ Там же. С. 425.

⁴⁹² Из общественной хроники // Вестник Европы. 1912. №5. С. 422.

цинично и провокационно. Во-вторых, попытки Макарова придать забастовке политический характер не имели под собой никакого основания. В-третьих, наибольшее возмущение кадетов вызвали слова министра о том, что толпа рабочих «могла смять и обезоружить солдат», за что и была расстреляна.

Разъяснения министра внутренних дел по поводу ленских событий не пролили свет на обстоятельства трагедии, как того ожидала общественность. Волна забастовок, в том числе и на крупнейших предприятиях, прокатилась по всей стране. 14 апреля в Петербурге началось массовое забастовочное движение, через три дня достигшее своего пика⁴⁹³. «Биржевые ведомости» спустя неделю после пресловутого заседания Думы писали: «18 апреля с утра более 30 заводов и фабрик примкнули к забастовке протеста против ленского расстрела. Обширный район за Невской заставой забастовал сплошь. За Московской заставой прекратили работы рабочие Путиловского завода (10000 ч.). Всего 18 апреля бастовало около 60000 человек. Вследствие указаний, полученных полицией в отношении рабочих, замеченных в подстрекательстве, вчера было произведено несколько арестов. Много задержанных за Невской заставой и в Василеостровском районе. Цифра арестованных, включая задержанных при квартирных обысках, достигает 500 человек»⁴⁹⁴. «Киевлянин» усердно привлекал к ленским событиям еврейский вопрос: «В этом смысле ленская забастовка, правда, очень тяжелый, но хороший урок для власти, и для общества. Нельзя, грешно и слишком опасно, отдавать без призора во власть чужеродных и чужестранных предпринимателей свой рабочий люд»⁴⁹⁵. «Русские ведомости» подробно расписывали беспорядки в Петербурге, однако без прежнего энтузиазма⁴⁹⁶. «Голос Москвы» продолжал критиковать А.А. Макарова за то, что он совершил громадную ошибку, поскольку вместо того, чтобы изложить реальную обстановку событий на

⁴⁹³ Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910 – 1914 гг. М., 1975. С. 146.

⁴⁹⁴ Биржевые ведомости, 19 апреля (2 мая) 1912

⁴⁹⁵ Киевлянин, 14(27) апреля 1912 г.

⁴⁹⁶ Русские ведомости, 18 апреля (1 мая) 1912 г.

Лене, он пытался лишь покрыть своих подчиненных⁴⁹⁷. Однако, несмотря на это, общественное возмущение, вызванное ленскими событиями, неуклонно пошло на убыль. Что же послужило мерой к снятию напряжения в обществе? 18 апреля 1912 года в Думе выступил С.И. Тимашев, сообщивший, что правительство решило послать на Ленские прииски специальную комиссию для расследования причин забастовки. Кроме того, было заявлено о распространении принятых Думой страховых законов на рабочих золотых приисков⁴⁹⁸. Не остался в стороне и В.Н. Коковцов, явно не удовлетворенный разъяснениями А.А. Макарова. «Нужно было направить дело в более спокойное русло» – писал впоследствии премьер-министр – «пролить на него беспристрастный свет и вселить в общественное мнение убеждение в том, что правительство не считает донесений жандармского ведомства, — последним словом истины, и готово произвести всестороннее и беспристрастное расследование»⁴⁹⁹. Получив дополнительную, более объективную информацию,

Коковцов договорился с председателем Думы Родзянко, чтобы народное представительство сделало правительству новый запрос, ответ на который должен был дать С.И. Тимашев⁵⁰⁰. Собственно, это и было сделано на вышеупомянутом заседании 18 апреля. Выступая на процессе виновных в ленской трагедии, он произнес обличающие администрацию речи и быстро завоевал популярность. В.Н. Коковцов «резко разошелся» в Ленском деле с министром внутренних дел, который вскоре ушел в отставку – писал А.Ф. Смирнов в своей работе⁵⁰¹.

При этом между премьером и министром внутренних дел возникло полное несогласие по данному вопросу: «Моя точка зрения очень не

⁴⁹⁷ *Голос Москвы*, 18 апреля (1 мая) 1912 г.

⁴⁹⁸ *Любаров П.Е.* III Государственная дума и Ленские события 1912 г. С. 126.

⁴⁹⁹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Кн.2. С. 59.

⁵⁰⁰ *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906 – 1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 368.

⁵⁰¹ *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906 – 1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 369.

понравилась не только Макарову, но и Щегловитову. Им обоим казалось, что этим умаляется значение местных властей, но выступать против меня открыто они еще не решались, — настолько резко было возмущение общественного мнения»⁵⁰². Как показали дальнейшие события, премьер-министр оказался в выигрышной ситуации. «Мой расчет оказался верен. Такое заявление произвело на Думу и печать наилучшее впечатление; даже “Новое Время” отозвалось с похвалою о моей решимости, и страсти неожиданно поднявшиеся, — столь же быстро улеглись, и Дума через день вернулась к своей будничной работе» — отмечал в своих мемуарах Коковцов⁵⁰³.

Император возложил руководство комиссией по расследованию обстоятельств Ленского дела на бывшего министра юстиции С.С. Манухина, который, по словам С.С. Ольденбурга, пользовался общественным доверием⁵⁰⁴. Забастовки пошли на убыль, общество было удовлетворено расследованием, поскольку Манухин пришел к выводу, что правление Ленского товарищества проявило непонимание нужд рабочих, отказывая им в улучшении быта, и что местная полиция допустила как бездействие, так и превышение властных полномочий⁵⁰⁵. Дело кончилось тем, что комиссия решила предать суду ротмистра Трещенкова — «стрелочника», по определению К.Ф. Шацилло⁵⁰⁶. Впоследствии опального ротмистра оправдали ввиду того, что его действия признали самообороной перед лицом огромной разъяренной толпы.

В заключение данной главы можно сделать следующие выводы: во-первых, ленские события по-настоящему всколыхнули российскую общественность, вызвав волну возмущения в либеральных кругах. Во-вторых, разъяснения А.А. Макарова по поводу ленских событий не только не удовлетворили общественно-политические круги, но и нанесли сильный удар

⁵⁰² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн.2. С. 59.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. С. 461.

⁵⁰⁵ Там же. С. 462.

⁵⁰⁶ Шацилло К.Ф. Ленский расстрел и царское правительство. С. 387.

по репутации министра внутренних дел. В-третьих, А.А. Макаров не только не сумел погасить волну негодования в обществе, но и спровоцировал новые нападки на власть, отбиваться от которых пришлось уже премьер-министру В.Н. Коковцову, который смог заглушить назревавший конфликт. А.В. Богданович оставила в своем дневнике яркое описание внутривластной ситуации в России после ленских событий: «При теперешнем составе Совета министров просвета не видно: виляющий Коковцов угрожает многими бедами, законник Макаров или, как его называют, “добрый нотариус”, сидит на своем месте, чтобы произвести хаос во всей России. Губернаторы без руля и без ветрил мечутся, не зная, какого курса держаться, “левые и правые” всем недовольны, никто из них не понимает теперешнего министра внутренних дел – безвластного законника. Печать распустилась до невозможных пределов. Грызня и злоба царствуют в Совете министров. Дума скандалит вовсю, чтобы быть переизбранной»⁵⁰⁷. Впоследствии, генеральша оставит еще более резкую запись: «По-моему, Макаров – это печальная пародия на министра внутренних дел»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁷ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 457. Л. 35.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 58(об).

Глава 5. Выборы в IV Государственную думу и отставка А.А. Макарова с поста министра внутренних дел.

Ленские события произвели неизгладимое впечатление на российскую общественность и оставили глубокий след в карьере А.А. Макарова. Министру внутренних дел не удалось справиться с возложенной на него обязанностью успокоить общество, разъяснив ему обстоятельства трагедии на золотых приисках. К концу апреля 1912 года волнения среди рабочих двух столиц и других крупных городов пошли на спад. Однако впереди министра внутренних дел ожидало еще одна проверка на прочность, более серьезная и ответственная нежели ликвидация последствий ленских событий.

§1. Предвыборная кампания.

На осень 1912 года были намечены выборы в Государственную Думу IV созыва. Важнейшую роль в организации и проведении выборов играло министерство внутренних дел⁵⁰⁹. Поскольку оно обладало всей необходимой информацией, в его обязанности входило осуществление общего надзора за правильным производством выборов, толкование вопросов, которые ставились губернскими комиссиями относительно особенностей техники делопроизводства, связанного с выборами⁵¹⁰. Выборы в избирательных собраниях должны были производиться в один и тот же день по всей империи. День этот определялся Императором, о котором именно министр внутренних дел сообщал Правительствующему Сенату для опубликования этой информации⁵¹¹.

Третья Дума, отработавшая полный пятилетний срок, завершила свою деятельность 9 июня. Это событие сопровождалось атмосферой полной политической неопределенности и разброда⁵¹². «Выборы 1912 г. проходили в условиях, резко отличавшихся от обстановки выборов в III Думу в 1907 г.» –

⁵⁰⁹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 10. 1911. Д. 5, 6, 7, 8; 1912. Д. 1, 2, 3, 4, 5;

⁵¹⁰ *Потякин А.А.* Участие министерства внутренних дел Российской империи в создании правовой базы выборов. История государства и права, М. 2004, №1. С. 39 – 41. С. 39.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. С. 460.

писал А.Я. Аврех. «Тогда в стане контрреволюции и реакции царил оптимизм, вера в способность царизма и Думы совместными усилиями похоронить навсегда революцию. Теперь от этих надежд ничего не осталось. Период с 1911 года и в экономическом, и в идейном отношении отличается противоположными чертами: неспособность контрреволюции к дальнейшему наступлению, пробуждение демократии и т.д.»⁵¹³.

Последняя сессия Думы ознаменовалась прениями о морской программе и конечным ее принятием, а также выпадом лидера октябристов А.И. Гучкова в адрес военного министра Сухомлинова по случаю т.н. «Дела Мясоедова». Как и ожидалось, такая попытка октябристов раздуть предвыборный пламень обернулась для них полным позором, апогеем которого стала дуэль Гучкова и полковника Мясоедова⁵¹⁴. Между тем, Государственный совет решил заявить о своей самостоятельности и 5 июня принял рассмотренный ранее в согласовании с Думой законопроект о введении земств в Оренбургской, Астраханской и Ставропольской губерниях и, несмотря на возражения правительства, проект о принятии на счет казны некоторых земских и городских расходов⁵¹⁵. Необходимо отметить, что правительство и Государственный совет так и не могли найти общий язык после мартовского кризиса 1911 года, так что, нормальные рабочие отношения между ними отсутствовали. Поскольку правительство не имело на тот момент отчетливой стратегии, каждая партия пыталась выстроить свою предвыборную стратегию: октябристы и кадеты спровоцировали скандальную сессию Думы, националисты потеряли инициативу и оказались между властью и оппозицией⁵¹⁶. Общий кризис третьеиюньской системы находил свое отражение в усилении критического отношения к действиям правящих кругов и к системе в целом со стороны октябристов. Подчеркивая законодательную

⁵¹³ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 20.

⁵¹⁴ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С. 180.

⁵¹⁵ Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906 – 1917. М., 2006. С. 98.

⁵¹⁶ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С. 184.

плодовитость 3 Думы (т.е. свою собственную), они вынуждены были публично признать, что за пять лет практики сотрудничества с правительством, «кроме разочарования, ничего не получили»⁵¹⁷. Именно в такой атмосфере полной политической неопределенности А.А. Макарову предстояло обеспечить проведение выборов в Думу нового созыва.

Едва успела третья Дума завершить свою работу, как на нее тут же обрушился шквал критики в прессе, как в правой, так и в либеральной. Наиболее внятный итог ее деятельности подвела «Русская мысль»: «Пятилетняя деятельность в России представительных учреждений, ее ничтожные итоги в области назревших государственных реформ, ставят среди других, более серьезных моментов современной политической жизни интересный вопрос о том, что же сделала Государственная дума, ее избранные населением члены в использование предоставленного им по закону права законодательного почина»⁵¹⁸. Со стороны правоконсервативных кругов в адрес третьей Думы также звучали обвинения в бесплодности и бледности – князь Мещерский обращал внимание на то, что народное представительство не смогло явить ни одного настоящего государственного деятеля⁵¹⁹. В связи с этим может возникнуть вполне справедливый вопрос – какие ожидания наполняли общество перед выборами и формированием новой Думы? Не менее важным представляется и вопрос о влиянии министерства внутренних дел на проведение выборов – каким образом министр Макаров исполнял свои обязанности? Поскольку за выборы в Думу и Государственный совет отвечало министерство внутренних дел, будущие законодатели еще в статусе кандидатов в депутаты были вынуждены выстраивать отношения с правительством и его агентами на местах. В свою очередь администрация могла существенно влиять на избирательный процесс, отчасти предопределяя

⁵¹⁷ Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л., 1984. С. 506.

⁵¹⁸ Русская мысль. 1912. №9. С. 150.

⁵¹⁹ Дневники // Гражданин. 1912. №24. С.10.

характер работы представительных учреждений⁵²⁰. При всем разнообразии мер контроля за выборами, бывшими в распоряжении правительства, все же было бы неверным преувеличивать его могущество. Отсутствие организованного аппарата управления, разрозненность действий чиновников разных ведомств сводили на нет попытки столичной администрации повлиять на исход избирательной кампании⁵²¹. Тем не менее, общественность болезненно воспринимала любые попытки власти повлиять на выборы, в чем мы сможем убедиться ниже.

Очевидно, что с самого начала предвыборной подготовки вскрылась масса проблемных мест и т.н. «острых углов». Одной из таких проблем стала политическая активность духовенства. Через несколько дней после роспуска Думы возникли слухи об активном привлечении к предвыборной кампании духовенства⁵²². Сразу возник вопрос: следует ли ограничивать количество представителей духовного сословия в народном представительстве? Министерство внутренних дел неоднократно разъясняло, что количество духовенства в III Думе должно считаться максимальным и увеличение его крайне нежелательно⁵²³. Однако определенные опасения наблюдались в либеральных кругах. «Вестник Европы» с нескрываемым беспокойством рассуждал: «Духовенство познало силу, данную ему избирательным законом 3 июня, и отнюдь не намерено быть орудием в чужих руках. Оно ведет кампанию самостоятельно. Между губернаторами и архиереями кое-где уже произошел формальный разрыв. Министерство озабочено, можно ли рассчитывать на доброжелательное содействие епархиального начальства»⁵²⁴. В подобном ключе отзывалась и «Русская мысль», хотя и апеллировала к октябристам: «...все правые партии, вплоть до октябристов, не столько заботятся о своих

⁵²⁰ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906 – 1914). М., 2011. С. 344.

⁵²¹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России (1906 – 1914). С. 357.

⁵²² Гайда, Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С.188.

⁵²³ Кризис самодержавия в России. С. 506.

⁵²⁴ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1912. №5. С. 429.

программах и платформах, сколько о снабжении начальства точными сведениями, где кроется “жидо-кадетская” опасность, и в какую сторону власть должна устремить свою разъяснительную и предупредительную деятельность. Так октябрист Еропкин усмотрел большую опасность в духовенстве и не постеснялся просить министерство внутренних дел выделить духовенство в особую курию»⁵²⁵. Однако разные силы включились в борьбу за выделение священников в особое избирательное собрание. Гучков вел об этом переговоры с Коковцовым, который не возражал и, более того, говорил о принципиальном согласии на эту меру и министра внутренних дел А.А. Макарова. Однако, по мнению лидера октябристов, положительное решение этого вопроса требовало активной позиции самой партии⁵²⁶.

Петербургская «Речь» обвиняла духовное ведомство в «сепаратизме», т.е. в попытках отгородиться от будущей Думы, умолчав о своей программе. Однако, получив некоторый отпор, представители Синода заявили о готовности познакомить 4-ю Думу с планом своих работ. Здесь «Речь» пришла к выводу, что никакой программы действий у духовного ведомства нет⁵²⁷. Вполне возможно, что кадеты тем самым хотели показать, что духовенство выступает в качестве инструмента в проведении выборов в пользу правых. «Русские ведомости», напротив, воспринимали все планы по введению в Думу большого числа представителей духовенства не иначе, как шутку со стороны правых⁵²⁸. Октябристский «Голос Москвы» прямо обвинял обер-прокурора Синода в участии в предвыборных махинациях: «В.К. Саблер уклончиво заявил, что Синод дальше не может влиять на выборы. Этот неожиданный оборот предвыборной махинации поставил в очень щекотливое положение министра внутренних дел»⁵²⁹. В том же ключе рассуждал князь Мещерский в

⁵²⁵ Русская мысль. 1912 г. №4. С.2.

⁵²⁶ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. Л., 1990. С. 357.

⁵²⁷ Волгин П. Духовное ведомство перед 4-й Гос. Думой // Речь, 19 сентября (2 октября) 1912 г.

⁵²⁸ 350 священников-депутатов // Русские ведомости, 6(19) сентября 1912 г.

⁵²⁹ Голос Москвы, 25 сентября (8 октября) 1912 г.

«Гражданине», привлекая к этому фигуру товарища министра внутренних дел А.Н. Харузина: «Я все спрашиваю себя: что бы было, если бы вместо господина Харузина и г. Саблера, восседающих в Петербурге и управляющих диктаторски выборным делом для 4-й Гос. Думы по всей России, ничего не зная действительного и правдивого о том, что в десятках тысяч углов этой бедной России делается, – эти выборы предоставлены были по местам общему заведованию губернаторов, предводителей дворянства губернского и уездного, земских начальников и местного духовенства, а в городах комитету из городского головы, председателя уездной управы и т.д.»⁵³⁰. В это же время октябристы дошли до прямой критики министра внутренних дел, который, по их мнению, позволил обер-прокурору проводить свою самостоятельную политику в отношении выборов. В чем заключалась эта политика, газета определила более чем жестко: «Саблером навязана духовенству роль карательной экспедиции против неугодных партий. Эта унижительная роль вызывает чувство справедливого негодования в обществе и горькой обиды в самом духовенстве»⁵³¹. Более того, «Голос Москвы» сделал еще один выпад в сторону А.А. Макарова, используя для этого сообщение о заседании предвыборной комиссии в министерстве внутренних дел: «На днях в министерстве внутренних дел состоялось заседание предвыборной комиссии, на котором обсуждался вопрос о роли уполномоченных от духовенства на предстоящих выборах. Оказывается, что в начале предвыборной кампании между министром внутренних дел и обер-прокурором В.К. Саблером состоялось соглашение, по которому духовенство должно было пропустить в Думу две трети светских лиц из правого лагеря и только одну треть из своей среды»⁵³².

С чем может быть связано желание правительства использовать духовенство в своих целях в ходе выборов в Думу? Еще в начале сентября

⁵³⁰ Дневники // Гражданин. 1912. №41. С. 12.

⁵³¹ Голос Москвы, 28 сентября (11 октября) 1912 г.

⁵³² Там же, 25 сентября (8 октября) 1912 г.

милюковская «Речь» пыталась обозначить данный вопрос, говоря о том, что правые выставляют весь свой политический актив, насколько последний может быть интересен для духовенства, анонсируя свою «церковную» программу. «Напрасно, – утверждал публицист, – правые тратят порох на убеждения избирателей, хотя бы и духовных. Такое оружие им не подходит. Поддержка духовенства им обеспечена, она будет оказана не в силу сочувствия масс духовных избирателей, их программе и благодарности за их заслуги, а в силу лишь избирательной механики»⁵³³. А.Я. Аврех так высказывался о связи правых и духовенства в предвыборной кампании: «Помимо этого, правительство и само не желало, не могло желать создания Думы с полным преобладанием черносотенного большинства. Одним из свидетельств такого нежелания было его отношение к избранию священников. В распоряжении правительства было все-таки реальное средство обеспечить в Думе черносотенное большинство, не прибегая формально к изменению третьеиюньского избирательного закона, а только злоупотребляя им, – избрание большого числа лиц духовного звания. Тем не менее несмотря на то, что мобилизация духовенства носила поистине всероссийский характер и священники голосовали по команде своего епархиального начальства, в 4 Думу оказалось избранным ровно столько лиц духовного сана, сколько их было в 3 Думе»⁵³⁴. Таким образом, общественность, политические круги связывали политическую активность духовенства с желанием правительства повлиять на будущий состав Думы. В этой связи фигура министра внутренних дел А.А. Макарова представлялась в прессе в качестве одной из главных действующих лиц в данной предвыборной комбинации.

Итак, активизация и «мобилизация» духовенства перед выборами в Думу была одним из способов, с помощью которых власть формировала состав народного представительства. О прямом вмешательстве правительства в

⁵³³ Речь, 4(17) сентября 1912 г.

⁵³⁴ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 23.

выборы пресса писала с удивительным энтузиазмом. Особенно усердствовали либералы: «...господство охран, уничтожающих неприкосновенность личности, обесценивающих не только свободу, но и жизнь; бесправие печати, отданной во власть местных администраторов; трудно преодолимые преграды на пути образования обществ и, еще более, устройства собраний – вот обстановка, при которой будут происходить выборы в Государственную Думу. Можно сказать, не обинуясь, что она еще хуже той, при которой была выбрана третья Дума» – писала «Русская мысль»⁵³⁵. «Биржевые ведомости» возмущались тем, что правительство ограничивало агитацию среди избирателей: «Достаточно указать на то, что даже умеренно-оппозиционные партии лишены были возможности предварительно ознакомить своих избирателей и вообще население со своими платформами»⁵³⁶. В номере от 16 сентября публицист газеты писал, что разъяснительный аппарат действует с усиленной энергией. Но в отдельных местах основная цель – устранение нежелательных избирателей, – достигается и без участия этого аппарата⁵³⁷. В похожем ключе о ходе избирательной кампании сообщала «Речь», указывая на деятельность местной администрации: «Вместе с опубликованием избирательных списков начинают обнаруживаться результаты “разъяснительной” деятельности на местах. Устранение неудобных лиц из списков будет произведено, по-видимому, достаточно энергично, и для этого пускаются в ход приемы, как те, которые уже получили право гражданства во время предыдущих избирательных кампаний»⁵³⁸. В газете это объясняли тем, что развитие административного быта в течение последних пяти лет якобы создало крайне упрощенный взгляд на соблюдение правовые нормы. Сообщалось, что местные органы прямо идут к цели, совсем не заботясь ни о каких комментариях, ни о каких толкованиях и юридических оболочках. И

⁵³⁵ Русская мысль. 1912. №9. С.3.

⁵³⁶ Биржевые ведомости, 15(28) сентября 1912 г.

⁵³⁷ Там же. 16(29) сентября 1912 г.

⁵³⁸ Речь, 2(15) сентября 1912 г.

непосредственность их так велика, что даже министерству внутренних дел приходится сдерживать их порывы.⁵³⁹ Октябристский «Голос Москвы» также жаловался на происходящее: «Ясно, что речь идет о вопросах выборной тактики, не одинаковой в различных районах России, но одинаково направленной против сплоченной оппозиции»⁵⁴⁰. Тем самым, мы видим, что по мнению либеральной оппозиции важным инструментом «делания» выборов было прямое вмешательство властей. Это осуществлялось, в основном, путем удаления из списков целых категорий и отдельных избирателей, учинения помех для участия в голосовании и других форм нажима на всех уровнях⁵⁴¹.

Необходимо отметить, что правоконсервативная печать не отмалчивалась и не оставалась в стороне от общественно-политической полемики касательно предстоящих выборов. Ее главной задачей было не столько оправдать власть в ее попытках повлиять на ход выборов, сколько убедить общество в том, что это вполне естественно и даже необходимо. «Киевлянин» так подошел к реализации данной задачи: «Ход избирательной кампании, вполне естественно, вызывает многочисленные жалобы наших левых, которые не оказываются победителями. Не желая сознаться в том, что виновниками испытываемых поражений являются они сами, представители нашей оппозиции сваливают всю вину на правительство, которое будто бы оказывает давление на избирателей и понуждает последних, вместо желанных кадетов и социалистов, выбирать в четвертую Думу представителей центра и правых партий»⁵⁴². Столичное «Новое время» не стало нападать в ответ на левых, но попыталось показать естественность вмешательства власти в выборы: «Начавшиеся выборы в четвертую Думу со всею очевидностью обнаружили дальнейший сдвиг вправо, т.е. даже по сравнению с третьей Думой, имевшей большинство достаточно уверенное. Так как этот сдвиг

⁵³⁹ Речь, 2(15) сентября 1912 г.

⁵⁴⁰ Голос Москвы, 13(26) сентября 1912 г.

⁵⁴¹ Кризис самодержавия в России. С.507.

⁵⁴² Киевлянин, 22 сентября (5 октября) 1912 г.

совершился несомненно при благосклонном содействии правительства, то естественно складывается убеждение, что третья Дума по своей политической окраске не удовлетворяла правительство»⁵⁴³. Главным, по мнению публициста, для правительства является формирование надежной и работоспособной Думы, для чего не следует гнушаться никакими средствами. «Гражданин» также высказался в подобном ключе: «Правительство никак не могло относительно думских выборов предоставить судьбу голосований случаю и отказаться от всякого на них влияния, и не могло не потому, что оно принципиально признавало необходимым давление на выборы, а потому что при условиях, в которых находятся выборы в Гос. Думу, нельзя было их оставить на произвол судьбы»⁵⁴⁴. Таким образом, вопрос о степени вмешательства правительства в выборы вызвал острую полемику в прессе, и далеко не все политические силы однозначно на него отвечали.

В свою активную фазу выборы в Государственную Думу четвертого созыва вступили в сентября 1912 года. 31 августа был опубликован соответствующий указ, согласно которому выборы надлежало провести после 10 сентября, а открытие новой Думы назначалось на 15 ноября⁵⁴⁵. В первых числах сентября фракции отличались особой активностью, о чем лидер октябристов А.И. Гучков 3 сентября 1912 г. писал члену Харьковской губернской земской управы П.П. Добросельскому: «Предвыборная кампания началась, и партийная борьба разгорается с каждым днем все сильнее. Надо думать, что начавшаяся борьба и громадная важность ее результатов побудили наших октябристских деятелей на местах подсчитать и мобилизовать силы, равно как и учесть силы противников и наметить определенный план действий»⁵⁴⁶. Такая активность на местах была характерна для всех фракций, однако местные власти, не желая оказаться в числе неудачников, также не

⁵⁴³ Чем объединяется правительство // Новое время, 21 октября (3 ноября) 1912 г.

⁵⁴⁴ Дневники // Гражданин. 1912. №44. С. 12.

⁵⁴⁵ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С.190.

⁵⁴⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг. С. 260.

оставались в стороне от избирательной кампании. Они выступали инициаторами создания предвыборных блоков, играли роль посредников между различными политическими силами⁵⁴⁷. Тон письма Гучкова вполне уверенный, однако, стоит отметить, что на самом деле октябристы подошли к выборам в весьма кризисном состоянии. А.Я. Аврех отмечал в одной из своих работ, что с покровительством октябристам было покончено. Более того, правительственная избирательная машина использовалась против левых октябристских кандидатов. По этому поводу вся либеральная пресса подняла неистовый шум, обвиняя правительство в том, что оно хочет получить исключительно правонационалистическую Думу и не допускать в нее представителей «общества», т.е. октябристов и кадетов⁵⁴⁸. Ф.А. Гайда также обратил внимание на то, что в сентябре 1912 г. власть поставила точку во взаимоотношениях с октябристами⁵⁴⁹. Фракционная пресса не могла не отразить господствовавшие внутри партии тенденции и отношение к ней власти и оппонентов. Даже В.Н. Коковцов удостоился определенных отзывов в «Голосе Москвы»: «Ведь перед нами, во всяком случае, корректный премьер-министр, с самыми западными манерами, и при виде его нельзя себе представить, чтобы он заварил всю эту предвыборную кухню, из которой несет таким нестерпимым чадом»⁵⁵⁰. Несмотря на то, что фамилия министра внутренних дел не упоминается, мы можем считать, что октябристы в данном случае «метили» и в него.

Вообще, влияние правительства на проведение выборов стало едва ли не центральной темой в октябристской прессе в сентябре – октябре 1912 г. «Пусть стараются, – Дума не за горами. Пусть не видят, что такими стараниями кренят ее влево, как только могут» – осуждал действия правительства октябристский публицист⁵⁵¹. В очередной раз газета сообщала об «унизительной» роли

⁵⁴⁷ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. Л., 1990. С. 350.

⁵⁴⁸ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 162.

⁵⁴⁹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С. 192.

⁵⁵⁰ Делают выборы // Голос Москвы, 19 сентября (2 октября) 1912 г.

⁵⁵¹ Там же.

духовенства в выборной кампании: «Почти всюду, где состоялись выборы, духовенство, подавляя численностью землевладельцев, проводило своих кандидатов»⁵⁵². Более того, октябристы откровенно заявляли о том, что церковный причт получил вполне определенный приказ – поддерживать на выборах «врагов» народного представительства⁵⁵³. «Русская мысль» также подметила упадок в стане октябристов, однако утверждала, что это не повлияет на ход выборов, а проявится впоследствии в ходе работы в четвертой Думе: «Октябристы сейчас переживают глубокий внутренний кризис. Но в виду того, что настоящая кампания будет вестись “в темную”, нет оснований думать, что раскол проявится во время выборов. Вернее всего, он скажется в явственной форме только после выборов, уже в четвертой Думе»⁵⁵⁴. После выборов в «Голосе Москвы» вышла любопытная заметка, в которой октябристы попытались высказать все свои обиды на власть, которая окончательно отказалась от сотрудничества с ними в рамках народного представительства. «Министерство внутренних дел весьма интересовалось исходом выборов в Москве; неперенный член особого городского присутствия по телефону известил министра внутренних дел об исходе голосования и затем отправил в Петербург несколько телеграмм с подробными данными о московских выборах» – писал публицист⁵⁵⁵. Далее следовала реакция на состав новой Думы: «Теперь правительство может быть совершенно спокойно. Оно может быть вполне уверено, что не услышит неприятных слов ни о безответственных лицах на ответственных постах, ни о “шептунах”, ни об очагах беззакония, ни о шарлатане Распутине. <...> При таких условиях для правительства раскрываются самые радужные перспективы в четвертой Думе»⁵⁵⁶. В заключение автор самым эмоциональным образом подвел итог: «В проигрыше,

⁵⁵² Голос Москвы, 19 сентября (2 октября) 1912 г.

⁵⁵³ Голос Москвы, 2(15) октября 1912 г.

⁵⁵⁴ Русская мысль. 1912. №9. С.2.

⁵⁵⁵ Голос Москвы, 20 октября (2 ноября) 1912 г.

⁵⁵⁶ Там же.

прежде всего, будущая четвертая Дума!»⁵⁵⁷. Таким образом, октябристы оказались не востребованными правительством, с дискредитированным лидером и практически парализованной предвыборной деятельностью. Перспективы фракции в новой Думе были весьма туманны, в связи с чем октябристы пытались свалить все свои проблемы на правительство, в частности, на министерство внутренних дел, которое, по их мнению, прямо вмешивалось в ход выборов.

Кадеты обращали особое внимание на довольно необычный характер выборной кампании, естественным образом связывая это с действиями правительства. В «Биржевых ведомостях» сообщалось о разных приемах, которые использовала власть, чтобы повлиять на выборы. Среди них фигурировали «разъяснения, исключения, фальсифицированные списки, произвольное разделение на курии»⁵⁵⁸. Кроме того, отмечалось равнодушие основной массы населения к выборам, что вызывало видимость некоторого затишья: «Страна проходит первую стадию избирательной кампании в 4-ю Думу. Чем характеризуется эта стадия? Прежде всего, почти полным отсутствием избирательной агитации. Тихо. Тихо так, как если бы дело вовсе и не шло о политическом действии первостепенной важности»⁵⁵⁹. Однако, внешняя тишина и безразличие были ничем иным, как иллюзией, «Речь», напротив, обращала внимание читателей на энергичные действия правительства в «делании» думских выборов: «Несмотря на видимое на видимое наружное равнодушие к предстоящим выборам, они стоят в центре общественного внимания, оттесняя на задний план все другие вопросы. Ни о чем другом не пишут газеты, ничем другим не занято правительство, устремив всю свою энергию на избирательную кампанию. Совершенно основательно правительство думает, что полагаться на этот видимый индифферентизм нельзя, что это кажущееся равнодушие чревато самыми неожиданными

⁵⁵⁷ Голос Москвы, 20 октября (2 ноября) 1912 г.

⁵⁵⁸ Биржевые ведомости, 2(15) октября 1912 г.

⁵⁵⁹ Там же, 20 сентября (3 октября) 1912 г.

сюрпризами. Поэтому энергия правительства вполне понятна. Выборы делаются»⁵⁶⁰. Газета писала об усиленной деятельности политических партий, которые имеют, пусть и ограниченную, но все-таки возможность вести агитацию. К ней даже прибегают правые, что по мнению кадетских публицистов не имеет смысла, поскольку успех правым обеспечивает не агитация, а самое обыкновенное административное давление и «избирательная механика»⁵⁶¹. Лишь в «ненадежные» губернии посылаются т.н. «гастролеры-ораторы»⁵⁶². В этой связи кадетская печать также заострила внимание на деятельности губернаторов. Наиболее сильное воздействие на выборы, по мнению кадетов, имело место в Нижегородской губернии, о чем не без иронии писали «Биржевые ведомости»: «Хвостовская губерния, кажется, подает первый пример ночных визитов в канцелярию по выборным делопроизводствам. Под знаком крамолы оказывается все, – вплоть до техники избирательной кампании»⁵⁶³.

Особенный интерес в контексте данного исследования представляют сообщения кадетской прессы о разногласиях между В.Н. Коковцовым и А.А. Макаровым по взглядам на проведение предвыборной кампании. Центральные учреждения не координировали свои усилия, часто оппонировали друг другу. Так, в ходе выборов в 4 Думу премьер Коковцов выражал недовольство «тактикой» министра внутренних дел Макарова. По мнению главы правительства, Макаров и Харузин выпустили из своих рук нити управления избирательной кампанией, отдав все на откуп местной администрации, которая порой занималась сведением личных счетов⁵⁶⁴. По всей видимости, расхождения между премьером и министром внутренних дел были настолько сильны и заметны, что потребовали некоторых объяснений. В номере «Речи» от 19 сентября опубликованы комментарии вышеуказанных лиц. В.Н.

⁵⁶⁰ Речь, 10(23) сентября 1912 г.

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Речь, 6(19) сентября 1912 г.

⁵⁶³ Биржевые ведомости, 2(15) октября 1912 г.

⁵⁶⁴ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. С. 358.

Коковцов заявил, что считает незаконным запрещение предвыборных собраний, если эти собрания устраиваются «прогрессивными группами», и что в этом А.А. Макаров с ним абсолютно солидарен⁵⁶⁵. Министр внутренних дел, в свою очередь был крайне недоволен тем, насколько неправильно пресса, по его мнению, освещает ход предвыборной кампании и роль его ведомства в этом процессе⁵⁶⁶. Таким образом, и Коковцов, и Макаров, фактически опровергали слухи об их разногласиях, пытаясь убедить общественность в том, что предвыборная кампания продвигается нормально.

Спустя несколько дней «Речь» подводила промежуточные итоги, комментируя результаты избрания выборщиков. «Первое, что бросается в глаза при самом беглом чтении телеграмм, есть страшный разгром той партии, которая являлась ответственной за общий ход дел в третьей Г. Думе. Суд избирателей над тактикой октябристов совершился»⁵⁶⁷. В конце концов, публицист пришел к выводу, что предстоящая Дума будет без центра, поскольку 30 – 40 октябристских депутатов не будут играть никакой роли при определении думского курса»⁵⁶⁸. Таким образом, партия конституционалистов-демократов констатировала провал своих более умеренных коллег по оппозиции, и была вынуждена радоваться даже самым незначительным своим успехам, время от времени критикуя власть за воздействие на выборы. А.Я. Аврех в одной из своих работ отметил, что осенью 1912 г. кадеты даже совершили небольшой крен вправо, построив свою избирательную кампанию на блоке с прогрессистами и на лозунге «конституции поприще»⁵⁶⁹. Однако, вместе с этим, они были убеждены в том, что «полное раскрытие и свободное выражение народных чаяний и стремлений не представляется возможным, пока действует положение 3-го июня 1907

⁵⁶⁵ Речь, 19 сентября (2 октября) 1912 г.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Речь, 30 сентября (13 октября) 1912 г.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. С. 163.

года⁵⁷⁰. В качестве варианта по преодолению данного «препятствия» кадеты высказывали мысль о предвыборном единении всех оппозиционных партий и всех прогрессивно настроенных избирателей. «К победе, при действии нынешних избирательных правил и порядков, оно привести едва ли может, но ценным результатом будет и умаление торжества противников. Смысл выборов будет ясен и при поражении, если ему нет будет предшествовать разлад в среде оппозиции» – писал «Вестник Европы»⁵⁷¹. Однако, такое развитие событий было едва ли возможным в условиях организационного и идейного кризиса «Союза 17-го октября» и прямого воздействия на выборы представителей власти.

Правые, тем временем, обвиняли либеральную оппозицию во лжи. Крайне правая «Земщина» восклицала: «Итак, главный предвыборный козырь ка-дэков и октябрей – газетная предвыборная агитация, а главные пружины этой агитации – ложь, клевета и обман!»⁵⁷². Тем не менее, в некоторых вопросах правоконсервативные круги даже соглашались со своими политическими оппонентами, отмечая, в частности, крайне слабый интерес населения к выборам в четвертую Думу. «Московские ведомости» попытались предположить, чем обусловлено такое безразличие: «Равнодушие самих избирателей не может казаться чем-либо удивительным. Та система, которая введена у нас, т.е. парламентская система – естественно не может заинтересовать широкие массы. <...> Избиратели могли бы, вероятно, более горяче отнестись к выборам, если бы ждали от Думы улучшения общего устройства государственных учреждений»⁵⁷³. Спустя два месяца, в самый разгар выборной кампании, московская газета сохраняла все ту же риторику: «Прежде всего – избиратели приступают к выборам очень вяло. При всей краткости опыта, пройденного Россией на пути нашего “парламентарного”

⁵⁷⁰ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1912 г. №9. С. 339.

⁵⁷¹ Там же. С. 340.

⁵⁷² Володимиров С.А. Предвыборные заметки // Земщина, 18 сентября (1 октября) 1912 г.

⁵⁷³ Московские ведомости, 28 июля (9 августа) 1912 г.

режима, страна, видимо, значительно прозрела, и всякие преувеличенные оценки этого режима исчезают. <...> С другой стороны яснее начало сознаваться то обстоятельство, что партийное представительство не имеет ничего общего с представительством народным»⁵⁷⁴. Таким образом, публицист отмечал, что население не уверено в способности народного представительства как-либо влиять на ситуацию в стране. В связи с этим среди правых все чаще стали звучать рассуждения о необходимости столь явного воздействия правительства на выборы. «Исход выборов, таким образом, всецело будет зависеть от партий, да, конечно, еще от правительства» – писали «Московские ведомости»⁵⁷⁵. О степени влияния правительства на выборы писал и князь Мещерский: «Читая в газетах сведения о предвыборной агитации в провинции, приходишь к двум главным впечатлениям. Первое заключается в том, что хотя в начале нового режима правительство сочло себя обязанным официально высказаться против всякого давления местных властей на думские выборы, в данную минуту, перед выборами в четвертую Гос. Думу, по камертону из Петербурга, происходит усиленное давление местных властей по всем губерниям»⁵⁷⁶. Второе впечатление, возникшее у князя, заключалось в том, что хотя давление на выборщиков со стороны местных властей очень сильно, но зато объекты этого давления представлялись не только неясными и неопределенными, но в иных случаях даже сомнительными для интересов правительства⁵⁷⁷. Для чего правительство так стремилось повлиять на исход выборов? Правые вполне конкретно отвечали и на этот вопрос. «Главное значение в происходящей борьбе имеет разрешение вопроса, удастся ли составить прочное и сильное большинство в четвертой Гос. Думе, и если удастся, то какое: правое или левое» – писал профессор С. Богданов в «Киевлянине»⁵⁷⁸. «Земщина» в своем стиле бравурно восклицала: «И, если

⁵⁷⁴ Московские ведомости, 18 сентября (1 октября) 1912 г.

⁵⁷⁵ Там же, 28 июля (9 августа) 1912 г.

⁵⁷⁶ Дневники // Гражданин. 1912. №36. С.14.

⁵⁷⁷ Там же.

⁵⁷⁸ Богданов С. Подготовительная борьба // Киевлянин, 15(28) ноября 1912 г.

правительство наше желает, в чем и не имею основания сомневаться, чтобы хоть 4-я Дума была национальной, была “русской по духу”, оно должно твердить русским людям: не выбирайте слабых. Выбирайте сильных!»⁵⁷⁹. Таким образом, правые признавали прямое вмешательство власти в выборы, но оценивали его по-разному, пытаясь рационально объяснить мотивы деятельности правительства, представляя их вполне естественными в сложившейся ситуации.

§2. Результаты выборов. Открытие IV Государственной думы.

Официальное Санкт-Петербургское агентство изо дня в день печатало статистику выборов, из которой следовало, что правые имели 57 процентов выборщиков, оппозиция – около 50 процентов, октябристы – всего 10⁵⁸⁰. Разумеется, общество ожидало, что новая Дума будет правая, и либеральная пресса уже готовилась обрушить очередной шквал критики на всех вокруг. Первая официальная статистика на первый взгляд подтверждала ожидания: правых депутатов насчитывалось 146 человек, националистов – 81, октябристов – 80, всей оппозиции – 130⁵⁸¹. К.А. Соловьев так пишет о результатах выборов, немного корректируя цифры, данные Ольденбургом: «История уже дала оценку выборам в IV Государственную Думу. Их результаты стали следствием прямого вмешательства властей в электоральный процесс. Представители ведущих политических партий яростно обвиняли администрацию в тотальном подлоге и фальсификациях»⁵⁸². Исследователь заявляет, что формальный анализ результатов выборов, казалось бы, подтверждает их выводы. В IV Думе фракция октябристов составила 100 депутатов, националистов – 88, правых – 65, кадетов – 59, прогрессистов – 48, центра – 32, социал-демократов – 14, Трудовой группы – 10, Польского кола – 9. Левые фракции Думы в целом увеличили свое представительство со 130

⁵⁷⁹ Володимиров С.А. Предвыборные заметки // Земщина, 11(24) сентября 1912 г.

⁵⁸⁰ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. С. 463.

⁵⁸¹ Там же.

⁵⁸² Соловьев К.А. Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную Думу. С. 300.

депутатов до 143. Центр не досчитался многих депутатских кресел. Иными словами, на выборах в IV Думу наибольший успех имели правые фракции и правительство, которое их поддержало⁵⁸³. Еще одним итогом выборов стал провал октябристов, о чем торжественно сообщали «Московские ведомости» в номере от 23 октября: «Этими выборами нанесен жестокий удар партии октябристов. Их лидер, А.И. Гучков, настолько выброшен за борт политики, насколько этого могли достигнуть силы 34 000 московских избирателей»⁵⁸⁴. Петербургские «Биржевые ведомости» ограничились сухой констатацией факта: «Как и в Москве, в Петербурге октябристы потерпели жестокое поражение»⁵⁸⁵, а «Голос Москвы» ожидаемо и с негодованием предрекал новой Думе полный провал, заявляя, что без ответственного работоспособного большинства она работать не сможет. «Дума без ответственного работоспособного большинства, Дума без определенного направления заранее обречена либо на бесплодное топтание на месте, либо на ряд законодательных сюрпризов, которых нельзя будет предсказать даже за пять минут до голосования» – утверждал октябристский публицист⁵⁸⁶.

Казалось бы, победа правых, а, следовательно, и правительства, на выборах в четвертую Думу была очевидной и весьма уверенной. Согласно предварительным данным, министерство внутренних дел и его глава А.А. Макаров в целом справились со своим делом, оказав достаточно ощутимое влияние на результаты выборов. По всем формальным признакам Макаров выполнил свои обязанности, обеспечив правую по своему составу Думу. Однако истинная расстановка сил в новой созыве народного представительства стала проясняться уже в начале ноября, когда в столицу начали съезжаться депутаты со всех концов империи. Первым «забило тревогу» столичное «Новое время»: «Партийная группировка в четвертой Думе по-видимому будет в

⁵⁸³ Соловьев К.А. Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную Думу. С. 296.

⁵⁸⁴ Московские ведомости, 23 октября (5 ноября) 1912 г.

⁵⁸⁵ Биржевые ведомости, 27 октября (9 ноября) 1912 г.

⁵⁸⁶ Голос Москвы, 15(28) ноября 1912 г.

значительной степени расходиться с той, которая составила по данным спб. Агентства. Число правых уменьшится, за счет правых усилятся умеренные, националисты и октябристы. Судя по всему, на правом фланге вместо двух прежних групп будет еще промежуточная группа умеренно-правых»⁵⁸⁷. Ему вторили «Московские ведомости», поделившись в передовице ожиданиями от новой Думы: «*Alea jacta est!* Теперь уже с уверенностью можно сказать, что в 4-й Думе правые абсолютным большинством обладать не будут. Главная причина этого явления та, что жизнью государственно-партийной, по парламентским образцам, русский народ существовать совершенно не может»⁵⁸⁸. Петербургская «Речь» заявила, что правительство уже недовольно реальными результатами выборов: «Как передают в хорошо осведомленных кругах, особенно недоволен результатами выборов В.Н. Коковцов. Председатель Совета министров был противником многих из тех мероприятий, которые были применены товарищем министра внутренних дел А.Н. Харузиным, с согласия А.А. Макарова. Последний уверял, что в четвертой Думе безусловно будет правое большинство, и в виду категоричности этого заявления ему были даны очень широкие полномочия»⁵⁸⁹. Что же произошло в ходе выборной кампании? Неужели усилий министерства внутренних дел оказалось недостаточно, чтобы сформировать лояльную правительству Думу? В ответ на это вопрос в историографии существует несколько мнений. Советский историк А.Я. Аврех утверждал, что проигрыш министерства внутренних дел был вызван тем, что Макаров слишком многое доверил своему заместителю Харузину. «Славу Крыжановского как “мага и волшебника” по части делания выборов в 3-ю Думу совершенно затмил его преемник товарищ министра внутренних дел Харузин. Он развернул деятельность в духе тех рекомендаций, которые изложил нижегородский губернатор Хвостов на заседании Совета министров совместно с губернаторами, посвященном

⁵⁸⁷ Новое время, 30 октября (12 ноября) 1912 г.

⁵⁸⁸ Московские ведомости, 1(14) ноября 1912 г.

⁵⁸⁹ Речь, 30 октября (12 ноября) 1912 г.

подготовке к избирательной кампании» – писал исследователь⁵⁹⁰. Стремление правительства создать в Думе правое большинство, на которое указывала либеральная пресса, Аврех опровергает, поскольку при сохранении в неизменном виде третьеиюньского избирательного закона, рассчитанного на получение Думы именно с двумя большинствами⁵⁹¹. Ф.А. Гайда в своей монографии сделал вывод, что власть попросту разделилась в своих взглядах на проведение выборов: В.Н. Коковцов явно заигрывал с торгово-промышленниками и октябристами, а А.А. Макаров опирался на применение административных мер и делал ставку на правых⁵⁹². В итоге, как утверждает исследователь, проиграли обе стороны⁵⁹³. К.А. Соловьев также обращает внимание на то, что в четвертой Думе так и не сложилось правое большинство, однако считает, что «октябристский маятник» мог продолжать действовать, несмотря на видимое поражение октябристов и кризис их фракции⁵⁹⁴. Что касается расстановки сил в народном представительстве, то здесь исследователь считает неоправданным истерику в либеральной прессе по поводу потери своих позиций в Думе. Если отказаться от традиционной группировки фракций на правое и левое крыло и центр, то политический облик IV Думы может показаться совсем иным – утверждает К.А. Соловьев. Так, во фракции либеральной ориентации в III Думе входили 236 депутатов, а в IV думе – 207. Иными словами, их совокупные потери кажутся не столь уж значительными⁵⁹⁵. Он объясняет это тем, что фракция октябристов лояльная правительству в III Думе, была, в целом, настроена оппозиционно в четвертой. Это, в свою очередь, обеспечивало принципиально иную расстановку сил в

⁵⁹⁰ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. С. 161.

⁵⁹¹ Там же. С. 162.

⁵⁹² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С. 201.

⁵⁹³ Там же.

⁵⁹⁴ Соловьев К.А. Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную Думу. С. 296.

⁵⁹⁵ Там же.

народном представительстве⁵⁹⁶. Таким образом, нетрудно сделать вывод, что результаты выборов в Государственную думу 4-го созыва не оправдали ожидания ни одной из политических сил. Власть так и не смогла прийти к согласию в вопросе о степени влияния на выборы и, соответственно, не имела четкого алгоритма действий, фактически списав все на усмотрение местных властей, которые нередко «перегибали палку» в своем воздействии на выборы. Октябристы окончательно разорвали свои прежние отношения с властью и ожидаемо провалили предвыборную кампанию, во многом по вине своего руководителя А.И. Гучкова. По сведениям чиновника особых поручений при председателе Совета министров А. Куманина они обвиняли в провале своего лидера администрацию Москвы, которая, по их утверждению, муссировала среди именитого купечества слухи: «Если хотите войны и ослабления торговых оборотов – выбирайте Гучкова»⁵⁹⁷. Казалось бы, кадеты должны были удовлетвориться результатами выборов, поскольку 56 мест в народном представительстве следует признать некоторым успехом для их фракции. Однако и они проявили свое недовольство, вызванное чрезмерным, по их мнению, вмешательством министерства внутренних дел в проведение выборов, что позволило им говорить о стремлении правительства выдавить оппозиционные партии из Думы. На 7 ноября было назначено заседание фракции народной свободы, где предполагалось представить план ближайших тактических действий в Государственной думе⁵⁹⁸. В некоторой степени могли быть довольны результатами выборов набиравшие силу и влияние прогрессисты. Они демонстративно отказались от составления партийной программы и смогли провести в Думу 28 своих депутатов, что было для них несомненным успехом⁵⁹⁹.

⁵⁹⁶ Соловьев К.А. Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную Думу. С. 296.

⁵⁹⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп .8. Д. 9. Л. 129.

⁵⁹⁸ Там же. Л. 131.

⁵⁹⁹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С. 201.

Первая сессия IV Государственной Думы открылась 15 ноября 1912 года. В донесении Куманина, датированном этим же днем, излагается следующее: «Правые октябристы уверяют националистов, что все правое крыло союза 17 октября стало жертвой обмана со стороны уполномоченных от союза 17 октября вести переговоры об избрании президиума, так как уполномоченные эти заявили будто националисты поставили ультиматум: или разрыв, или проведение председателем, его товарищем и секретарем Балашева, Левашева и Замысловского, тогда как теперь уже установлено, что переговоры были прерваны даже до упоминания о каких бы то ни было именах. Высказываются надежды, что сегодняшний блок и сегодняшние выборы – ненадолго. Пока же националисты и правые образуют патриотическую оппозицию случайному думскому большинству»⁶⁰⁰. В этот же день состоялись выборы председателя народного представительства. Как уже было сказано выше, существовавшее на бумаге правое большинство растаяло, как только депутаты съехались в Петербург. Не менее существенным оказался тот факт, что на сей раз октябристы проходили вопреки желанию власти, что определенно сказалось на выборах председателя и президиума⁶⁰¹. Октябристы вошли в соглашение с левыми, и председателем был переизбран М.В. Родзянко, несмотря на то что правые и националисты голосовали против него⁶⁰². Товарищами председателя были избраны князь В.М. Волконский и князь Д.Д. Урусов, секретарем – И.И. Дмитриуков. М.В. Родзянко в своей сжатой речи ответил на все волнующие в данный момент русское общество вопросы. Его слова о том, что «Дума четвертого созыва приступает к своим занятиям с неизменным чувством незыблемой, непоколебимой преданности своему Венценосному Вождю и стремится к осуществлению непосредственного единения Русского Царя со своим верным народом»⁶⁰³.

⁶⁰⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 9. Л. 133.

⁶⁰¹ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. С. 463.

⁶⁰² Там же.

⁶⁰³ Новое время, 16(29) ноября 1912 г.

Согласно донесению Куманина, программное выступление председателя Думы вызвало оживленные толки: Шидловский утверждал. Что состав президиума – результат блока националистов с правыми, Маклаков заявлял об отсутствии правого большинства, а Шингарев в этом контексте обращал внимание на антиправительственный характер текущей деятельности октябристов, но сомневался в их последовательности,⁶⁰⁴.

Ощущение полной неопределенности касательно будущей деятельности новой Думы царило в те дни в общественно-политических кругах. В IV созыве не было определенного большинства, но Дума и не демонстрировала желания вести систематическую борьбу с правительством⁶⁰⁵. «Биржевые ведомости» тонко подметили общественные ожидания от нового созыва Думы: «Открытие происходит в атмосфере вполне определенного общественного настроения. Нет даже робких предположений относительно возможной плодотворности работ народного представительства, отобранного при помощи небывалых раньше фильтров. Вместо надежд – сознание безнадежности. Вместо веры – полное недоверие»⁶⁰⁶. Разделяли мнение публицистов петербургской газеты и «Русские ведомости»: «Сотрудничать с такой палатой, относительно которой ничего заранее не знаешь, в которой так многое зависит от простой случайности, очень трудно, и, конечно, правительство имело бы все основания быть недовольным четвертой Думой, если бы оно само не было повинно именно в таком ее составе»⁶⁰⁷. Среди правых и националистов звучали призывы предоставить октябристов самим себе на случай серьезных голосований. Расчет был на то, что даже если «левые» законы и будут проходить в Думе, то Государственный Совет их не пропустит, и тогда октябристы поймут, где их настоящее место⁶⁰⁸. «Речь» торжествовала, рассуждая о поражении министерства внутренних дел и, в целом, неудаче

⁶⁰⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 9. Л. 136.

⁶⁰⁵ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. С. 464.

⁶⁰⁶ Биржевые ведомости, 15(28) ноября 1912 г.

⁶⁰⁷ Русские ведомости, 16(29) ноября 1912 г.

⁶⁰⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 9. Л. 141.

правых: «Правые и националисты проявили вчера необычную даже для них тяжеловесность и неповоротливость. До вчерашнего утра они продолжали считать себя единственными хозяевами Думы. Понятно из разочарование, когда на их заносчивый тон и неумеренные притязания октябристы ответили категорическим отказом с ними считаться»⁶⁰⁹. «Голос Москвы» продолжил обращать внимание своих читателей на всеобщее недовольство новой Думой. «Четвертой Думой недовольны все. Недовольно общество, которому во время выборной кампании пришлось пережить столько горьких минут, недовольно и правительство, которое в растерянном недоумении видит теперь плоды своих рук» – писал публицист в номере от 15 ноября⁶¹⁰. Не забыли октябристы упомянуть и духовенство, которое, по их мнению, было использовано правительством, чтобы сформировать правую по своему составу Думу: «Как теперь выясняется, духовенство недовольно результатами выборной кампании и особенно тем, что ему пришлось отдать свои голоса в пользу правых, мало симпатичных ему элементов»⁶¹¹. Однако, как удачно подметили в «Биржевых ведомостях», выборы, прошедшие под флагом торжествующего и специально мобилизованного духовенства, не дали, вопреки ожиданиям, значительного количества правых депутатов⁶¹².

Правоконсервативная печать пыталась скрыть неудовлетворение результатами выборов. «Новое время» явно создавало благоприятный фон к открытию заседаний четвертой Думы: «Сегодня начинает свои занятия четвертая Дума. Уже нет более тех опасений за судьбу народного представительства, которыми сопровождалось пять лет назад открытие третьей Г. Думы и которые создали свой лозунг “бережения Думы”. Гос. Дума четвертого созыва уже принимается всеми, как естественное явление нового порядка вещей, настолько вошедшее в сознание масс, что уже одно отсутствие

⁶⁰⁹ Речь, 16(29) ноября 1912 г.

⁶¹⁰ Голос Москвы, 15(28) ноября 1912 г.

⁶¹¹ Там же, 14(27) ноября 1912 г.

⁶¹² Биржевые ведомости, 20 ноября (3 декабря) 1912 г.

народного представительства в эти тяжелые долгие месяцы тревог и международных осложнений чувствовалось и сознавалось особенно ясно и непосредственно»⁶¹³. «Киевлянин» сетовал на некое левое большинство, которое сложилось в только что открывшейся Думе: «Создавшееся в Думе левое большинство, конечно, тоже никоим образом не может быть отнесено на счет полевения страны, хотя бы уже потому, что в составе его видное участие принимают октябристы, которые в своем большинстве не могут быть зачислены в разряд левых»⁶¹⁴. Только «Московские ведомости» честно признавались, в чем они видят неудовлетворенность результатами выборов в четвертую Думу: «Прямо кажется невероятным, что по всей России нашлись только две губернии – Нижегородская и Курская, – которые дали одних только правых членов Думы благодаря тому, что местные губернаторы, несмотря ни на какие вопли хотя бы и титулованных левых, в этих губерниях правое духовенство не отделяли в отдельные курии, а на предварительных съездах оно помогало правым светским избирать правых выборщиков»⁶¹⁵. Газета отмечала, что в партийном составе Думы наблюдается чрезвычайно резкое различия между ожиданиями и действительностью. Во время выборов, по официальным определениям, считалось избранными 146 правых и 17 умеренно-правых. В действительности же, хотя и по сей час неизвестно с точностью, сколько их в Думе, но никто не предполагает теперь больше 60 правых»⁶¹⁶. Публицист справедливо полагал, что такая ситуация неизбежно скажется на работе правительства, курс которого до сих пор нельзя было назвать определенным: «Но и после этого остается один вопрос: насколько определенность правительственной работы окажется возможна при постоянных помехах оппозиции, для которой, по неопределенности состава Думы, легко срывать законопроекты. Вопрос за вопросом встают при размышлении о судьбах

⁶¹³ Новое время, 15(28) ноября 1912 г.

⁶¹⁴ Киевлянин, 16(29) ноября 1912 г.»

⁶¹⁵ Московские ведомости, 1(14) ноября 1912 г.

⁶¹⁶ Там же, 16(29) ноября 1912 г.

четвертой Думы. Теперь уже недолго ждать разрешения этих вопросов самой Думой»⁶¹⁷. Подводя итоги своим рассуждениям, автор дал четкий и не самый благоприятный для правых прогноз: «Таким образом можно вполне ожидать, что 4-я Дума будет для правой России еще зловреднее 3-й»⁶¹⁸. Разделял эту тревогу и «Киевлянин», обращая самое пристальное внимание на соглашение октябристов с кадетами: «Совершенно неожиданно первый шаг четвертой Государственной Думы оказался в высшей степени неудачным. Серьезные сомнения, серьезную тревогу вызывает неожиданный союз октябристов с оппозицией, т.е. с кадетами»⁶¹⁹.

В советской историографии сложилось устойчивое мнение, что итоги выборов в IV Государственную Думу отражали обострение кризиса третьеиюньской системы и в свою очередь являлись одним из факторов, содействовавших дальнейшему его обострению. Усиление правых было следствием избирательной арифметики третьеиюньского закона и прямого деления выборов, то ослабление октябристов отражало реальный процесс изменения расстановки сил в стране⁶²⁰. Тем не менее, правительство не ожидало появления блока октябристов и кадетов, ставшего, хотя и не самым прочным, но достаточно крупным объединением в рамках Думы. Как уже упоминалось выше, организация выборов и, соответственно, достижение желательного для власти результата этих выборов возлагалось на министерство внутренних дел и на его главу, в нашем случае на А.А. Макарова. Однако, нетрудно догадаться, что правительство осталось недовольно результатами выборов. Следовательно, министр внутренних дел не справился со своими обязанностями, а значит, в одном из ключевых ведомств империи назрели большие перемены. Таким образом, весьма редкие слухи об отставке

⁶¹⁷ Московские ведомости, 16(29) ноября 1912 г.

⁶¹⁸ Там же. 1(14) ноября 1912 г.

⁶¹⁹ Киевлянин, 19 ноября (2 декабря) 1912 г.

⁶²⁰ Кризис самодержавия в России. С. 507.

А.А. Макарова мгновенно переросли в весьма устойчивые и близкие к реальной ситуации.

§3. Отставка А.А. Макарова с поста министра внутренних дел.

Систематические слухи о скорой отставке А.А. Макарова появились в печати после 10 декабря. Различные толки на счет возможных перемен в министерстве внутренних дел возникали на протяжении всего 1912 года, однако в обществе им не придавали серьезного значения. В одном из донесений Куманина в начале ноября 1912 года сообщалось следующее: «Слухи о переменах на посту Министра Внутренних Дел в кулуарах не вызывают к себе доверия. Их считают вздорной газетной болтовней»⁶²¹. Он же спустя две недели привел иные сведения: «Вчера Министр Внутренних Дел в бытность свою в Царском Селе представлял прошение об отставке. Однако отставка сенатора А.А. Макарова не была принята. В кулуарах говорят, что мотивом послужило, чтобы А.А. Макаров сам дал объяснения по запросам по поводу избирательной кампании»⁶²². Газета «Киевлянин», ссылаясь на сообщение «Нового времени» и на настроения в думских кругах заявлял, что министр внутренних дел покидает свой пост. «В последние два дня Макаров не принимал докладов, ссылаясь на болезнь» – писали киевские публицисты, пытаясь найти объяснения намечающейся отставке⁶²³. Тут же поднимался вопрос о преемнике, по словам «Киевлянина» им должен стать Н.А. Маклаков: «по политическим убеждениям Маклаков правый, способный человек, недурной оратор»⁶²⁴. На следующий день слухи об отставке министра внутренних дел проникли на страницы «Земщины» со ссылкой на некие «петербургские газеты», вероятнее всего, «Речь»: «...утвердительно говорят об оставлении А.А. Макаровым своего поста и о назначении министром внутренних дел Н.А. Маклакова, черниговского губернатора»⁶²⁵. Далее газета

⁶²¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 9. Л. 154.

⁶²² Там же. Л. 180.

⁶²³ Киевлянин, 14(27) декабря 1912 г.

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ Земщина, 15(28) декабря 1912 г.

попыталась придать своему сообщению больший вес, утверждая, что решение об отставке министра внутренних дел подтверждено премьером Коковцовым⁶²⁶. В этот же день, пока «Земщина» робко перепечатывала сообщения «Речи», «Киевлянин» уже сообщал подробности предстоящей отставки. Так, в публикации указывалось на расстроенное здоровье Макарова, который вечером 13 декабря выехал в Царское Село⁶²⁷. Причины поездки не уточнялись, однако в этом не было необходимости, поскольку следующая фраза в тексте звучала вполне определенно: «В 10 часов вечера Макаров возвратился в Петербург уже не министром, а членом Государственного совета»⁶²⁸. Газета сообщала также о дальнейших действиях уже экс-министра внутренних дел: «16 декабря Макаров уезжает за границу. К этому времени преемник его еще не будет в Петербурге. Макаров распорядился принять меры и сделать приготовления для передачи всех дел товарищу министра Лыкошину впредь до официального назначения нового министра»⁶²⁹. Далее в публикации еще раз сделано уточнение касательно нездоровья Макарова, позволяющее сделать вывод, что болезнь министра, по мнению «Киевлянина», стала главной причиной его отставки. Иное мнение можно встретить в «Гражданине», где князь Мещерский в своей авторской рубрике рассуждал о текущем состоянии министерства внутренних дел. «Что министерство внутренних дел переживает весьма критическую минуту, которую иные называют распадом, а другие – безвластием, – это, к сожалению, ни для кого не секрет, как не секрет также и та печальная истина, что это критическое состояние министерства внутренних дел отражается на всем правительстве, заражая его недугом или характером немощи» – заявлял князь, в очередной раз подчеркивая ключевое положение МВД⁶³⁰. Говоря о внешних проявлениях кризиса в министерстве А.А. Макарова, автор обвинил ведомство в потакании левым политическим силам,

⁶²⁶ Земщина, 15(28) декабря 1912 г.

⁶²⁷ Киевлянин, 15(28) декабря 1912 г.

⁶²⁸ Там же.

⁶²⁹ Там же.

⁶³⁰ Дневники // Гражданин. 1912. №50. С. 12.

говоря о том, что чиновники «принимают этих господ, особливо если от них пахнет левизной, не только любезно, но почтительно, с приветствием»⁶³¹. Отношение к правым, по мнению Мещерского, совершенно противоположное, поскольку «если они получают удовлетворение в своих ходатайствах в пропорции одного на десять, то это еще слава Богу»⁶³². Таким образом князь не просто указал на, как ему кажется, недостатки в работе МВД, но прямо обратил внимание на полный распад внутри министерства, о чем упомянул в конце статьи. Мещерский во всем винил товарищей министра внутренних дел, которые страдают «безответственным деспотизмом». В конце концов, в данной ситуации «крайним» оказался министр внутренних дел, который не контролировал ситуацию внутри ведомства, пребывая в «уверенности, что все волшебным образом успокоилось и идет как по маслу!»⁶³³. Все вышесказанное в очередной раз подтверждает тот факт, что не все правые были расположены к Макарову, и к концу своего пребывания на посту министра внутренних дел, все больше представителей консервативного направления разочаровались в нем. Что касается других правоконсервативных и проправительственных изданий, то в них не обнаружено публикаций, содержащих слухи об уходе А.А. Макарова с поста министра внутренних дел.

Если говорить об осведомленности печатных изданий либерального направления или близких к таковому, то здесь первые слухи о переменах в министерстве внутренних дел появились также 14 декабря 1912 г. В лидерах оказались «Биржевые ведомости», опубликовавшие на первой полосе статью под названием: «Слухи о центральной перемене»⁶³⁴. При этом газета пыталась донести до читателей, что в отставке Макарова, если таковая состоится, нет ничего удивительного. «Как раз к праздникам Рождества по старому стилю нам обещают перемену центральнойшего из бюрократических ведомств – самого

⁶³¹ Дневники // Гражданин. 1912. №50. С. 12.

⁶³² Там же.

⁶³³ Там же.

⁶³⁴ Слухи о центральной перемене // Биржевые ведомости, 14(27) декабря 1912 г.

министерства внутренних дел. Если бы отставка Макарова, действительно, совершилась, она, можно с полной уверенностью сказать, никого бы не поразила неожиданностью» – утверждал публицист⁶³⁵. Не забыли «Биржевые ведомости» упомянуть о возможных причинах отставки: «Напротив, с тех пор, как определились настоящие “успехи” выборной кампании, слухи о неминуемости отставки А.А. Макарова все время носились в воздухе»⁶³⁶. В качестве одной из причин указывалась неудачная подборка Макаровым своих заместителей: «Всякому заранее известно и понятно то, что в ближайших своих помощниках, набранных министром внутренних дел из столыпинских бюрократов второго ранга, он не нашел счастливых сотрудников, о которых могла бы идти речь насчет государственной необходимости, или, хотя бы только очевидной полезности их служебной преемственности»⁶³⁷.

На следующий день «Речь» подтвердила слухи об отставке А.А. Макарова в своей передовице: «На этот раз периодически возникающие слухи оправдались. Министр внутренних дел А.А. Макаров оставил свой пост, и теперь даже и официоз не скажет, что для возникновения слухов не было никаких оснований»⁶³⁸. Разумеется, газета определила отставку министра как вполне логичную и обоснованную, однако указала на то, что момент выбран не самый подходящий: «Только что председатель совета министров сообщил Гос. Думе правительственную декларацию, в которую, как известно, программа министерства внутренних дел входит самым существенным элементом» – заявляла «Речь»⁶³⁹. Далее следовал вопрос: «Если завтра во главе министерства становится новое лицо, то выходит, что счет составлен без хозяина, и как он отнесется к чужому плану работы – совершенно неизвестно»⁶⁴⁰. Однако тут же публицист на него ответил, заявив, что

⁶³⁵ Слухи о центральной перемене // Биржевые ведомости, 14(27) декабря 1912 г.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Там же.

⁶³⁸ Речь, 15(28) декабря 1912 г.

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Там же.

программа на самом деле не представляет собой «стройно продуманный план», поэтому не имеет значения то, какой человек будет пытаться ее реализовывать. Не забыли кадеты попутно обвинить Макарова в отсутствии у него административных способностей: «Управление А.А. Макарова, как известно, отличалось полным бесплодием, никакого проявления творческой мысли, никакого умения справиться с безмерными потребностями страны»⁶⁴¹. Обвинение выглядит довольно странным и излишне эмоциональным. Достаточно лишь обратить внимание на пассаж об «удовлетворении безмерных потребностей страны» – возможно ли это, раз потребности безмерны?

«Голос Москвы» в номере от 13 декабря сообщал о предстоящей поездке А.А. Макарова за границу. Ниже были опубликованы слухи о готовящейся отставке министра внутренних дел: «В думских кругах определенно говорят о том, что министр внутренних дел А.А. Макаров покидает свой пост. Официальное сообщение об этом ожидается в самом ближайшем будущем»⁶⁴². Далее следует ссылка на болезнь министра, с той же формулировкой, что и в «Киевлянине». На вопрос о преемнике «Голос Москвы» также ответил однозначно: «Заместителем Макарова называют Н.А. Маклакова, черниговского губернатора. По своим политическим убеждениям Маклаков – правый»⁶⁴³. О том же сообщал и Куманин в одном из декабрьских донесений: «Кулуары быстро облетела весть, что Председатель Совета Министров сказал, что Указ о назначении Маклакова Министром Внутренних Дел еще не подписан, причем подчеркнул, что речь об этом назначении идет еще с июля месяца. Слухи о предстоящей перемене на посту Министра Внутренних Дел вызывают довольно разнообразные отношения. Правые шепчутся между собою и находят, что уход А.А. Макарова является торжеством «Коковцовского режима». В то же время правые просили представителей

⁶⁴¹ Речь, 15(28) декабря 1912 г.

⁶⁴² Голос Москвы, 13(26) декабря 1912 г.

⁶⁴³ Там же.

печати огласить, что правое крыло Государственной Думы приветствует назначение Н.А. Маклакова и радо видеть на посту Министра Внутренних Дел человека твердых правых убеждений. Националисты признают, что Маклаков человек «тонкий, тактичный, в политических взглядах умеренный правый». Октябристы видят в назначении Маклакова известного рода уступку общественному мнению. Оппозиция вслух, конечно, не придает никакого реального значения смене лиц на посту Министра Внутренних Дел, но все-таки присоединяется к октябристам, провозглашая, что после истекшей избирательной кампании уход А.А. Макарова единственно приличный выход из создавшегося совершенно нестерпимого положения»⁶⁴⁴. На следующий день в рубрике «Вести дня» газета сообщила, что слух об отставке Макарова якобы подтвердился⁶⁴⁵. В целом, публикации «Голоса Москвы» весьма скудны по содержанию и по формулировкам нередко схожи с материалами из других изданий, что может натолкнуть на мысль о банальной перепечатке публикаций. Таким образом, мы можем убедиться, что слухи о возможной отставке А.А. Макарова с поста министра внутренних дел занимали значительное место на страницах ряда периодических изданий. Их значение не стоит преувеличивать, однако они позволяют сделать определенные выводы. Во-первых, практически все печатные органы сообщали о болезни Макарова, что вполне объясняется его частыми отъездами из столицы. Во-вторых, это может свидетельствовать о том, что болезнь не была главной причиной отставки, скорее всего император был недоволен результатами работы министра. Об этом же впоследствии писал В.Н. Коковцов: «Покончивши с моими очередными делами, я собирался было исполнить просьбу Сазонова, но Государь предупредил, меня, сказавши буквально следующее: «Я решил расстаться с Макаровым. Это бесспорно честный человек, но он совершенно не справляется с делом»⁶⁴⁶. Отсюда следует, что разговоры в прессе о болезни

⁶⁴⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 9. Л. 192.

⁶⁴⁵ Голос Москвы, 14(27) декабря 1912 г.

⁶⁴⁶ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 84.

А.А. Макарова имели целью скрыть неосведомленность печатных органов о реальных причинах возможной отставки министра.

А.А. Макаров оставил свой пост 16 декабря 1912 года, о чем тут же было сообщено в прессе: «Именными Высочайшими указами правительствующему сенату тайный советник Макаров увольняется по прошению, по болезни, от должности министра внутренних дел с оставлением членом Г. Совета и сенатором. <...> Объявлена Высочайшая благодарность члену Г. Совета Макарову за ревностные труды в должности министра внутренних дел»⁶⁴⁷. При этом вряд ли представляется возможным связывать отставку с конфликтом министра внутренних дел с В.Н. Коковцовым. В своей книге Ф.А. Гайда указывает на то, что в глазах императора А.А. Макаров не справился с возложенными на него обязанностями, связанными с организацией выборов, Ленским делом и рядом других⁶⁴⁸. В преддверии празднования 300-летия Дома Романовых иметь министра, не пользующегося доверием императора, было бы огромной ошибкой. С этой точки зрения отставка А.А. Макарова виделась вполне логичной. Ю.Б. Соловьев указывает на то, что А.А. Макаров был уволен с должности министра внутренних дел без предварительных консультаций с Коковцовым⁶⁴⁹. Глава правительства впоследствии опровергал этот факт в своих мемуарах: «Вам такая перемена будет, конечно, очень неприятна, потому что Макаров назначен Мною по Вашему предложению» – говорил император Коковцову, – «и Я хочу поэтому предложить Вам пост посла в Берлине, если бы Вам было тяжело расстаться с Макаровым»⁶⁵⁰. Премьер поблагодарил Государя за доверие и счел необходимым высказаться о реальных взаимоотношениях с А.А. Макаровым. «Я начал с того, что отнюдь не считаю себя во всем солидарным с Макаровым и не посмотрю на увольнение его как на личное для меня огорчение. Я <...> не скрыл от

⁶⁴⁷ Голос Москвы, 16(29) декабря 1912 г.

⁶⁴⁸ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России (1910 – 1917). С. 220.

⁶⁴⁹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. С. 141.

⁶⁵⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 85.

Государя, что я глубоко разошелся с Макаровым по Ленскому делу и некоторым его приемам по выборам в Государственную Думу. Для меня, как Председателя Совета Министров, важно не сохранение Макарова на месте Министра Внутренних Дел, и замещение его другим, более подходящим, лицом, которое, однако, нельзя, во всяком случае, произвести немедленно, а следует, но меньшей мере, отложить до конца октября, когда будут завершены выборы в Думу»⁶⁵¹. Коковцов упомянул, что данный разговор состоялся летом 1912 года, то есть, за несколько месяцев до отставки Макарова. Эту беседу императора с премьер-министром вполне можно считать своего рода «консультацией», ведь Николай II желал выслушать мнение Коковцова о возможном удалении А.А. Макарова с поста министра внутренних дел. Как мы видим, данный момент был использован премьером для того, чтобы показать расхождение с Макаровым по ряду вопросов внутренней политики.

Правоконсервативная печать пыталась выразить сожаление об уходе Макарова – «Московские ведомости» так отозвались на его отставку: «Александр Александрович Макаров действительно принадлежит к числу сановников, не знающих предела в трудах по должности, и, хотя отличается редкой трудоспособностью, но принял Министерство в такой момент, когда оно требовало сверхчеловеческих усилий»⁶⁵². Не обошлось также и без упоминания о слабом здоровье министра: «С первых же шагов на службе А.А. Макаров был завален такой работой, что уже тогда не раз опасались за его здоровье»⁶⁵³. По мнению публициста, Макаров, проведя выборы в четвертую Государственную Думу, решил дать себе некоторый отдых⁶⁵⁴. Интересное замечание было оставлено в заключение статьи: «Вообще – он уходит окруженный горячими сожалениями всех, имевших с ним дело»⁶⁵⁵. В совершенно ином ключе рассуждала о деятельности А.А. Макарова

⁶⁵¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. С. 85.

⁶⁵² Московские ведомости, 18(31) декабря 1912 г.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ Там же.

«Земщина», указывая на его недостатки: «При всей своей честности и преданности Престолу он оказался слишком слабовольным, и потому не руководил министерством, а им руководили разные чиновники и при том, нередко сомнительных качеств»⁶⁵⁶. В связи с этим замена А.А. Макарова на Н.А. Маклакова виделась газете вполне своевременной и логичной. «Россия, при всем своем миролюбии, может быть втянута в войну. Если это случится, революция несомненно подымет голову, и вот тут-то власти и придется быть на страже внутреннего спокойствия. А смог ли бы Макаров обеспечить внутренний порядок – более чем сомнительно»⁶⁵⁷. В подобном ключе высказались и публицисты «Киевлянина»: «Он (Н.А. Маклаков – Авт.) сменит честного, благородного, но безвольного А.А. Макарова, не обладавшего ни авторитетом, ни способностями государственного человека»⁶⁵⁸. Также подчеркивалось, что особенно в его отставку заинтересованы оппозиционные силы, поскольку «непродолжительное пребывание которого на посту министра внутренних дел снискало ему (А.А. Макарову – Авт.) заметную непопулярность среди политических партий, составляющих оппозицию»⁶⁵⁹. Публицист утверждал, что именно с этим могли быть связаны надежды оппозиции на перемены правительственного курса в сторону их политических устремлений⁶⁶⁰.

Не менее любопытным образом отреагировало на отставку Макарова «Новое время» – 18 декабря публицист газеты М.О. Меньшиков опубликовал статью «Смена властей», где попытался обозначить реальную причину ухода министра внутренних дел. «Не только действительно слабому здоровью и мягкому характеру следует приписать уход А.А. Макарова, а также и тем трениям и той натянутости, которые неизбежно существовали при разделении

⁶⁵⁶ Земщина, 17(30) декабря 1912 г.

⁶⁵⁷ Там же.

⁶⁵⁸ Киевлянин, 20 декабря 1912 г. (2 января 1913 г.).

⁶⁵⁹ Киевлянин, 18(31) декабря 1912 г.

⁶⁶⁰ Киевлянин, 20 декабря 1912 г. (2 января 1913 г.).

одной и той же роли между двумя отдельными министрами»⁶⁶¹. Под вторым министром, в данном случае, Меньшиков подразумевал В.Н. Коковцова. Автор явно был убежден в том, что премьер-министр должен иметь еще и портфель министра внутренних дел, как это было в случае со Столыпиным, поскольку «двоевластие не терпится на высоте верховной власти»⁶⁶². Меньшиков также не преминул высказаться и о личности покидающего свой пост министра: «Вполне решительный и без всякой хитрости, он внушал к себе уважение даже своих врагов. Чрезвычайно сдержанный, корректный, справедливый, пропитанный, так сказать, юстицией, как сардинка маслом»⁶⁶³. По его мнению, Макаров был идеальнейшим врагом революции, «врагом-джентльменом»⁶⁶⁴. Нельзя не отметить, что Меньшиков явно расположен к Макарову, что особенно отчетливо просматривается в обозначении автором причин отставки: «К глубокому сожалению, эти личные свойства характера ушедшего министра встретились с тяжелой инерцией вообще нашей внутренней политики, с традициями власти, требующей давления и нажимов. <...> От него ждали во что бы то ни стало Г. Думы патриотической и лояльной <...> Обилие бестактностей с этой стороны, как общая нелепость правительства в трагических ленских событиях, – а всего более груз – прямо сверхсильный – неразрешенных общих задач внутреннего устройства, – вот что помимо болезни повело к преждевременной отставке А.А. Макарова»⁶⁶⁵. Таким образом, несложно догадаться, что Меньшиков сожалеет об уходе А.А. Макарова, приписывая его неудачи на посту министра внутренних дел особенностям российской политики и сложным текущим условиям.

«Гражданин» и лично князь Мещерский не отставали от остальных правоконсервативных изданий: «На днях окончились 15 месяцев управления министерством внутренних дел г. Макарова, человека способного,

⁶⁶¹ Меньшиков М.О. Смена властей // Новое время, 18(31) декабря 1912 г.

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Там же.

благонамеренного, честного, но совершенно незнакомого с Россией, с ее жизненными нуждами и с администрацией, и не обладавшего способностью избирать людей»⁶⁶⁶. Отсюда князь выводил тот факт, что Макаров, в конце концов, подчинил себя влиянию неудачно подобранных им товарищей министра. «Во всяком случае, от механизма, в котором все пружины и двигатели были расстроены взаимным недоверием главных действующих лиц в министерстве. Страдало все министерство, страдал общий ход дел, страдал министр, страдали губернии и губернаторы и паче всего продолжала страдать Россия» – восклицал Мещерский⁶⁶⁷. Разумеется, князь не мог не сделать отсылку к личностному портрету Макарова, его чертам характера, которые, несомненно, повлияли на общий ход дел в министерстве: «Когда я увидел впервые Макарова, входя в его кабинет, и стал разглядывать его физиономию, мне моментально представился тихий и мирный человек, ни от чего не приходящий в восторг, ни от чего не приходящий в негодование, спокойно слушающий, спокойно обсуждающий... <...> В общем, он произвел на меня впечатление симпатичное, ибо я вышел от него с ощущением, что говорил не столько с министром, сколько со спокойным, честным и кротким человеком»⁶⁶⁸. Таким образом, реакция князя Мещерского в основных чертах напоминает отзыв М.О. Меншикова по поводу отставки А.А. Макарова. Для князя он – человек уравновешенный, благородный и вполне способный, однако слабохарактерный и не способный к исполнению такой ключевой должности как министр внутренних дел.

Как уже было сказано выше, отставка А.А. Макарова была предметом особых ожиданий для оппозиционных сил. Так ли это было на самом деле? Предпримем попытку ответить на данный вопрос. Передовая статья «Речи» в номере от 18 декабря начиналась с таких слов: «Вот удобный случай повторить изречение уходящего ныне в отставку министра внутренних дел: “Так было и

⁶⁶⁶ Дневники // Гражданин. 1912. №51. С.12.

⁶⁶⁷ Там же.

⁶⁶⁸ Там же.

так будет”. Ибо что может измениться с заменой министра А.А. Макарова министром Н.А. Маклаковым?»⁶⁶⁹. Этим же вопросом задавались и в «Биржевых ведомостях» чуть ранее, в номере от 16-го числа: «Теперь начались газетные и общественные гадания: с праздником мы, или все останется по-старому? Состоявшаяся уже перемена в центральной ведомстве принесет реформу, хоть какую-нибудь, каких при А.А. Макарове вовсе не замечалось, да и на самом деле не было, или только – смену лиц?»⁶⁷⁰. Очевидно, судя по вышеприведенным высказываниям, что все чаяния кадетов связаны с реформами. С какими – не имеет значения, да и сами конституционалисты-демократы об этом вряд ли задумывались. Однако в конце передовицы все-таки находим указание на характер вожделенных реформ: «Будем от всего сердца надеяться, что молодой министр (Н.А. Маклаков – Авт.) справится с выпадающей ему огромным органически трудом и огромной же ответственностью перед Россией, которая хотела бы в него уверовать, как в исполнителя, наконец, реформ 17-го октября»⁶⁷¹. Таким образом, подтверждается мнение, высказанное выше в «Киевлянине» о том, что отставка А.А. Макарова ожидалась оппозицией, в частности, кадетами, с нескрываемым вожделением новых реформ по укреплению конституционного строя в России.

Спустя три дня в либеральной прессе появились подробности, сопровождавшие отставку министра внутренних дел. «Биржевые ведомости» привел реакцию внутри самого министерства: «Говорят, что отставка А.А. Макарова среди чинов министерства встречена весьма сочувственно. Объясняется это тем, что ближайшие помощники Макарова создали в министерстве тяжелую атмосферу. На смену “саратовцам”, переполнившим министерство при Столыпине, при Макарове министерство заполнилось

⁶⁶⁹ Речь, 18(31) декабря 1912 г.

⁶⁷⁰ Биржевые ведомости, 16(29) декабря 1912 г.

⁶⁷¹ Там же.

“купцами”».⁶⁷² Под последними в данном случае подразумевались товарищи министра Харузин и Золотарев, а также и прочие чины ведомства. «Речь» впоследствии перечислила имена «помощников» Макарова в контексте их дальнейшего пребывания в своих должностях: «Из вполне компетентных источников сообщают, что предполагается отставка товарищей министра Харузина и Золотарева, директора департамента полиции Белецкого, начальника канцелярии министра внутренних дел Зубовского и начальника главного управления по делам местного хозяйства Анциферова»⁶⁷³. Далее газета указывала, что 21 декабря должно состояться совещание, где будет поставлен вопрос о смещении указанных лиц в присутствии нового министра и В.Н. Коковцова⁶⁷⁴. Особое внимание либеральной прессы привлекал А.Н. Харузин. Газеты неоднократно отмечали его роль в деятельности министерства при А.А. Макарове. Именно он считался тем человеком, который наибольшим образом влиял на решения министра внутренних дел. «Благодаря покровительству Макарова, в министерстве положительно господствовал один титулованный делец, проводивший в ведомстве всякие дела, причем даже чиновники боялись отказывать ему в услугах» – не стеснялись в выражениях «Биржевые ведомости»⁶⁷⁵. В свою очередь «Речь» шла гораздо дальше и прямо заявляла «темных» делах Харузина: «О своеобразных приемах этого дельца циркулирует немало характерных подробностей, доходивших и до министра. И тем не менее, влияние его столь возрастало, что его опасались более чем самого А.А. Макарова»⁶⁷⁶. Здесь же был приведен пространный рассказ, ярко иллюстрирующий якобы влияние Харузина на министра Макарова. Дело в том, что незадолго до своей отставки А.А. Макаров предложил Н.А. Маклакову занять должность нижегородского губернатора. Черниговский губернатор ответил лаконично: «Не согласен. Губернатор Маклаков». Очевидно, что

⁶⁷² Биржевые ведомости, 19 декабря 1912 г. (1 января 1913 г.).

⁶⁷³ Речь, 16(29) декабря 1912 г.

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Биржевые ведомости, 19 декабря 1912 г. (1 января 1913 г.).

⁶⁷⁶ Речь, 16(29) декабря 1912 г.

министр внутренних дел был задет данной формулировкой ответа и вызвал Маклакова в Петербург. Однако последний объяснялся не с самим министром, а с его заместителем Харузиным, который указал ему на недопустимость подобной лаконичности в переписке с министром⁶⁷⁷. Тем самым либеральная пресса в очередной раз убеждала читателей в неспособности А.А. Макарова контролировать такой ключевое ведомство, как министерство внутренних дел. Представляется очевидным, что оппозиции было необходимо показать общественности целесообразность смены министра внутренних дел, который, по их мнению, мешал проведению конституционных реформ.

Таким образом, результаты выборов в Государственную думу IV созыва оказались неудовлетворительными для правительства. Окончательно отказавшись от опоры на октябристов в народном представительстве, власть не смогла, несмотря на все свои усилия, сформировать в Думе нового созыва ярко выраженное правое большинство. Спустя месяц после открытия Государственной думы министр внутренних дел А.А. Макаров ушел в отставку. Это может свидетельствовать только о том, что министр не справился со своими прямыми обязанностями и не смог обеспечить положительные для правительства результаты выборов. В данной ситуации смена главы одного из ключевых министерств в империи виделась логичной и вполне ожидаемой, поэтому и не вызвала бурной реакции в обществе.

⁶⁷⁷ Речь, 16(29) декабря 1912 г.

Заключение

Пятнадцатимесячное нахождение А.А. Макарова во главе министерства внутренних дел закончилось для профессионального чиновника весьма бесславно. В сентябре 1911 года император и общественно-политические круги связывали с ним определенные ожидания. Разумеется, о кардинальных изменениях в ведомстве никто не помышлял, но надежды на стабилизацию ситуации внутри ведомства, повышение эффективности его работы четко прослеживались в общественном мнении. Репутация А.А. Макарова как человека, преданного Государю и Отечеству, обладающего хорошей работоспособностью, к тому же достаточно молодого по меркам высшей бюрократии, во многом способствовала распространению этих ожиданий в общественном мнении. Таким образом, несмотря на незначительную критику со стороны либералов, назначение Макарова на один из ключевых постов в империи воспринималось общественностью как вполне закономерное явление. В первое время А.А. Макаров в целом справлялся со своими прямыми обязанностями, проявляя удивительную работоспособность. При его непосредственном участии в Государственной думе велось обсуждение законопроекта о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского. Эта мера была, по сути, продолжением столыпинской национальной политики, и именно Макарову, как бывшему соратнику покойного премьера, фактически была поставлена задача обеспечить поддержку законопроекта в думском центре. Министр вполне справился с решением данной задачи, что должно было укрепить его позиции в глазах императора и представителей высшей бюрократии.

Новый 1912 год начался для А.А. Макарова с тревожных событий. В периодической печати, подконтрольной лидеру октябристов А.И. Гучкову, началась кампания против Григория Распутина. Она не только являлась частью предвыборной гонки, но и затрагивала самым непосредственным образом императорскую семью. Для Макарова стало «делом чести» обезопасить Николая II и его близких от распространения различных слухов и сплетен,

прекратив подобные публикации в прессе. К сожалению для министра, справиться с этой задачей ему не удалось, что несколько подорвало его репутацию в глазах императора и политической верхушки империи. Вероятно, в данной ситуации «законнику» Макарову не хватило политической ловкости и навыков «царедворца».

Следующий крупный политический скандал с участием министра внутренних дел случился весной 1912 года. В то время у Макарова уже начали проявляться проблемы со здоровьем, что вынуждало его проводить значительное время вне столицы. Как раз в один из таких отъездов на ленских золотых приисках произошло кровавое столкновение, впоследствии раздутое все той же общественностью до события всероссийского масштаба. В этой ситуации главной задачей правительства, а именно министерства внутренних дел, было убедить общество в том, что власть способна и намерена провести самое тщательное расследование обстоятельств трагедии и наказать истинных виновников такого положения дел. А.А. Макаров выступил в Государственной думе с речью, которая, как ему казалось, вполне отвечает на основные претензии общественно-политических кругов. Однако, поспешное и необдуманное выступление министра возымело обратный эффект, приведя в бешенство левых и вызвав нескрываемое разочарование в правоконсервативных кругах. Соответственно, в глазах российской общественности А.А. Макаров предстал грубым циником, ничего не знающим о реальном положении дел в стране. В конечном итоге, эти события не только сказались самым тяжелым образом на репутации Макарова, но и повлияли на его дальнейшую карьеру во главе ведомства.

Осенью 1912 года А.А. Макаров получил хороший шанс реабилитироваться в глазах верховной власти, обеспечив желательный для правительства результат выборов в IV Государственную думу. Поначалу, министерству удавалось контролировать ситуацию, и предварительная статистика позволяла власти надеяться на положительный исход выборов. Однако, с открытием новой Думы ситуация значительно изменилась и

количество проправительственных депутатов существенно сократилось. Разумеется, на основе этого можно сделать вывод, что А.А. Макаров в очередной раз не справился с возложенными на него обязанностями и не только не смог обеспечить необходимый правительству результат выборов, но и дискредитировал власть в глазах общественности путем прямого воздействия на проведение избирательной кампании. Также следует отметить, что определенное влияние на министра внутренних дел имели его заместители, что наталкивает на мысль о том, что Макаров не контролировал ситуацию в ведомстве и фактически отдал организацию проведения выборов в руки своих ближайших помощников.

Деятельность А.А. Макарова на посту министра внутренних дел в ходе событий, получивших наибольший общественный резонанс воспринималась в российском обществе того времени весьма неоднозначно. Можно выделить три совершенно отличных друг от друга представления о работе министра на посту главы МВД:

1). Проправительственные силы поначалу видели в нем человека, способного навести порядок в министерстве внутренних дел, чиновника с безупречной биографией, который отличался большой работоспособностью, будучи при этом бескорыстным и честным. После отставки А.А. Макарова, правоконсервативные круги сожалели об его уходе, однако формировали портрет тяжелобольного и уставшего человека, не справившегося с возложенным на него руководством одним из ключевых министерств империи. Дабы сгладить общее впечатление, говорилось о том, что работа в ведомстве требовала от Макарова сверхчеловеческих усилий, в результате чего он фактически отдал управление министерством в руки своих заместителей, которые оказались попросту некомпетентными в этом деле.

2). Политический «центр» в лице октябристов, утративший после гибели П.А. Столыпина существенную поддержку правительства поначалу спокойно отреагировал на назначение А.А. Макарова министром внутренних дел. В нем они видели хорошо осведомленного человека, обладающего несомненным

талантом администратора, способного наладить эффективную работу своего ведомства. По окончании пребывания Макарова в должности, октябристы разочаровались в нем – по их мнению министр проявлял абсолютную безвольность в решении важных вопросов и был неспособен к проведению реформ в министерстве. Подобная оценка деятельности А.А. Макарова вполне объяснима – ведь именно во время его пребывания во главе министерства внутренних дел власть отказалась от сотрудничества с октябристами в Государственной думе.

3). Либеральная оппозиция в лице кадетов изначально выступала против выбора императора в лице А.А. Макарова. В их глазах он представлял в образе «столыпинского» чиновника, который ассоциировался у них с борьбой против революции и с препятствиями на пути установления в России конституционного строя. Ко времени отставки Макарова негативное восприятие министра и его деятельности у кадетов только усилилось. Он представлялся бездарным чиновником, попавшим под влияние своих заместителей, его педантичность и внимание к мелочам ставились ему в недостаток, а слабые ораторские способности вообще служили главным критерием его некомпетентности в занимаемой должности.

Таким образом, деятельность А.А. Макарова на посту министра внутренних дел оставила неоднозначное впечатление. Первые шаги нового главы МВД внушали определенный оптимизм и носили продуманный и последовательный характер. Однако первые серьезные политические вызовы оказали определяющее влияние на его дальнейшую карьеру и убедили императора и общественность, что Макаров – совсем не тот человек, который необходим на посту министра внутренних дел в текущей внутривластной ситуации. Безупречного знания законов и неукоснительного следования им в данном случае было недостаточно – требовался «министр-политик», уверенно чувствующий себя в бурной общественно-политической жизни третьеиюньской системы и способный контролировать и направлять эту жизнь. Кроме того, нельзя не отметить и слабое здоровье А.А. Макарова,

которое не позволяло ему быть энергичным и деятельным министром. Вышеперечисленные факторы не только уничтожили А.А. Макарова как политика и государственного деятеля в глазах российской общественности, но и во многом дискредитировали саму власть и существующий строй. В исторической перспективе министерство Макарова явилось во многом программирующим для последующих институциональных конфликтов, ставших важнейшей причиной кризиса и краха третьеиюньской системы.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. 570. (Макаров Александр Александрович, министр внутренних дел, шеф Отдельного корпуса жандармов (1911 – 1912 гг.)). Оп. 1. Д. 18, 19, 20.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 776. (Главное управление по делам печати МВД). Оп. 9. Д. 2551; Оп. 10. Д. 630, 637; Оп. 17. 1912. Д. 71.
2. Ф. 966. (Коковцев Владимир Николаевич (1853 – 1943), министр финансов, председатель Совета министров). Оп. 2. Д. 1.
3. Ф. 1161 (Высочайшие постановления (коллекция)). Оп.1. Д.147.
4. Ф. 1276. (Совет министров). Оп. 7. Д. 643, 644; Оп. 8. Д. 1, 3, 8.
5. Ф. 1281. (Совет министра внутренних дел). Оп. 10. 1911. Д. 5, 6, 7, 8; 1912. Д. 1, 2, 3, 4, 5;
6. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 730, 731, 1197;
7. Ф. 1620. (Богданович Евгений Васильевич, 1829–1914; генерал от инфантерии, член Совета министра внутренних дел (1888 – 1914)). Оп. 1. Д.

1. Законодательство

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXV. 1905. Отделение I. № 27805.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXXI. Отделение 2. СПб, 1911; ПСЗРИ. Собрание третье. Том XXXII. Отделение 1. СПб, 1912; ПСЗРИ. Собрание третье. Том XXXII. Отделение 2. СПб, 1912.

Опубликованные делопроизводственные материалы

1. Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. СПб., 1912.
2. Государственная дума. Обзор I сессии IV Государственной думы. СПб., 1913.

3. Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I – IV. СПб., 1911 – 1912.
4. Ленские прииски. Сборник документов / под ред. П. Поспелова. М., 1937.
5. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 – 1917 гг. / 1911 год. М., 2002.
6. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 – 1917 гг. / 1912 год. М., 2004.

Периодическая печать

1. Вестник Европы. 1911, сентябрь – 1912.
2. Вечернее время. 1911, сентябрь – 1912.
3. Голос Москвы. 1911, сентябрь – 1912.
4. Гражданин. 1911, сентябрь – 1912.
5. Земщина. 1911, сентябрь – 1912.
6. Московские ведомости. 1911, сентябрь – 1912.
7. Новое время. 1911, сентябрь – 1912.
8. Речь. 1911, сентябрь – 1912.
9. Русская мысль. 1911, сентябрь – 1912.
10. Русские ведомости. 1911, сентябрь – 1912.
11. Русское слово. 1911, сентябрь – 1912.
12. Современное слово. 1911, сентябрь, – 1912.

Источники личного происхождения

Воспоминания

1. Бельгард А.В. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
2. Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906 – 1917: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б. М. Виттенберга. М., 2001.
3. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
4. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997.

5. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903 – 1919 гг.). В 2 кн. М., 1992.

6. Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993.

Дневники

1. Дневники императора Николая II (1894 – 1918): в 2 т. М., 2013.

2. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.

Переписка

1. Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Литература

1. Аврех А.Я. Ленский расстрел и кризис третьеиюньской системы. М., 1962.

2. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

3. Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

4. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966.

5. Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981.

6. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1908 – 1917). М., 2024.

7. Аксенов Ю.С. Ленские события 1912 года. М., 1960.

8. Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи. Дума, царизм, союзники по Антанте (1907 – 1917 гг.). СПб., 2009.

9. Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910 – 1914 гг. М., 1975.

10. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984.

11. Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.

12. Варнакова Г.С. Состав Совета министров Российской империи 1905 – 1914 гг. (опыт индивидуальной и коллективной характеристики на основе документов личного происхождения). Дис. ... к.и.н. М., 2004.

13. Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911 – 1917) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс]; МГУ им. М.В.Ломоносова, Ист. фак-т. – М., 2008. С. 647 – 656.
14. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910 – 1917). М., 2016.
15. Гайда Ф.А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьеиюньской системы (1911 – 1917) // Российская история. 2009. №4. С. 77 – 90.
16. Гайда Ф.А. Правящая бюрократия в восприятии российских консерваторов в период кризиса третьеиюньской системы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. №2. С.3 – 13.
17. Гайда Ф.А. Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса третьеиюньской системы (1911 – 1917) // Отечественная история. 2007. №4. С.42 – 56.
18. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: о государственном устройстве. Т.2. М., 2006
19. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906 – 1917. М., 2006.
20. Демин В.А. Государственная дума России (1906 – 1917): механизм функционирования. М., 1996.
21. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
22. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л., 1978.
23. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. в эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906 – 1917. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
24. Каретников С. М. Холмская губерния: географическо-исторический очерк. Лубны, 1913.
25. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911 – 1917. М., 2001.

26. Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998.
27. Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л., 1984.
28. Леднева И.В. Либеральная оппозиция в III Государственной думе: 1907 – 1912 гг. Дис. ... к.и.н. СПб., 2002.
29. Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. №11 – 12. С.29 – 48.
30. Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907 – 1914. Пермь, 2001.
31. Любаров П.Е. III Государственная дума и Ленские события 1912 г. // Вопросы истории СССР. 1986. Вып. 31. С.121 – 128.
32. Макаров С.В. Совет министров Российской империи. 1857 – 1917 гг. Государственно-правовые проблемы. СПб., 2000.
33. Мунгалов Н.Н. Ленский расстрел 1912 г.: исторический очерк. Иркутск, 2009.
34. Невский А. Ленские события и их причины. СПб, 1912.
35. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 2016.
36. Потякин А.А. Участие министерства внутренних дел Российской империи в создании правовой базы выборов // История государства и права, М. 2004, №1. С. 39 – 41.
37. Розенберг В. Из истории русской печати. Прага, 1924.
38. Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России в начале XX века. Дис. ... д.и.н. М., 2001.
39. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906 – 1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.
40. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906 – 1914). М., 2011.
41. Соловьев К.А. Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную Думу // К 80-летию Роальда Федоровича Матвеева. Сб. научн. Статей. М. РГГУ, 2008. С. 295 – 301.

42. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906 – 1917 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
43. Соловьев К.А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
44. Соловьев К.А. Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. II. Власть. Общество. Культура. М., 2011. С.74 – 160.
45. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. Л., 1990.
46. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905 – 1917 гг. Л., 1977.
47. Сычев Н.Ф. Государственный секретарь А.А. Макаров и другие кандидаты на пост министра внутренних дел в общественном мнении (сентябрь 1911 г.) // Человеческий капитал. 2023. №2 (170). С. 45 – 51.
48. Сычев Н.Ф. Министр внутренних дел А.А. Макаров и газетная кампания против Григория Распутина в общественном мнении (январь – март 1912 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. С.102 – 112.
49. Сычев Н.Ф. Отставка министра внутренних дел А.А. Макарова в общественном мнении // Человеческий капитал. 2023. №7 (175). С.65 – 73.
50. Сычев Н.Ф. Разъяснения министра внутренних дел А.А. Макарова по запросам о Ленских событиях в общественном мнении (апрель 1912 г.) // Клио. 2024. №3 (207). С. 218 – 225.
51. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2017.
52. Флоринский М.Ф. Верховная власть и правительство России (1907 – 1914) // Старцевские чтения – 2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сборник воспоминаний и научных статей. СПб., 2007. С.95 – 107.
53. Флоринский М.Ф. Институт всеподданнейших докладов членов Российского правительства (1905 – 1914 гг.) // Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2011. С.80 – 92.
54. Хаген М. Ленский расстрел 1912 года и российская общественность // Отечественная история. 2002. №2. С.61 – 76.

55. Шаццлло К.Ф. Ленский расстрел и царское правительство (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Большевиcтская печать и рабочий класс в России в годы революционного подъема (1910 – 1914). М., 1965.
56. Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. – N. Haven&London, 1989.
57. McKean R.B. Between the revolutions: Russia 1905 to 1917. L., 1990.
58. McReynolds L. The news under Russia`s Old Regime. The Development of a Masscirculation press. Princeton, 1991.